

Федор Иванович Успенский
История Византийской империи. Становление

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=147078

Успенский, Ф.И. История Византийской империи. Становление : АСТ, Астрель; Москва; 2011
ISBN 978-5-17-072052-1, 978-5-271-33920-2

Аннотация

Том первый (Становление) «Истории Византийской империи», труда выдающегося русского византиста Ф.И. Успенского, охватывает первый (до 527 г.) и второй (518–610 гг.) периоды истории Византии, – от перенесения столицы в Константинополь до восстания экзарха Ираклия.

Содержание

Предисловие	4
Введение	6
Период I (до 527 г.)	26
Глава I	26
Глава II	33
Глава III	41
Глава IV	56
Источники для изучения времени Юлиана	72
Пособия	73
Глава V	74
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Федор Успенский

История Византийской империи. Становление

Предисловие

Я весьма сожалею, что поздно приступил к печатанию работы, которую задумал не менее 25 лет назад. Часто возникает сомнение, удастся ли довести дело до конца, так как приближаюсь к пределу жизни. В продолжение сорокалетних занятий разными отделами Византии я имел случай останавливаться на многих вопросах, и многие отделы обрабатывались в разное время и с разными целями. Но когда наступила пора суммировать доселе приготовленное, сказалась в разных отделах разность настроения и неодинаковость общей идеи. Происходит ли это от условий возраста или от условий постепенного расширения кругозора? К сожалению, я не решаюсь ответить на этот вопрос, т. е. боюсь погрешить против дела. Несомненно, 20 лет назад я говорил смелей, делал более обобщений и заключений, не так осторожен был в приговорах: теперь мне часто приходилось смягчать выражения, сглаживать резкость мысли, переделывать целые главы, чтобы подогнать их к новому настроению. К пользе ли это для дела? Опять не могу высказаться положительно. Есть, однако, некоторые подробности, на которых должно отразиться с пользой то обстоятельство, что слишком замедлилось появление в печати моей работы.

С 1895 г. живя в Константинополе, я имел случай изучать людей, предками которых создавалась история Византии, непосредственно знакомиться с памятниками и вникнуть в психологию константинопольского патриархата, который во многом несет ответственность за то, что большинство подчиненных культурному влиянию Византии народностей доселе находится в столь жалком положении. Так как духовенство и монашество всегда занимали первенствующее место в истории Византии, то, конечно, немаловажное значение имеет то обстоятельство, в каком освещении излагать церковные дела. Может быть, не живя столько времени среди греков и не изучая непосредственно жизнь патриархата, было бы невозможно и мне отрешиться от теоретических построений и фикций, которыми нас так обильно наделяют в школе. Между тем реальный взгляд на вселенский патриархат, бросающий отлучения на славянские народы, нарушающие его филетическую политику, в высшей степени благовременно установить нам как для русской церковной политики, так и для нашего народного самоопределения, хотя бы ввиду того соображения, что не за горами тот момент, когда он политическим ходом вещей и успехами католической и протестантской пропаганды будет доведен до положения александрийского или иерусалимского патриархата, т. е. когда потеряет почти весь Балканский полуостров и значительную часть восточных кафедр. Затем только продолжительное пребывание на Востоке и соединенные с тем путешествия по Малой Азии, Сирии и Палестине могли для меня выяснить исторические судьбы Византийской империи, которая для своего существования связана более с Востоком, чем с Западом. Разумею не только то, что как константинопольская империя, так и заменившая ее турецкая главными своими материальными силами (военными людьми и доходами) обязаны Востоку и всегда зависели от преданности восточных провинций, но и действительные традиции и исторические факты. Ни один из славянских государей не совладал с заманчивой мыслью основать в Европе империю на месте греко-византийской; ни одно из европейских княжений, основанных в Европе после IV крестового похода – будь во главе его франки или местные греки – не имело продолжительной истории и не привлекло к себе народных

симпатий, а между тем в Никейской империи сохранилась и созрела идея восстановления Византийской империи в XIII в. Урок истории должен быть строго проверен и взвешен теми, кто в настоящее время ожидает дележа наследства после «опасно больного» на Босфоре.

Так как настоящее издание не может быть рассматриваемо как коммерческое предприятие и не вызвано ни служебными, ни карьерными целями, то нахожу уместным объяснить здесь, что фирма «Брокгауз-Ефрон» своим согласием издать «Историю Византийской империи» в том виде, в каком она появляется перед публикой в настоящее время, немало повлияла на мое окончательное решение приступить к приготовлению текста для издания, т. е. решиться на предприятие, к осуществлению которого всегда находились трудноустраняемые затруднения.

Поступающая в руки читателя книга не имеет целью заменить существующие старые и новые истории Византии. Это не есть исчерпывающее изложение всех событий, входящих в круг более чем тысячелетней империи, — она заключает поэтому не шесть или семь томов, а три. Не конкурируя и не пытаясь заменить изданные истории Византии, я, однако, питаю заветную мысль дать соотечественникам цельную систему в такой области, которую считаю наиболее важной после отечественной истории для национального самосознания культурного русского обывателя. С этой целью и в желании быть общедоступным я не полагал необходимым дать большой научный аппарат ни в подстрочных примечаниях, ни в конце глав. Ссылки на пособия и цитаты источников допускались в той мере, в какой считалось необходимым, чтобы пытливый читатель не лишен был возможности при желании овладеть тем материалом, который был в распоряжении автора: источники указываются там, где даются оригинальные выводы на основании специального их изучения; пособия показаны руководящие, по которым легко найти указания на литературу предмета. Не давать больших подстрочных примечаний — это было условие и со стороны издателя, которое я нашел имеющим основания. Может быть, я много привел мест в русском переводе из документов и литературных произведений описываемого времени, но мне всегда казалось, что это всего лучше вводит в эпоху и передает настроения общества.

Автор пытался приложить все старание, чтобы этот труд, результат продолжительной, настойчивой и — да будет позволено присоединить — небезуспешной научной деятельности русского профессора, был достоин своей цели и предмета. Я родился в 1845 г. и могу закончить это последнее научное предприятие к семидесятилетнему периоду жизни, когда человеку свойственно подводить итог всему пережитому и суммировать результаты своей деятельности. Легко понять, что мне хотелось дать такое чтение в руки русского читателя, которое, с одной стороны, своей строгостью и серьезностью давало бы ему идею о продуманной и тщательно взвешенной системе, а с другой — оставило бы добрую память об авторе, который, решаясь издать в свет составленную им историю Византии, подчинялся внутреннему влечению, исходящему из того убеждения, что утверждение знаний о Византии и выяснение наших к ней отношений в высшей степени обязательно для русского ученого и не менее полезно как для образования, так и для направления на верный путь русского политического и национального самосознания. Пусть читатель вдумается в содержание глав, посвященных южным славянам, и поищет там иллюстраций к переживаемым ныне печальным событиям на Балканском полуострове!..

*Константинополь. Ф. Успенский
Октябрь 1912 г.*

Введение

Сходства и различия в историческом развитии Запада и Востока

В науке давно уже назрела потребность выразить в простых и общедоступных формах разнообразие исторических явлений. К этому приводит не только известное свойство ума отыскивать сходства и различия в наблюдаемых фактах и размещать их по определенным категориям, к этому настоятельно побуждает также до колоссальных размеров разрастающийся исторический материал.

Можно приходиться в ужас перед мыслью о том удручающем количестве фактов, с каким придется иметь дело нашим потомкам. Исторический материал нарастает с каждым поколением, изобретающим новые средства для увеличения и разработки его, но еще более он развивается по внутреннему содержанию и по объему, захватывая погибшие цивилизации и открывая погребенные под землей исторические памятники. Насиживает поэтому серьезная потребность произвести род хозяйственного инвентаря в полученном нами от предков историческом наследстве, освободить наши склады от обветшалых предметов и годные к употреблению вещи распределить по отделам и группам.

Указанная потребность признана в науке, и многие заняты в настоящее время группировкой материала по его ценности и внутреннему значению. Являются многочисленные попытки объяснить смысл исторических фактов, отыскать причинную связь между событиями, указать общие схемы развития народов. Эти попытки сопровождались весьма важным и успокоительным приобретением, дающим возможность без страха и опасения смотреть на умножение исторического материала; они показали: 1) что в области безмерно накопившихся фактов и наблюдений над жизнью человеческих обществ существуют известного рода последовательность и закономерность, которая заставляет думать об общих законах, управляющих всемирной историей; 2) что колоссальное накопление исторических фактов не затемняет, но разъясняет существо этих общих законов. Таким образом, есть полное основание надеяться, что количество фактов, как бы оно ни могло в будущем возрасти, не поработит человеческого ума, ибо наука постепенно приобретает средства распознавать существенное и несущественное в разнообразии явлений, давать цену одним и отбрасывать другие факты, употреблять в дело те, которые служат проявлением общих законов исторического развития, и только отмечать остальные. Одним словом, получается в том успокоительный вывод, что хотя история до бесконечности раздвигается по своему объему, но в то же время она сокращается по своему содержанию в смысле подведения разнообразных фактов к единству идеи.

Мы уже отвыкли относиться к истории как к сборнику более или менее занимательных фактов из военной и дипломатической жизни народов, и нас более теперь не удовлетворяют картинные описания; мы ждем от истории разъяснения законов развития человеческого общества, ответа на вопрос о том, как зарождаются в человечестве новые понятия, идеи и учреждения, отчего крепнут и слабеют народы. Широкие требования к истории достаточно оправдываются уже и тем, что исторические вопросы ныне разрабатываются учеными археологами, антропологами, историками искусства, юристами и экономистами и что историк не может строить своей системы без знакомства с обширным кругом наук, подготовляющих материал для его выводов.

Далеко не все отделы всемирной истории одинаково разработаны. И прежде всего существует громадная разница в этом отношении между западноевропейской и восточноевропейской историей. Изучение последней шло гораздо медленнее; во всех отделах истории, которые не имеют ближайшего отношения к Западу, господствует много произвольного и не

обоснованного на тщательной обработке материала, который к тому же не вполне общедоступен, а частью и не издан. Вследствие этого постепенно получавшие в науке преобладание теоретические построения о ходе всемирной истории оказываются не совсем пригодными к разъяснению событий восточноевропейской истории. Сказанным объясняется необходимость особой главы, которая должна служить введением в историю Византии.

Представляет ли собой византийская история медленный процесс упадка и разрушения, лишена ли она всякой оригинальности, смены идей, борьбы за идеалы, или же, напротив, можно усматривать в ней проявление тех же законов, под влиянием которых жили и другие народы и государства? Есть ли история Византии неправильно развивавшийся член всемирной истории, или же, напротив, она представляет собой органически развивающееся тело? Отрицательный взгляд на Византию высказывался многими даже из тех, кто специально занимается ее историей. Меньшинство, и то только в позднейшее время, начало указывать в Византии такие стороны, которые могут характеризовать живой и развивающийся организм. Признаки развития и смены идей обнаружены как в литературе, так и в искусстве, в обычаях и учреждениях. Мало-помалу народилась потребность выразить в определенной формуле отношение византийской истории к всемирной и показать, какое же место принадлежит Византии в истории человечества.

Чтобы наметить искомую формулу, необходимо прибегнуть к сравнениям и сопоставлениям, а для этого важно указать тот круг исторических явлений, где между сравниваемыми фактами были бы наибольшая связь и взаимоотношение. Само собой разумеется, легче поддаются анализу факты западноевропейской истории, как факты вполне установленные и объясненные как по их значению и вытекающим из них последствиям, так и по преемственной связи и зависимости одного от другого. Это в особенности можно сказать о начальном периоде Средних веков или о тех столетиях, когда новые народы постепенно занимали территории Древнего Рима и полагали начатки своей государственности. Исходные моменты западноевропейской истории, иначе говоря, начальный период средней истории занимал внимание многих европейских ученых, и выводы последних дают готовый материал для наших целей. Остановимся на этих выводах.

Существует научная теория, по которой как характер нынешней французской нации, так и особенности политического устройства и быта французов объясняются преемством от народа, который жил прежде них на почве Франции. Это были кельты или галлы, давшие и стране имя Галлия. Имеется весьма живая характеристика этого племени в сочинении Юлия Цезаря, который 9 лет провел между галлами, успел хорошо узнать их и написал историю своих войн с ними. Он описывает галлов как народ в высшей степени легкомысленный, падкий до новостей, всегда действующий под первым впечатлением. Более всего они увлекались собой, отличались необыкновенным национальным тщеславием, заносчивостью и хвастливостью. Война была любимым их занятием, они вели войну для войны и военной славы. Бывало, раненый галл сам расширял рану, чтобы она казалась шире. Военное дело и искусство говорить громкие фразы – самые выразительные черты галлов. В политическом устройстве их древние указывают такие черты, которые сближаются с французскими. Галльское сословие военных людей, или всадников (*equites*), напоминает рыцарей, брейры, или племенные князья, содержащие многочисленную дружину, иногда доходящую до 10 000, сходны с средневековыми баронами. Клиентальные отношения одного племени к другому похожи на феодальную зависимость; могущественный класс духовенства, владеющего светскою властью, напоминает римское папство. Все эти черты дали происхождение теории, которая объясняет многие факты французской истории заимствованиями от кельтов. Заключение о близком родстве нынешних французов с древними кельтами сделалось, можно сказать, общим местом. И тем любопытнее эта научная, а в некоторых случаях и

политическая теория, что прямой физиологической преемственности между этими двумя народами нельзя установить.

Как бы то ни было, самая блестящая характеристика французов, какую можно только указать, сделана под влиянием Цезаря. Такова страница Токвиля «Старый порядок и революция»: «Из всех явлений французской истории наиболее странным и наиболее необыкновенным кажется сам французский народ. Был ли когда на свете народ, более исполненный контрастов и более способный вдаваться в крайности, более руководящийся чувствами и менее принципами, стоящий то много выше, то много ниже общего уровня человечества, народ столь неизменный в главных своих чертах, что его легко можно узнать в рассказах Цезаря, и столь переменчивый в своих ежедневных помыслах и наклонностях, что нередко он сам для себя становился неожиданным зрелищем, и сам, не менее иностранцев, принужден изумляться при виде собственных дел своих; народ, более привязанный к своему дому и к своим привычкам и, вместе с тем, более способный все изменять и идти на край света, коль скоро он вышел из обычной своей колеи; непокорный по самой своей натуре и уживающийся с произвольным и насильственным правлением одного лица гораздо охотнее, чем с разумным и свободным правлением лучших граждан; никогда не свободный настолько, чтобы нельзя было поработить его, и никогда не поработенный так, чтобы он не мог свергнуть с себя иго; не знающий границы ни в рабстве, ни в свободе; годный на все, но стоящий на высшей степени совершенства только в военном деле; народ, более преклоняющийся перед случаем, перед силой, перед успехом и блеском, чем перед истинной славой; более способный к героизму, чем к добродетели; к гениальности, чем к здравомыслию; к составлению колоссальных замыслов, чем к совершению великих предприятий: самая блестящая и самая опасная нация в Европе, попеременно возбуждающая к себе удивление, ненависть, жалость, страх, но никогда не равнодушие».

Нет сомнения, что эта блестящая характеристика французов, в значительной доле под сказанная Цезарем, представляет собой известное научное увлечение; во всяком случае, Токвиль и те историки, которые следуют его направлению, видят во французской истории развитие тех основных народных начал, которые характеризуют древних кельтов. Ни влияние Рима, ни германские поселения в Галлии, ни католическая Церковь не имеют с этой точки зрения существенного значения в построении французской истории и французских учреждений.

Такова сила фактов, представляющихся наблюдению при сравнении кельтов с французами, что перед ними не устоял высочайший авторитет прошлого века в исторической науке, Моммсен. В его характеристике древних кельтов можно между строками читать приговор современным французам: «При многих солидных и еще более блестящих качествах кельтская нация лишена той глубокой нравственной основы, на которой зиждется все великое и прекрасное в человеческом развитии. Кельты сильны двумя качествами: военным делом и красным словом. Такие свойства хорошего солдата и плохого гражданина объясняют нам тот исторический факт, что кельты поколебали все государства, но сами не основали ни одного. Что бы они ни начинали, все расплывалось, как весенний снег, и нигде им не суждено было создать своей культуры. В сильном круговороте всемирной истории, который безжалостно сокрушает все народы, не крепкие и не гибкие, подобно стали, кельты не могли долго держаться. Судьба их — исчезнуть, подобно дрожжам будущего развития, в политически превосходящей их национальности». Можно легко догадываться, что отрицательные качества кельтов у Моммсена противопоставляются положительным свойствам германской нации, которая, как более крепкая и гибкая, дала перевес германским народным началам в новой истории. Таким образом, в общих чертах легко предугадать главные течения, господствующие в науке по отношению к западной истории. Особенности кельтского характера многих подкупают в пользу того мнения, что французская история со всеми ее отличиями в верованиях, в воен-

ном деле, в праве, в сословных отношениях и т. п. может быть объяснена из быта кельтов. Придерживающиеся такого воззрения, которое приобретает характер национальной французской теории, нашли себе весьма сильную поддержку в выводах романской школы, по которой сущность средневекового исторического развития сводится в главных чертах к истории романизации новых народов.

Рядом с этим направлением стоит другое, которое усматривает основные черты всего строя западной истории, не исключая и французской, в особенностях быта и характера жизни древних германцев. К счастью для этой школы, которую можно назвать немецкой, знаменитый римский историк Тацит (между 98 – 100 гг. христианской эры) описал германцев не только в подробностях их быта, но, что еще важнее, с замечательным сочувствием и восхвалением их народных черт. В высшей степени любопытно то, что у Тацита действительно можно находить такие свойства быта германцев, которые прямо могут быть применены к немцам Средних веков. Особенно имеется в виду описание дружинного быта. «Окружать себя толпой избранных юношей считается достоинством, украшением во время мира, охраной на войне. Почет и слава не только в своем колене, но и у соседних народов тому, кто отличается числом и храбростью дружины. Во время сражения для предводителя считается позором не превосходить всех храбростью, и для дружины постыдно отставать от предводителя. Ибо ожидает бесславие и позор на всю жизнь того, кто остался на поле сражения живым, потеряв предводителя. Защищать и оборонять его, своими подвигами возвеличивать его славу считается священной обязанностью. Предводители сражаются из-за славы, дружина – за предводителя. Если родное племя цепенеет в продолжительном мире и праздности, знатные юноши стремятся к тем, которые ведут войну, ибо не люб этому народу покой, в опасностях легче приобретает слава, да и нельзя иначе содержать большую дружину, как насилием и войной. Дружинники получают от предводителя коня и кровавую победоносную фрамею, жалованьем не пользуются, но имеют готовое содержание и помещение».

Приведенное место – находка для тех, кто пожелал бы генетически объяснить происхождение средневековых учреждений: отношение сеньора к вассалу, рыцарство и вообще тот характер личных отношений, которым так отличается средневековое устройство.

Из предыдущего можно усмотреть, что история французов и германцев основаниями своими покоится на двух теориях: с одной стороны, что романизованные кельты определили характер французов, а с другой – что тацитовские германцы заключают в себе существенные элементы для объяснения германской истории. В смысле исторической эволюции эти национальные школы представляют в себе сильно уязвимые места. Если существенные особенности средневекового строя даны формами жизни кельтов или германцев, то зачем понадобился длинный период развития в 8 или 9 веков, чтобы этим формам развиваться в средневековый феодализм? Почему же сеньоры и вассалы с наследственными привилегиями и с присягой на верность частному лицу появляются в X в.? Наконец, существует такая научная теория, которая вообще не придает существенного значения индивидуальным отличиям и характеристикам народов; в основе ее лежит мысль, что все народы проходят одинаковые стадии развития. Сравнительно-исторический метод, берущий аналогии в разных местах и из различных эпох, принес уже много важных научных результатов и стал применяться во всех ученых литературах. Для дальнейших целей наших он имеет особенную важность, и потому позволим себе указать существенные выводы, добытые представителями этого направления.

Прежде всего, говорят приверженцы упомянутого направления, нужно считать большой ошибкой то мнение, по которому история развития европейского человечества обрывается с падением Западной Римской империи и вновь начинается через некоторый период времени в истории новоевропейских народов. Эти новые народы не принесли с собой никаких культурных элементов, которых бы не было в Римской империи. Все, что представляли они в

себе оригинального и самобытного, в общем было слишком слабо и неустойчиво и не могло противостоять правильно организованным и хорошо приспособленным общественным формам римской жизни. Напрасно, далее, думают, что Рим душил и теснил своих подданных. Напротив, императорский период благоприятствовал развитию провинций, вызвал в них богатую производительность и торговлю и сослужил высокую воспитательную роль для новых народов. Эти последние, осев в пределах империи, воспользовались готовыми формами общежития и стали к ним применяться. Типические особенности западной истории, например феодализм, рыцарство, зависимый труд земледельца и т. п., были подготовлены римским развитием, а не даны кельтами или германцами. Это направление, придающее главное значение в новоевропейском развитии римскому влиянию и отрицающее всякие перемены в исторической эволюции, имеет особенный интерес по своим прикладным выводам. История западноевропейского развития и западной культуры признается всеобщим типом, с которым должны сообразоваться все исторические народы. Одинаковый напор варваров на рейнские и дунайские границы должен сопровождаться и одинаковыми последствиями на Востоке и Западе. Вся историческая эволюция новоевропейской истории направляется одним и тем же путем и проходит те же стадии. С этой точки зрения и феодализм есть всеобщий закон, которого не может миновать ни один исторический народ.

Нетрудно понять, что германская и кельтская теории основываются, по существу, на весьма несложных наблюдениях. В X в. во всех западных государствах наблюдается один общий уклад внутренней жизни: деревня и помещичья усадьба находятся между собой в тех же зависимых отношениях в Германии, равно во Франции и в других странах; помещик везде одинаково стремится стать государем. В этой тенденции мы видим утверждение того порядка вещей, который известен под именем феодализма и который действительно служит самым существенным и всеобщим признаком западного развития. Господство и всеобщность феодализма на Западе в Средние века, несомненно, были главным мотивом для западных ученых в построениях ими всей своей истории. Известия Тацита о германской дружине, об особом обряде вступления в дружину, наконец, о верности членов дружины своему предводителю так хорошо гармонировали с отношениями вассала к сеньору, с обрядом посвящения в рыцари и проч., что естественно было видеть начатки средневековых учреждений у германцев времен Тацита. Точно так же представляемая Цезарем картина политической борьбы у кельтов, в которой более могущественные князья, владея тысячами военных людей, достигали принципата, и в которой клиентельные отношения целых племен и сословий так напоминают феодальную зависимость целых территорий, естественно должна была подкупать в пользу предположения, что основы феодализма скрываются в быту кельтов, описанных Цезарем. Что касается романской теории, объяснение характерных явлений западноевропейского развития в ней исходит из признания всеобщности некоторых исторических законов.

Представители романской теории, или романисты, настаивают на том положении, что новые народы не могли ничего противопоставить римской культуре и невольно подчинились тем условиям быта, которые находили среди романизованных населений Италии, Галлии, Испании и частью Германии. Ничего не противопоставив романскому влиянию, новые народы ничего своего не привнесли в историю. Рим естественным путем пришел бы к той форме быта, какая характеризует Средние века. Такое положение весьма пригодно к устранению крайностей упомянутых национальных теорий, но само по себе оно также не объясняет всего разнообразия явлений в истории. В основу этого положения поставлен закон естественного развития европейского человечества. В той мере, как новые народы воспринимали плоды римской образованности, они становились гибким и послушным материалом, который был формируем романизмом по его собственным склонностям.

Если поставим вопрос шире и будем вести речь о всемирной истории, то найдем, что указанные теории удовлетворительны для объяснения лишь частных историй, а не всеобщей. Успехами изучения всеобщей истории мы обязаны исключительно западным ученым. Понятно, что западноевропейские теории имеют и у нас широкое применение, влияя на разработку даже нашей собственной истории. Нужно ли говорить, что национальные теории представляют собой выражение национальных и политических тенденций; можно ли сомневаться, что в оценке факторов, влияющих на развитие европейской истории, западная наука дала преобладание тем, которые выражают западные народные начала? Но, конечно, нетрудно доказать, что западная история не вполне одно и то же, что европейская история, а тем более не всеобщая, и что в последней могут оказаться важными такие факторы, которые не имеют принципиального значения в первой. Если мы пожелаем установить общие схемы новоевропейского развития, то должны будем отнестись с одинаковым вниманием к фактам западно- и восточноевропейской истории, иначе наше построение будет односторонне и неверно. Так, если бы мы, желая указать особенности исторического развития славянского племени, собрали для этого материал только в польской истории, то наша теория была бы не верна в том отношении, что истории других славян могут представлять такие стадии развития, каких нет у поляков.

Западная историческая наука в своих построениях отправляется из двух, собственно говоря, наблюдений: одно дано изучением Западной Римской империи и отношений ее к новым народам, другое получается из истории германцев, французов, англичан и др. после эпохи Великого переселения; но этих наблюдений недостаточно для заключений об общих законах европейского развития. Кто считает их достаточными, тот смотрит на народы негерманской и нероманской расы как на ненужный служебный придаток, с которым не стоит много церемониться. В западных исторических системах нет места наблюдениям над историей Византийской империи и ее отношений к новым народам и над историей греков и славян, персов, арабов и других восточных народов после падения Западной империи. Самым очевидным и бесспорно важнейшим наследием, завещанным Древним миром Средним и Новым векам, нужно признать самый факт существования в Европе романских народностей. Нынешние итальянцы, французы, испанцы и румыны не суть, конечно, потомки старых римлян, но они и не германские готы и лангобарды, не франки и не свевы и вестготы, это олатыненные, т. е. романизованные, германцы. Что разлагающийся якобы Рим императорской эпохи заключал в себе громадный запас жизненных сил, это видим из того, что новые народы не выказали сопротивления культурному римскому влиянию, и все были увлечены потоком романизации.

Нельзя думать, что романизация была распространяема только оружием и насилием; нет, римская власть давала и преимущества, которыми не могли не дорожить новые народы. Не вся сила римской политики заключалась в знаменитом девизе: *divide et impera*, т. е. умей разделить интересы подвластного населения и тогда легко будет управлять. Стало уже известно, что Рим многим и поступался в пользу подвластных населений, стараясь сделать малозаметной утрату национальной свободы и переход под чуждую власть. Принято говорить, что заслуга Римской империи состоит в том, что она романизовала новые народы. Это значит, что империя открывала новым народам доступ к тем благам культуры, которые были выработаны совокупными усилиями эллино-римского мира; это значит, что Рим предоставлял своим подданным свободный доступ к образованию, к почетным должностям и поощрял их предпринимать административные, экономические и политические реформы в их собственных областях. Галлия и Испания давали Риму императоров, выставляли ученых и поэтов. Латинский язык становится господствующим языком образованных сословий в провинциях; римская вера сменяет народные верования, жертвенник Рима и Августа делается политическим и религиозным центром в городах варварских. Римское право и римская

система землевладения без особенной борьбы завоевывают себе твердое положение в варварских землях. Но нужно быть осторожным при оценке области действия романизации. Римские постройки, театры, бани и т. п. памятники римской пластики, архитектуры и живописи находятся по всей области римского политического влияния до Трира, Страсбурга и Майнца. Здесь были опорные пункты, здесь стояли легионы, на долю которых падает значительная часть успехов распространения римского языка у германцев. Прочно также было римское влияние на Дунае, и тем любопытнее следы его на Балканском полуострове, что римское здесь господство было не так продолжительно. Итак, романизация должна быть признана могущественным фактором истории западных народов; но она, во-первых, не в состоянии объяснить строй западноевропейской истории, во-вторых, она не простирается на всю Европу.

В то время как Запад в лице нынешних романских и романизованных народов воспринимал и усваивал себе разнообразные влияния Рима, Восток обнаружил значительное упорство в этом отношении, выставив против романизации поток местных особенностей: особую культуру, язык, право, словом, национальные особенности. На первом месте стоит, конечно, Греция, хотя и слабая политической силой, но гордая своей старой культурой, некогда обладавшей даже в Риме, имевшая свой развитый язык и вековые исторические традиции. Рядом с Грецией нужно поставить восточные римские провинции: Малую Азию, Сирию, Палестину, Месопотамию и Египет. Не в том, конечно, нужно искать причину ослабления романизации в названных областях, что они меньше подвергались прямым воздействиям латинского языка или римского права, а в том, что греки, египтяне, сирийцы и другие народы оказались в состоянии выдержать борьбу с романским течением, выставив в отпор ему не менее жизненные национальные культурные течения. В той же степени была неудачна романизация в отношении к тем славянам, которые входили в сношения с империей. Славянам предстоял выбор между римско-католическими влияниями и противоположными им; что выбор их склонился не в пользу романизма, этим, с одной стороны, определился характер их истории, с другой – намечались особенности исторического развития целой половины европейского человечества.

Восточная империя, отделившись от Западной, прежде всего отмечает свои исторические тенденции принятием греческого языка своим официальным языком, этим уже дано было внешнее выражение преобладанию эллинских элементов над романскими. Далее, Восточная империя разрешает проблему, которой не удалось разрешить Западной, – она ужилась с новыми варварскими элементами, вступив с ними в такой род соединения, который не удался на Западе. Наконец, Восточная империя по своему этнографическому составу и по своим учреждениям представляет в себе протест против того утверждения, что тип, по которому сложилась западноевропейская история, есть универсальный тип. И, конечно, было бы ошибочно строить теории исторического развития народов, исходя исключительно из фактов западной истории и пренебрегая восточноевропейской, т. е. целой половиной подлежащего изучению материала. Восточная империя перестает быть продолжением римской с VII и в особенности с VIII в., она становится с тех пор представительницей византизма. На этой ступени развития она может быть сравниваема с Римской империей Карла Великого; как последняя образовалась из сочетания национальных германских начал и романских элементов, так и Византийская империя произошла из взаимодействия греко-римских и разнообразных варварских элементов. Формальный параллелизм главных фактов западноевропейской и византийской истории может подкупить в пользу того мнения, что формы западного развития вполне соответствуют восточным. Но стоит обратить внимание на подробности, и дело получает совсем иной вид.

В отношениях новых народов к империи нужно различать двоякого рода случаи: или варвары насильно врывались в имперские области и располагались в них на временное

или постоянное жительство, или же поселение совершалось по взаимному соглашению и договору. В последнем случае народ свободно располагался или в завоеванной им области, или в такой, которая ему была указана императорским правительством на известных условиях. Главной задачей империи в том и в другом случае было установить с варварами более или менее сносный род сожительства, соседства или союза. От фактического порабощения новых народностей, неудержимо напиравших на рейнские и дунайские границы, империя отказалась уже в IV в. Самым критическим моментом нужно считать начало V в., когда Восток и Запад одинаково находились в руках варварских предводителей. Это было время правления детей Феодосия Великого Аркадия и Гонория, но во главе стояли Руфин и Стилихон. Тогда в первый раз готы начинают смелые нападения на Италию. Аларих и Атаульф в 410 г. взяли Рим и сделались обладателями империи, тогда же другие варвары прорываются за Рейн и овладевают Галлией. Аларих не остается в Риме («варвары боялись городов, как могил»). Атаульф униженно просит императора дать ему руку сестры его и указать, каким образом готы могут служить интересам Рима. А Феодорих Великий писал императору: «Богу угодно было, чтобы я научился правительственной науке в вашей империи. Наше королевство – подражание вашему; мы превосходим другие народы тем, что подражаем вам».

Империя несколько раз лежала у ног варварских победителей задолго еще до так называемого падения Западной империи, но престиж имени Римской империи наводил чары на завоевателей и гнал их из побежденного Рима. С этой точки зрения отношения одинаковы как на Востоке, так и на Западе. Разница та, что лишенный преимущества быть столицей империи Рим с половины V в. теряет свой престиж, и на том месте, где была империя, начинают зарождаться этнографические группы, которым предстояло выработать формы политической жизни. Между тем столица Восточной империи пережила крушение Рима и должна была на Востоке и Западе продолжать по отношению к варварам дело империи. Несмотря на сильный поток романизации, увлекший своим течением новые народы, Запад теряет связь со своим центром и переносит исторический пульс на окраины, в кельто-германские и германские области. На Востоке Константинополь оставался политическим, культурным и религиозным центром, к которому постоянно притекали свежие силы и у которого никто не мог оспаривать его первостепенного значения. Задача обновления древней империи принятием новых народов разрешилась на Востоке гораздо благоприятнее, чем на Западе. В этом отношении главнейше имеется в виду славянская колонизация. Византийская империя не только нашла способ воспринять в себя новые этнографические элементы, т. е. поставить варваров в такое положение, в котором бы они с наибольшей пользой служили целям империи, но еще представила опыт согласования романизма и эллинизма с началами, воспринятыми от новых народов.

Около времени падения Западной империи на Востоке был составлен особый законник, в котором римские правовые воззрения согласованы и применены к потребностям восточных провинций империи. В VIII в. составлен другой законодательный памятник, в котором не столько римское право применено к потребностям славянских населений, сколько переделан закон о сельском сословии согласно с новыми началами, внесенными в империю новыми подданными. Оба названные памятника имеют общее значение; они показывают, с одной стороны, какие преграды выставил Восток романизации, с другой – оба они служат выражением византизма и показателем заключающихся в нем понятий. Так называемый сирийско-римский законник, открытый в 1880 г., имел широкое распространение на Востоке от VI до XIV в. Если припомним, что в том же VI в. Юстиниан предпринял задачу редактировать старое римское законодательство и собрать объяснения римских юристов, и если результаты его деятельности – Пандекты и кодекс – не получили абсолютного применения в Византийской империи, то виной тому был, между прочим, указанный

выше сирийский законник. Он составил собой непреодолимую преграду для распространения Юстинианова кодекса, так как был более практичен, а главное, применен к потребностям и интересам восточных народов. Таким образом, распространению римского права на Востоке была положена преграда в конце V в.

Подобная же переработка римского права в интересах разноплеменного состава империи наблюдается и в последующие периоды. Особенный интерес в этом отношении имеют следы славянского обычного права в византийском законодательстве. В законодательстве VIII в. являются совершенно неожиданные и труднообъяснимые из римского права новшества: свободное крестьянское сословие и свободное мелкое землевладение. Закон применен к потребностям населения, живущего в общине и владеющего общинной землей. Эти новшества в греческом законодательном памятнике, изданном византийским императором, характеризуют византизм и показывают, что в нем заключены и славянские правовые воззрения, и следы славянского быта.

Итак, отдавая должное романизации в процессе образования западноевропейской государственности, мы, с другой стороны, не можем не придавать значения византизму как организующему началу исторического развития на юго-востоке Европы. Будем справедливы и согласимся, что, если романизм формирует франкское государство и лежит важным фактором в империи Карла В. и Оттонов, если римские правовые воззрения оказывают очень сильное действие во всей истории Запада, то, с своей стороны, византизм становится идеалом славянского царства, к которому стремятся передовые славянские народы; с Юга византизм доходит до Киева и Москвы, по византийским началам складывается историческая жизнь восточноевропейских народов. В связи с византизмом стоит распределение Европы на две половины: православную и католическую. Словом, византизм есть исторический принцип, действия которого обнаруживаются в истории народов юга и востока Европы; этот принцип заправляет развитием многих народов до настоящего времени и выражает особый склад верований и политических учреждений, и, можно думать, особый вид организации сословных и земельных отношений.

Когда мы обсуждаем какое-либо событие политической, военной или дипломатической истории, всегда можем, разложив его на составные части, доискаться, до некоторой степени, причин, давших ему известное направление. Так, можем указать некоторые причины неуспеха Франции в войне с Пруссией, или до некоторой степени объяснить неудачный поход Наполеона I на Россию, или, наконец, наметить, хотя бы в общих чертах, причины наших неудач в войне с Японией. Но гораздо труднее дается понимание фактов, относящихся до внутренней истории. Здесь гораздо сложнее составные элементы, меньше заметна личная инициатива; здесь, наконец, не так легко определить причины, производящие то или иное сочетание фактов. Разумею народные верования, обычаи, формы общественной жизни, умственное движение, прогресс и упадок и т. п. Сколько, в самом деле, данных нужно принять в соображение, чтобы объяснить себе, почему Франция так быстро оправилась после беспримерной в летописях войны?

И между тем фактам и явлениям, относящимся до истории культуры, нельзя не придавать решительного преимущества там, где речь идет о сравнительной оценке развития двух половин Европы. Убедительная сила их заключается в том, что сравнению могут подвергаться факты одной и той же категории, и притом не в одной, а в последовательных стадиях развития, от первичной формы до вполне законченной. Можно сравнивать философское и религиозное движение на Западе и Востоке, искусство и литературу, наконец, формы общественности и государственное и церковное устройство.

Мы возьмем для сравнения ряд фактов, относящихся к развитию общественности на Западе и Востоке; это даст нам случай высказать несколько соображений по поводу того исторического направления, которое переносит центр тяжести в истории на изучение эко-

номических факторов народного хозяйства. Названное направление, или школа, оказало большую услугу в особенности тем, что выяснило первоначальные основания, на которых покоится средневековый общественный и политический склад. Сведя эти основания к неумолимому закону политической экономии, она придала, как кажется, слишком важное значение этому закону в ущерб наблюдениям, получаемым из истории Восточной Европы.

Западные летописи, законодательства и частные акты открывают одно замечательное явление средневековой жизни, которое одинаково повторяется во всех слоях общества. Более слабые в экономическом отношении, равно как ниже других стоящие по своим гражданским правам люди, дабы избежать разного рода житейских невзгод, поголовно стремятся отыскать себе защитника в лице богатого и сильного соседа. Это весьма распространенный акт коммендации, которым лица низших сословий и состояний принимали на себя добровольную, по-видимому, зависимость, на самом же деле вступали в кабалу. Одни вступали в зависимость к королю, другие – к частным лицам. Кто искал защиты, тот обязывался к послушанию и разного рода повинностям и службе; кто обещал защиту, тот давал согласие оберегать интересы защищаемых. Этот обычай был таким общераспространенным и так согласовался с условиями жизни, что тогдашние законы, по-видимому, не допускали иного состояния, как зависимое. «Каждый, – говорится в одном распоряжении Карла Великого, – имеет право после смерти своего господина рекомендовать себя другому». Или еще: «Всем дозволяется держать в своей коммендации свободных людей». Люди благородного происхождения и вообще привилегированные классы также не были свободны от этого акта коммендации с тою лишь разницей, что, когда знатный германец вступает в личную зависимость короля и дает ему присягу на верность, он выигрывает этим, ибо получает большие преимущества по военной службе, на его долю перепадает много благ по управлению провинциями, по почетным назначениям и т. п. Точно так же пользуются уже от него преимуществами и выгодами и те лица, которые находятся у него в коммендации.

Таково всеобщее явление, происхождение и последствия которого в высшей степени важны для всей истории западного развития. В сфере земельных отношений оно постепенно направляется к тому, чтобы подвести все крестьянское население в зависимое от помещика-землевладельца состояние. На всем пространстве Европы, куда простиралась романизация, к VIII в. складывается один и тот же тип социальный и экономический: помещичья усадьба и кругом нее зависимые от помещика крестьянские селения, жители которых находятся в коммендации у помещика, отбывая разные натуральные и денежные повинности в его пользу. Часто бывали случаи отпущения на волю; из этого ясно, что существовало и обратное течение в жизни, которое возводило людей к свободе; но обстоятельства времени были так неблагоприятны, что свободный опять должен был искать себе господина и защитника. «Если тебе случится, – говорится в одном памятнике, – для защиты своих прав гражданских прибегнуть под покровительство Церкви или кого найдешь удобным, то имеешь к тому полную свободу».

В объяснении этой черты западного развития ученые не сходятся. Одни приписывают ее национальной особенности германцев, другие – кельтов, третьи объясняют влиянием римской политической и экономической системы. Римская земельная система императорской эпохи характеризуется господством крупного владения. В каждом значительном римском хозяйстве одна часть земли выделялась под помещичью усадьбу, а другая была разделяема на мелкие участки, которые были сдаваемы в арендное содержание. Управление хозяйством и крестьянским населением было поручаемо надзирателю, т. к. сам помещик жил в городах и в свою виллу редко заглядывал. Устройство римской помещичьей усадьбы (лат. villa) сделалось образцом для средневекового хозяйства. Право собственности на землю принадлежит помещику, в факте обработки чужой земли лежит идея зависимости. Кто сел на

чужую землю и стал обрабатывать ее, тот вступил в зависимое положение к владельцу земли. Таким образом, римский патронат сменяется в занимающий нас период коммендацией.

Но вопрос несколько изменится, если обратить внимание на то обстоятельство, что в основании общего стремления к кабале со стороны отдельных лиц и целых классов лежат условия экономической тягости и недостатка средств к осуществлению гражданских прав. Те, которые относят указанное явление на счет римского влияния, правы лишь в том отношении, что усмотрели сходство в организации римской виллы и средневековой помещичьей усадьбы, но едва ли верно предположение о генетической связи той и другой систем. Один из видных представителей этой школы, англичанин Сибом [1], который последовательно провел свою теорию от начала истории до XIX в., нашел в акте коммендации и в системе римской виллы оправдание современного аграрного строя Англии. Он написал ученую книгу, в которой доказывает, что весь процесс социального развития, который только можно проследить по памятникам, состоит в постепенном освобождении земледельца от крепостной зависимости к господину, доказывая, что чем дальше идти в глубь истории, тем дело было хуже. За 2000 лет история знает один тип крестьянского сословия – зависимый от помещика и сидящий на чужой земле; эволюция же заключается в том, что узы зависимости постепенно ослабевают и к XIX в. почти повсеместно разрушаются.

Позволим себе здесь историческую справку. Период великих потрясений и переворотов, истребления или изгнания целых народов, тот период, когда кочующий военный стан не мог располагаться в занятой стране на продолжительное время, а часто должен был уступать ее новому, более сильному кочующему войску – ужели возможно смотреть на этот период как на смену одной земельной системы другой? В эпоху переселения народов история имеет дело с кочующими войсками, у которых социальные отношения строились, конечно, не на поземельном владении. Организация германского войска основывалась на родовых отношениях; из них же должна быть объясняема и история их после переселения. Но всего труднее было бы примирить занимающую нас систему с тем наблюдением, почерпаемым из средневековых памятников, что акт коммендации есть переход из свободного состояния в несвободное, что, следовательно, был довольно значительный контингент свободных состояний, который терял свою свободу посредством коммендации.

Кто не слышал о германской марке, т. е. о немецкой свободной деревенской общине, представляющей семейно-родовую и территориальную административную и судебную единицу? В истории германской марки следует искать объяснения того порядка вещей, который побуждал свободного человека жертвовать своей независимостью; здесь же, с другой стороны, находит себе применение тот экономический закон, который требовал «соединения хозяйственных сил», организации крупных хозяйственных предприятий, «подчинения больших масс свободных мелких землевладельцев воле одного крупного собственника».

У нас в 40-х годах прошлого века община была открыта Гакстгаузенем, у немцев подобное же открытие сделал Маурер. Он выяснил, что марка есть свободная немецкая община. Она была основой социальной жизни германцев и много времени после эпохи переселения, в марковом устройстве жил многочисленный класс свободных земледельцев. Члены марки составляли между собой союзы по общинному владению землей, по отбыванию государственных повинностей и составляли из себя целые селения или деревни. «Свободные деревни, – говорит Маурер, – первоначально были весьма распространены повсюду. Эти деревни стали постепенно утрачивать свободу по мере того, как отдельные члены переходили в несвободное состояние». История разложения крестьянской общины в Германии весьма поучительна с точки зрения тех разрушительных сил, которые стремились к раздроблению, ослаблению и подчинению ее. Для Европы в настоящее время это имеет скорее научный и исторический интерес, у нас же в России – интерес современности, ибо и в законодательстве, и в науке, и в литературе вопрос об общине играет важную роль.

Процесс разрушения германской марковой системы составляет такое отдаленное прошлое, что о нем можно говорить с полным беспристрастием. С экономической стороны мелкому землевладению был нанесен сильнейший удар изменениями в условиях сельского хозяйства, последовавшими при Каролингской династии. В больших поместьях духовных и светских землевладельцев по собственному почину Карла В. начинает практиковаться система больших запашек, расчистки лесов, поднятия новин, требовавшая более сложных орудий обработки и вызывавшая искусственную организацию хозяйства с помощью труда зависимого населения. Было бы несправедливо утверждать, что крестьянская община не нашла в самой себе средств приспособления к изменившимся условиям. Замечаются частные и соединенные предприятия крестьян, относящиеся к увеличению запашек и обработке незанятых земель, которые могли бы развиваться до крупных размеров, если бы само правительство не положило тому предела. С другой стороны, происходит изменение в старой системе поселений небольшими погостами или отдельными хуторами: крестьяне скучиваются в больших деревнях. Эти явления в германской марке вызывались, конечно, необходимостью конкуренции с большими производствами продуктов в богатых усадьбах. Но артельные предприятия в общине не могли быть такими успешными, как у соседнего землевладельца, располагавшего капиталом, громадным количеством рабочих рук и усовершенствованными орудиями. Расширялась колонизационная деятельность марки, но с основанием новых хозяйств не выигрывала экономическая ее сила. В конце концов, оказалась бедность, потом пошли недоимки, долги. Свободный член марки был вынужден выходить из общин и вступать в зависимое положение к богатому соседу. Это направление в общественной жизни должно быть сведено к своим первоначальным и простым причинам: крайняя бедность и невозможность пропитания, недостаток защиты от притеснений сильных соседей, тяжелые подати, воинская повинность и, наконец притеснения от местного сеньора-землевладельца, который творит неправый суд. Таковы были обстоятельства, точно указываемые в тогдашних кабальных и запродажных актах, которые приводили к коммендации.

Весь строй государства приближался к тому состоянию, в котором не оставалось места другим формам быта, кроме зависимости. В самой деревенской общине этот процесс выразился в обнищании одних и в непомерном обогащении других. На счет обедневшей массы возвышаются богатые крестьяне, которые становятся во главе общины и влияют на дела ее. Было нарушено равенство в земельных наделах, вследствие чего пострадал принцип равенства между членами марки. Соседние землевладельцы стали увеличивать свои поместья приобретением участков в общинной земле, а члены деревенской общины не в состоянии были дать отпора их притязаниям. Как скоро среди марки появлялась помещичья усадьба, эта последняя необходимо должна была стремиться к широким хозяйственным предприятиям, основывающимся на организации зависимого труда и капитала. Тогда в марке появлялись господская усадьба и зависимая от нее земля, рабы и крепостные крестьяне, сидящие на земле помещика. Этим решалась навсегда участь свободной деревенской общины. Переход маркового устройства в зависимое происходил иногда с соблюдением всех законных условий, т. е. члены общины вступали в отдельные договоры с землевладельцем, и вся марка правильно и законно входила в помещичью усадьбу.

Отмеченный социальный процесс происходил на глазах истории, своего большего напряжения он достигает в VIII и IX вв. Для существа дела, конечно, безразлично, как относится к нему та или другая научная школа: как к обычаю германской защиты, или кельтской клиентелы, или как к перешедшей в средневековую Западную Европу системе устройства римской виллы. Для нас гораздо важнее та наглядная понудительная сила экономических условий, которая разрушительно действовала на мелкое землевладение. И нужно заметить, что современники не только видели, как складываются земельные и социальные отношения, но и понимали, какие из того последуют результаты. В законах и распоряжениях Карла

Великого очень выразительно отмечены жалобы бедных людей на хищничество сильных, которые отнимают у них участки и лишают свободы. Каролинги пытались защитить слабых против сильных, запрещали «графам, викариям и судьям скупать имущество бедных под обманном предлогом, тем более отнимать насильно и похищать его»; высказывали желание, чтобы «графы не понуждали свободных людей к рабскому труду»; объявляли недействительными кабальные записи, по которым свободные люди отдавали себя в коммendaцию. Но императорские предписания не достигали цели. Посылаемые в провинцию ревизоры (миссы) доносили, что «безчисленное множество народа находится в угнетении, лишено имущества и свободы и что графы и другие чиновники дурно исполняют законы». Но теперь уже дознано, что серьезной и решительной борьбы с возникающей земельной аристократией, о злоупотреблении которой здесь говорится, Каролинги не предприняли. Карл и сам был заботливый хозяин, и в его собственных поместьях происходили те же порядки, что у других крупных собственников [2].

К тому же результату, т. е. к уравнению свободных земледельцев с рабами и подведению того и другого состояния в класс крепостных крестьян, вело усиление служилого сословия, как военного, так придворного и административного. Это сословие выросло и окрепло на пожалованиях населенными землями. При Карле Великом оно начинает только заявлять свои политические сословные тенденции, а при его преемниках без помехи осуществляет их. Землевладелец стремится быть придворным и административным органом, последние выбирались непременно из землевладельцев. Государственная служба, в особенности военная, вознаграждалась земельными пожалованиями (бенефиция). Дальнейшее социальное преобразование совершается под влиянием помещичьих притязаний служилого сословия. В общих чертах оно развивалось под влиянием системы бенефиций. Слово «бенефиция» латинского происхождения и сравнительно поздно заменилось германским феод или фьеф (feodum, fevum = fief). Известно, что бенефиция сначала обозначала временное и отчуждаемое владение. Она пережила довольно длинный период в этом состоянии непрочного владения, зависевшего от доброй воли жаловавшего; бенефиция приобретает значение важного социального фактора тогда, когда она делается наследственной в одном роде. Тогда на почве бенефициального владения начинается образование крупных поместий, развивающееся в двух направлениях: с одной стороны, округляются пожалованные земли, с другой – уничтожается чересполосица в виде мелких крестьянских участков, владельцам которых было не под силу бороться с крупным соседом. В особенности Церковь приобретала громадные земельные владения этим путем, так как церковная собственность и люди, принадлежащие Церкви, пользовались освобождением от государственных податей и повинностей.

Как мы видели, Каролинги старались приостановить падение мелкой поземельной собственности и поддержать свободных поселян. Но вмешательство правительственной власти имело роковое значение для крестьянской общины. Каролинги одной рукой восстанавливали общину, другой же наносили ей тяжкие удары. Известно, что до развития городской жизни, до того времени, как торговля и промышленность сделались важным общественным фактором, земледелие служило единственным ресурсом в финансовой системе государства. В половине VIII в. произошло изменение в военном деле, пехота перестает играть первую роль, потребовалась военная служба на коне, вследствие чего значительно повысились расходы по военной службе. Государству негде было взять людей, бывших в состоянии нести конную службу; ресурс, из которого брались земельные пожалования, иссяк; крестьянская община подорвана в своих средствах. Тогда Каролинги решились позаимствоваться церковными земельными владениями и провели знаменитую секуляризацию (отчуждение церковных имуществ). Это была радикальная мера, приведшая многие монастыри в бедность и возвратившая государству чуть ли не треть всей тогдашней Франции. Но ввиду того, что эта мера была вызвана военными потребностями времени, она и послужила главнейше для

военных целей. Отнимаемые от Церкви земли поступали в бенефиции светским лицам – с тою лишь разницей против предыдущей практики, что теперь бенефиция жаловалась за военную службу и под условием обязательного ее исполнения. Начало, положенное Карлом Мартелом и Пипином, было применяемо Карлом В. и сыном его Людовиком. И всякий раз, когда государство ощущало потребность в людях или в деньгах, оно снова обращалось к тому же источнику и снова раздавало участки церковных земель служилым людям.

Виновником этой радикальной меры, положившей на Западе основание феодализму, считается Карл Мартел. Ближайшие его потомки смотрели на его поступок как на величайшую несправедливость, за которую победитель арабов и спаситель всего западного христианства осужден в загробной жизни на вечное мучение. Есть средневековый рассказ («Видение Евхерия»), в котором повествуется, что раз к орлеанскому епископу по имени Евхерий явился во сне ангел и повел его обозревать загробные пространства. В аду они заметили Карла Мартела, и ангел объяснил, что франкский король наказан за вред, причиненный им Церкви. Проснувшись, Евхерий сообщил об этом св. Бонифацию и аббату С.-Дени Флодарду. Все трое отправились к гробнице Карла и, когда открыли ее, тела не нашли, а видели только огненного змея, вылетевшего из гробницы. Тогда все убедились, что Карл действительно мучился в аду. Важно в этом рассказе то, что он появился в IX в. и составлен с целью утешить детей Людовика Благочестивого, желавших снова наложить руку на церковные имущества.

Правовое значение бенефиции совпадает с актом коммэндации. Что коммэндация делала с крестьянской общиной, подчиняя свободных людей власти помещика, то же делала бенефиция с владеющими классами. Именно, здесь нарождаются рядом с бенефицией сюзеренные и вассальные отношения. Припомним, что Каролинги воспользовались раздачей бенефиций для военных целей. Давая бенефицию служилому человеку, король требовал от него коммэндации, вследствие которой становился сюзереном или сеньором, а получивший бенефицию – вассалом. Эти новые слова, сюзерен и вассал, характеризуют VIII и IX вв. Всякий свободный мог быть вассалом, но, с другой стороны, нет такого высокого общественного положения, которое бы не было совместимо с именем вассала. В 757 г. баварский герцог Тассило дал вассальную присягу королю Пипину, скоро затем такую же присягу дает князь славянского племени бодричей. Акт вступления в вассальные отношения заключался в следующем. Желавший сделаться вассалом должен был при торжественном собрании вассалов своего будущего сюзерена дать ему присягу на верность, для чего являлся с непокрытой головой и без оружия, преклонялся пред будущим сюзереном и целовал ему руку; последний возлагал руку на его голову и, выслушав присягу на верность, наделял его бенефицией. С тех пор устанавливались личные отношения верности между сюзереном и вассалом, эти отношения были выше всяких других. Главнейше вассал обязывался к военной службе по требованию и в интересах сеньора; количество людей, с которыми он должен был являться на войну, зависело от большей или меньшей доходности бенефиции; затем вассал должен был обращаться к суду сеньора во всех случаях, когда у него возникали дела с вассалами того же сеньора. Но за исполнением этих обязанностей вассал был вполне независим в своих владениях; там он был сюзереном, ибо мог иметь собственных вассалов и подвассалов. В VIII в. узы сеньората и вассалитета еще были не прочны; бенефиция жаловалась временно, всякое нарушение обязательств могло сопровождаться отнятием бенефиции и расторжением вассальных отношений. Натурально, что сильно заявляла себя тенденция достигнуть пожизненности и наследственности в праве владения бенефицией, и эта тенденция увенчалась успехом при детях Карла Великого (843).

Отношения вассала к сеньору не создавали еще феодализма, а только обуславливали его развитие. Это развитие направлялось двумя путями. С одной стороны, присяга на верность, даваемая вассалом сеньору, не исключала присяги на верность королю, но

уже в первой заключалось предрасположение к умалению важности второй. Король прямо и непосредственно мог опираться только на верность прямых своих вассалов; непосредственно же от короны давались далеко не все бенефиции. Мог наступить момент, когда все сеньоры обратятся в сословие, преследующее сословные, а не государственные интересы; тогда король окажется без подданных, ибо сеньориальная система знает подчинение вассала сеньору, а не подданного своему государю. Тенденция же прямых королевских вассалов обратиться в замкнутое сословие завершается в X в. К этому времени становятся наследственными государственные должности, устанавливается наследство бенефиций, и сословие сеньоров становится крепким и замкнутым, преследующим сословные интересы. Королевская власть все более стусевывается, а на место ее вырастает административная и судебная власть сеньоров. Связи между королем и подданными рушатся, и на место их возникают связи между местным феодальным владельцем и зависимым от него населением. Большие области, управляемые наследственными администраторами, обращаются в замкнутые в себе территории с отдельным судом сюзерена, с своей финансовой системой, с своими денежными знаками, с своим войском, наконец, с своим местным государем. По подобию первых образуются меньшие территории с независимыми владельцами.

Вот результат, к которому пришло западноевропейское развитие в X в. Характеризовать его можно немногими словами. Сверху донизу постепенно понижающаяся лестница иерархических ступеней. Верхние слои держатся узами сеньората и вассалитета, нижние находятся в полном подчинении феодальной знати, которая раскинула свои корни по всей территории, подвергшейся влиянию романизации.

Несколько прекрасных страниц в III т. «Истории цивилизации во Франции» Гизо, посвященных описанию феодального замка и земледельческого населения кругом его, дают яркую картину средневековой жизни, которая переносит в новый и чуждый нам мир отношений. Никто не будет отрицать, что в феодализме мы имеем самый выразительный и самый существенный признак западной истории. По разнообразию факторов, входящих в его образование, по постепенности, с которой обнаруживаются в нем экономические, социальные и политические элементы, наконец по глубине влияния на все общественные отношения как частного, так и публичного права феодализм представляет в себе много важного материала для сравнения.

В областях, зависевших в своем развитии от Византии, несомненно, должны были действовать на организацию общественной жизни те же экономические факторы, что и в областях с преимущественным римским влиянием. Но результат там и здесь оказался не одинаков. В Византийской империи от VIII в. и до турецкого завоевания наблюдается постоянно разделение земледельческого сословия на два класса: свободный и зависимый. Первый сидел на своих землях и лично отбывал денежные и натуральные повинности, не исключая и военной; второй обрабатывал чужую землю и находился в разных степенях зависимости от духовных и светских землевладельцев. Этим определяется основной фон картины восточноевропейского экономического и социального развития.

Говоря выше о преградах к распространению романизации на Востоке, мы ссылались на Крестьянский закон, изданный в VIII в. Этот закон должен послужить точкой отправления в истории экономического развития на Востоке. Кратко говоря, в этом законе находим отмену римских правовых воззрений на патронат: в нем нет и помина о помещицкой усадьбе и зависящем от нее крестьянском населении (*patrocinium vicorum – servi* и *adscriptitii*). Этого мы не найдем в тогдашних западных законодательствах. Но самым смелым и неожиданным нововведением в Крестьянском законе оказываются свободное крестьянское сословие и мелкое землевладение. Закон по существу своему есть земский полицейский устав и трактует об обычных проступках в земледельческом быту: о воровстве, потравах, увечье, порче межевых знаков и т. п. Но по духу своему и главному содержанию он применен к потребностям

населения Византийской империи, живущего в общине и управляющегося своим обычным правом. Заметим здесь к слову, что почти все статьи этого закона встречаются в древнем русском законодательном памятнике – в уставе Ярослава.

Славянская община Восточной империи не напоминает ли германскую марку в западной истории? Конечно, да. Здесь мы получаем явное сходство факторов и с этим вместе наметим основу, по которой должно идти дальнейшее развитие. Судьбы восточного социального развития, однако, направляются не тем путем, каким шло западное, и это тем любопытней, что экономическая среда, действовавшая разрушительно на марку, угрожала благосостоянию и византийской общины. Мы видели, что в VIII в. для германской марки был самый критический момент и что Каролинги, хотя и понимали значение совершившихся событий, не нашли нужным или возможным оказать поддержку сельской общине, вследствие чего мелкая поземельная собственность была поглощена крупной.

Такой же критический момент наблюдается в Византийской империи. Здесь он обнаруживается несколько позже, чем на Западе, именно в X и XI вв. Весьма живую, скажем даже, бьющую в глаза картину представляют относящиеся сюда современные источники: частные и официальные акты. Сословие властелей или динатов, как они называются в греческих памятниках, в X в. оказалось весьма опасным врагом крестьянской общины и мелкого землевладения. Пользуясь своим положением воевод, судей, сборщиков податей, эти властели обнаруживали очень вредное действие на крестьянскую общину, главным образом вследствие своего помещичьего права. Они разоряли крестьянские дворы, производили вымогательства при сборе податей, в голодные и неурожайные годы выдавали крестьянам пропитание за высокие проценты или под залог имущества. Такой порядок вещей побуждал мелких землевладельцев продавать свои участки, закладывать или уступать по завещанию и по частным актам. Словом, нужда гнала свободных людей в кабалу, которая на Западе выражается актом коммэндации. И на Востоке крестьяне вступали в зависимое положение к помещику, закладывались за него и переходили в разряд барщинных и крепостных. Опасность угрожала столько же от властелей, сколько и от того элемента, который вырос в самой общине и который у нас окрещен именем «кулак».

Богатые крестьяне среди самой общины, пользуясь дурным экономическим положением соседей, скупали за бесценок земли и обращали в батраков тех, кто недавно был хозяином. Вот на это-то зло и были обращены заботы императоров Македонской династии. Целый ряд очень любопытных мероприятий вскрывает нам законы этих императоров. Ряд мер был направлен к тому, чтобы поставить само сельское население в возможность бороться с экономическим злом; другой ряд мер предупреждает действие разрушительных элементов, т. е. направлен против самих властелей и кулаков. Чтобы предупредить распад общины, закон установил неотчуждаемость земельного имущества у общины. Всякий раз, когда освобождался крестьянский участок за смертью владельца или когда крестьянин хотел добровольно освободиться от своего земельного надела, на первое место по праву предпочтительной покупки выступали члены той же общины или волости. При этом закон указывает 5 категорий лиц и отношений в сельской общине, и только после отказа всех членов этих пяти категорий участок мог поступить в чужие руки.

Упомянутые категории важны для нас в том отношении, что показывают, как слагалась и как была организована община в X в. Если освобождался крестьянский участок, то право на покупку его признавалось за следующими лицами: 1) ближайшие родственники, 2) домохозяева той же общины, 3) другие обыватели общины (бобыли, захребетники), 4) соплательщики и 5) члены союзных общин. Если никто из лиц названных категорий не согласится на покупку, тогда имущество отдается вольному покупщику. Можно думать, что эти случаи были весьма редки. Что касается мер, прямо направленных против властелей, они заключались в следующем. Властели часто ссылались на закон 40-летней давности: кто докажет,

что он 40 лет владел землей, закон против него был бессилён. Византийское правительство отменило 40-летнюю давность, так что если бы крестьяне стали искать прав на землю и подтвердили свой иск свидетельскими показаниями, то власти изгонялись, невзирая на давность владения. Далее было обнаружено, что многие купчие крепости на землю составлялись фальшиво, в угоду богатым, межевые планы фабриковались помещиками в прямой ущерб для крестьянской общины, — правительство не остановилось перед тем, чтобы объявить эти акты недействительными, когда дело шло о крестьянской земле. Наконец, радикализм правительства дошел до того, что оно возложило круговую ответственность за несостоятельность общины на крупных землевладельцев данной местности. Помещики были обязаны круговой порукой охранять интересы мелкого землевладения.

Прежде чем делать заключения о следствиях, достигнутых подобными распоряжениями, остановимся на характеристике мотивов и чувств, которыми диктовались подобные законы. Это, в самом деле, редкие в истории меры; Запад не может представить и тени подобия им. Вот, например, вступление к одному из законов, изданных в 934 г. (Романом Лакапином): «Есть люди, которые, отрицаясь от своей духовной природы и Создателя, заботятся только о земных благах и временном благополучии. От таких людей, с жадностью гонящихся за богатством и подверженных страсти стяжания, происходят все бедствия: отсюда всякие замешательства, отсюда все несправедливости, отсюда великие и долгие страдания и стоны бедных. Но за бедных стоит сам Господь, говоря в Писании: ради мучения бедных и воздыхания убогих Я восстану. Если же сам Бог, возведший нас на царство, восстает на отлучение убогих, то как можем мы пренебречь своим долгом, когда именно от одних очей царских бедняк ждет себе здесь утешения. Ради того, имея намерение поправить, что было недавно совершено или дерзко предпринято против отдельных лиц, мы издаем настоящий закон, который послужит к устранению и искоренению ненасытной страсти любостяжания так, чтобы отныне уже никто не был лишаем своего и чтобы бедный не испытывал преобладания сильных». А вот что говорится о таких же мерах Константина Порфирородного: «Он видел, что жадность людей ненасытных распространяется все более, что сильные люди прокрались в средину провинций и сел и угнетают там несчастных крестьян, что власти посредством насилия и различных хитрых уловок приобрели себе многие поместья. Что же делает мудрый государь? Он определил, что все богатые, со времени его провозглашения самодержавным государем (944) приобретшие покупкою, дарением или насилием поместья и поля в селах, должны быть изгнаны без всякого вознаграждения».

Самым радикальным государем, принявшим суровые меры против властей, был, несомненно, царь Василий II Болгаробойца, современник Владимира Св. Вот одно место из его закона: «Немало были мы обременяемы жалобами бедных по поводу 40-летней давности и, много раз путешествуя и проходя области царства нашего, собственными глазами видели совершающиеся ежедневно в отношении к ним обиды. Разве не может властель, обидевший бедного, долгое время пользоваться своей силой и благосостоянием, а потом еще передать то и другое своим наследникам? Что же может в таком случае помочь бедному время? Разве не возможен такой случай, что патрикий, магистр или военный чин, обогатившийся на счет бедного, будет иметь своими потомками тоже властей, иногда находящихся в родстве с царями и поддерживающих в продолжение 70 или 100 лет силу своего рода и свое благосостояние? Не должны ли мы сами вступить, обуздать сильных, поддержать бедных в принадлежащих им правах, которые у них злым образом бывают отнимаемы или же похищаемы обманом? Когда богатые власти посредством покупки вторгаются в сельские общины и когда потом их наследники вместе с именем в продолжение нескольких поколений получают по наследству силу и влияние своих предков, то, конечно, бедному нет возможности возбудить иск о возвращении отнятого у него насилием или обманом».

Сделанные выдержки красноречиво свидетельствуют, что здесь мы имеем дело с тем же экономическим явлением, которое наблюдается на Западе в VIII и IX вв. Там и здесь решался многозначительный социальный вопрос: быть ли мелкой земельной собственности, или предоставить дело естественному процессу и воспользоваться крупным землевладением для государственных целей. В первом смысле вопрос решен на Востоке, во втором – на Западе. Византийские цари не только наметили процесс в начале его развития, но и изучили его во всех подробностях и вступили в упорную борьбу с высшей чиновной и служилой аристократией. Каролинги же действовали без надлежащей энергии и не приложили сердца к интересам изнемогавшей сельской общины. После Карла В. на Западе социальный процесс совершился безвозвратно в интересе поместного сословия. На Востоке, благодаря указанным выше мерам, крестьянская община была предохранена от разрушения. Задержав социальную эволюцию на первой, т. е. на экономической стадии, византийские цари несомненно предупредили тем развитие того порядка вещей, который последовал на Западе: в Византии не могло развиться сеньоратных и вассальных отношений, не могло образоваться феодальной системы. Византийская община не только пережила экономический кризис, но была поставлена в такое положение законодательными памятниками X в., что ее будущность была вполне обеспечена, и никакие разрушительные силы не могли сломить ее до турецкого завоевания. Сельская община служила государству, удовлетворяя его расходы и защищая его против внешних врагов.

Приведенные факты общественного развития, будучи сведены к конечным результатам, дают для Запада крупное землевладение и сословные притязания поместной и служилой аристократии; для Востока же – господство свободного мелкого землевладения и подчинение государственному принципу интересов поместного и служилого сословия.

К подобным же выводам можно приходиться на основании сопоставления фактов и явлений, характеризующих другие стороны жизни романизованных и чуждых романизации народов. Таков ряд фактов, обусловивших развитие императорской власти на Востоке и усиление сословных, классовых и территориальных тенденций на Западе; таков же ряд фактов, стоявших в связи с развитием церковной власти и устройством Церкви на Западе и Востоке.

Судьбы германской марки и славянской общины дают случай сделать несколько прикладных выводов. Изучение крестьянской общины в Византии есть задача глубокой важности не только с точки зрения византизма и постижения законов развития всемирной истории, но во имя ближайших нам интересов. Для Запада это вопрос археологический, давно разрешенный и сданный в архив; у нас же это вопрос современный, он занимает и наше законодательство и обсуждается в журналах и газетах. Исход, который он частью получил, частью получит в ближайшем будущем в законодательном и административном порядке, не может не интересоваться нас, ибо от этого зависит ближайшее экономическое и социальное развитие России. Что крестьянская община у нас разрушается, это ясно для всякого, кто хоть слегка знаком с литературой вопроса. Но следует ли придумать средства к предупреждению этого и стоит ли прийти на помощь крестьянской общине, – на этот счет высказываются положительные и отрицательные мнения. Большинство наших теорий относительно этого вопроса современности опирается на следующие данные: а) на пример, наблюдаемый в западной истории, причем этот пример рассматривается как неизбежный закон экономической эволюции; б) на сведения о русской общине, полученные из памятников и современных описаний. Что касается первого, то едва ли можно смотреть как на роковую неизбежность на те явления, которые последовали в социальном развитии Запада VIII и IX вв. Можно задать себе вопрос: как бы направилась социальная эволюция, если бы на Западе были применены законы царей Македонской династии, а на Востоке в X и XI вв. были императоры Каролингской династии? Что касается наших представлений об общине, выносимых на основании наблюдений над современной действительностью, здесь тоже мы не стоим на правильной

дороге, так как у нас недостает ни перспективы, ни исторического изучения, переносящего центр тяжести на первичные стадии развития.

В самом деле, мы делаем заключения об общине на основании того, что она представляет после эпохи крепостного права, после реформ эпохи освобождения, и лишены средств воссоздать строй древнейшей общины. В этом отношении организация общины по памятникам византийского законодательства X в. и по позднейшим византийским и южнославянским писцовым книгам дает в высшей степени любопытный вклад в историю вопроса. Живучесть общины зависела главнейше от следующих условий: 1) от неотчуждаемости общинных земель, 2) от громадного излишка общинной земли против той, которая была разделена на дворовые участки. Этот излишек иногда превосходит в несколько раз (в 4) то количество, которое находилось в подворном владении, и составлял общинный экономический ресурс про черный день. Масса охотников могла всегда находить прием в общине в качестве припущенников, арендаторов и бобылей, вкупаться в общину, снимать в аренду ее земли и увеличивать тем экономические средства ее. Наконец, 3) живучесть общины зависела от того, что она была обширным и хорошо организованным целым: по памятникам видно, что община состояла иногда из 30 или 40 деревень; таким образом, экономическая и платежная слабость одной деревни была восполняема другой, насилие богатого соседа над одним членом вызывало отпор со стороны других. Эти свойства древней общины нужно принимать во внимание при соображениях о том, случайное ли явление наша община или особенность восточноевропейского развития.

Нельзя думать, что отмеченные здесь различия в историческом развитии Запада и Востока Европы имеют лишь случайное и преходящее значение или что они ограничиваются только некоторыми историческими периодами. Должно, напротив, думать, что эти различия относятся к самому существу истории Западной и Восточной Европы, находя себе объяснение в характере, темпераменте и многочисленных физических и культурных особенностях населения. Подобные особенности характера не раз были отмечены византийскими писателями. Так, один просвещенный грек, живший в эпоху господства латинян в Константинополе после IV крестового похода, высказал следующее рассуждение о взаимных отношениях латинского Запада и Востока: «Нам не след теперь предаваться унынию, будем стремиться к добродетели и украшать себя образованностью. Тогда мы по сущности и справедливости будем властвовать над нашими повелителями. Захватив крепости и замки, они думают повелевать посредством насилия, отнимая у нас имущества и лишая жизни. Но такая власть ненадежна и непрочна, ибо не оправдывается ни природными, ни благоприобретенными свойствами. Никто же не скажет, что львы, леопарды или волки властвуют над людьми, хотя они когтями и зубами достигают того же, что и наши победители. И никогда не удастся им вполне господствовать над нами, хотя бы они присвоили себе все наши стяжания, хотя бы оставили нас нагими или коснулись бы самой плоти нашей» [3].

Противоположности между западной и восточной культурой выражены следующим образом у писателя XII в. Никиты Акомината: «Латиняне считают раем ту страну, в которой суждено нам жить. Завидуя нам, они всегда злоумышляют против нашего рода и строят нам ковы. По обстоятельствам прикидываясь друзьями, в душе ненавидят нас, как злейшие враги. Между ними и нами утвердилась величайшая пропасть различия, нас разделяет самая резкая противоположность убеждений. Чрезвычайно гордые и надменные, они пользуются для своих целей мягкостью нашего нрава, приниженностью и скромностью» [4].

Нельзя, кроме того, не принять в соображение, что занимающий нас вопрос о различиях в историческом развитии Запада и Востока столько же объясняется разностями в исторических факторах, сколько личной инициативой, субъективными тенденциями, а равно целями и побуждениями, управляющими волей исторических деятелей и классов общества. Если бы мы вычеркнули из истории эти последние элементы, а всю историческую эволю-

цию приписали бы неизбежным и неумолимым силам, действующим как закон и организующим человеческие общества с тою же свободою, с какой скульптор создает из бесформенной массы задуманную им фигуру, то история утратила бы свой нравственно-поучительный и гуманитарный характер. Мы не можем отрешиться от мысли, что в созидании истории и в организации форм общежития исторические деятели имеют глубокое значение и что задача исторических изучений состоит не только в том, чтобы понять и объяснить законы развития, но также и в том, чтобы показать, почему в одном случае люди спокойно склоняют голову под молотом неумолимых законов, в другом же обнаруживают протест и сопротивление.

Личная инициатива и субъективизм сказываются не только в силе и группировке исторических факторов, но проникают в самую глубь истории и влияют на самое историческое творчество. История пишется людьми, привносящими в свои создания национальные и политические чувства и симпатии. Вследствие этого история является очень чувствительным показателем самосознания данного времени и народа, что придает особенный интерес изучению исторических систем. Господствующая над нашими умами и управляющая нашей волей западноевропейская культура пленяет нас своими историческими обобщениями и выводами. Невольно поддаваясь часто высказываемому на Западе взгляду на расовые различия, мы бываем склонны проводить резкую черту между высшими и служебными им народами, между нациями, которые создают культуру, и народами, которые способны лишь подражать и перенимать. Вследствие этого мы должны удовлетворяться скромным уголком, отведенным во всеобщей истории Восточной Европы. А между тем не только мировая, даже европейская культура не свила себе гнезда в одном излюбленном месте; культурные центры перемещаются с места на место, и, по-видимому, не существует в мире приобщившегося к культуре народа, который не участвовал бы в исторической эволюции.

Период I (до 527 г.)

Элементы образования византинизма

Глава I

Византинизм и его культурное значение в истории

Почти во всех ученых европейских литературах существуют попытки объяснить культурное значение византинизма; делались подобные попытки и в России, и притом в нашей литературе настойчивее, чем где-либо, проводилась мысль о всемирно-историческом значении Византии.

Была даже пора – и это не так давно, – когда на русских возлагались надежды, что они возьмут на себя всестороннюю разработку темы о византинизме и культурном его значении и дадут разрешение занимавшей многих загадки. Но в настоящее время, когда изучением византийской истории и литературы усердно занимаются немцы, французы, англичане, итальянцы и другие народы, когда за границей появились специальные научные органы, посвященные византиноведению, нами утрачено, и, вероятно, бесповоротно, бывшее за нами право сказать новое слово в этой области.

Чтобы прийти к выяснению понятия о византинизме, надо отправляться от Византии. Византией назывался в древности греческий город на европейской стороне Босфора, при Мраморном море. В 330 г. христианского летосчисления римский император Константин Великий избрал этот город столицей своей империи и тем придал ему всемирно-историческое значение. С тех пор Византия, хотя и богатая торговлей, но все же бывшая до того провинциальным скромным городом, начала украшаться великолепными дворцами, портиками и площадями. Со всех концов греческого мира сюда стали стекаться произведения античного искусства, начался большой прилив нового населения из европейских и азиатских провинций империи; торговля и промышленность, которой на Западе не благоприятствовала смутная эпоха народных движений, нашла приют на Востоке и сосредоточилась в Византии. Сделавшись столицей империи, Византия по воле Константина Великого приняла новое имя и стала называться Константинополем, Новым Римом. С тех пор слово «Византия» перестало служить выражением реально существующей действительности, обратившись в термин для обозначения политических, государственных, церковных и этнографических особенностей, носителем которых была Византийская империя. Наименование Восточной Римской империи Византийскою империей в Средние века, в особенности со времени восстановления Карлом Великим (800) Западной Римской империи, возбуждает сомнения и возражения как со стороны реального смысла этого термина, так и со стороны хронологической. Известно, что сами обитатели Византийской империи не называли себя ни римлянами, ни эллинами или греками, а ромеями, так что Византийская империя официально носила наименование Ромейской. Отсюда ясно, что в строгом историческом смысле термин «византийский» так же имеет условный и искусственный смысл, как и другой термин, который иногда употребляется взамен первого, т. е. «восточно-римский». Еще менее исторических оснований называть Византийскую империю Греческой империей или *Bas Empire*.

Как в имени Римской империи времени Каролингов и Оттонов лежит историческая фикция, ибо в действительности Римская империя германской нации ничего общего не имеет с империей Августа или Антонинов, так и Восточно-Римская империя, составляя продолжающееся преемство императоров от Августа до Константина XII Палеолога, в действительности лишь условно и по соглашению может носить наименование Римской. Таким

образом, центр тяжести в данном вопросе переходит к выяснению содержания термина «византинизм».

Термины «византийский», а в связи с ним «византинизм» имеют за собою традицию и обозначают такую совокупность понятий, по отношению к которым не существует разности мнений. Никто в настоящее время не будет сомневаться и не выставит серьезных аргументов против следующих выражений: византийские писатели, византийская литература, византийское искусство, византийская образованность. Если сделались обычными приведенные выражения, то нет сомнения в законности терминов: «византийская история», «Византийская империя» и даже таких выражений, как «византийская мораль» и т. п. Едва ли даже возможно заменить, например, выражения «византийские писатели» или «византийское искусство» каким-нибудь другим выражением, которое так же хорошо обозначало бы сущность идеи, как это выражение. Несомненно, эпитет «византийский» придает смысл последующему слову, при котором он ставится, выражает особенный характер, специфические черты предмета. Когда произведение духа человеческого или отдельный индивидуальный поступок обозначается именем византийского, этим характеризуется не только качество произведения, но и принадлежность его к определенной эпохе; точно так же индивидуальное действие с предшествующим «византийский» весьма выразительно характеризует хитрость, коварство, неискренность, лицемерие, а также самомнение, дерзость и тщеславие и т. п. несимпатичные качества, отмеченные частью уже на первых страницах русской летописи.

Итак, если термин «византийский» имеет определенное и довольно общепринятое значение, то нам не представляется трудности определить значение выражения «византинизм», которое, несомненно, должно получить преобладание над соперничающим выражением «византийство». Под византизмом прежде всего разумеется совокупность всех начал, под влиянием которых постепенно реформировалась Римская империя в V–VIII вв., прежде чем преобразоваться в Византийскую империю. Как на Западе организующим началом стал романизм, так на Востоке – византизм; с этой стороны и может подлежать объяснению термин «византинизм». На Востоке романизм встретился со старыми культурами: иудейской, персидской и эллинской, которые не только оказали ему значительное противодействие, но, в свою очередь, имели на него разнообразные влияния. На почве римской администрации и правовых римских воззрений появляются наслоения и придатки особого рода, по канве эллинских философских воззрений вышиваются узоры манихейских, иудейских и иранско-персидских идей и верований. Многообразные перемены вызвали германская и славянская иммиграции, произведшие реформы в социальном и экономическом строе и в военной системе империи. Под действием указанных новых начал реформируется Римская империя на Востоке, постепенно приобретая характер византизма. Как выражение политических, культурных и философско-литературных особенностей, византизм проявляется в следующих признаках: 1) в постепенной отмене господствовавшего латинского языка и замене его греческим или, собственно говоря, византийским; 2) в борьбе национальностей из-за политического преобладания; 3) в оригинальном характере развития искусства и в появлении новых мотивов, влиявших на создание новых памятников, равно как в своеобразных чертах литературных произведений, где вырабатывается постепенно новый и оригинальный метод под влиянием восточных культурных преданий и образцов. Крайним пределом первого периода выработки византизма нужно полагать начало VIII в. Общеизвестны черты воздействия византизма на исторические народы, с которыми империя приходила в соприкосновение. С указанной точки зрения византизм имеет громадное значение как в западноевропейской, так и в восточноевропейской, в частности в русской, истории. Следует прибавить, что по отношению к восточноевропейской истории роль византизма не окончена и по настоящее время. Константинопольская Вселенская Церковь есть прямая продолжательница в церковной области политических преданий византизма: как Византийская

империя ревниво оберегала эллинизм, препятствуя образованию инородческих политических организаций и концентрируя эллинские элементы, так и константинопольский патриархат приносит в жертву эллинизму идею Вселенской Церкви.

При оценке значения Византии во всеобщей и русской истории можно исходить из двоякой точки зрения. С одной стороны, Византия может быть рассматриваема как живой государственный организм, имеющий свою историю, в которой различаются периоды подъема и упадка. Жизнь этого организма продолжается от IV до XV в. С другой стороны, может представляться и та точка зрения, что Византия, как политическое тело, будучи погребена в эпоху турецкого завоевания Константинополя в 1453 г., не перестает, однако, жить, как отвлеченный принцип, в ее археологических памятниках, в оставленном ею наследстве и в чувствах и настроениях народов, которые подверглись ее культурному влиянию. Историческая Византия при этой точке зрения уступает место археологической.

Византизм, как историко-литературный термин, должен быть поставлен рядом с романизмом. Но, отдавая должное романизации в процессе образования западноевропейской государственности, мы, с другой стороны, не можем не придавать значения и византизму, как организующему началу исторического развития на юго-востоке Европы. Будем справедливы и согласимся, что, если романизм формирует франкское государство и служит важным фактором в империи Карла Великого и Оттонов, если римские правовые воззрения оказывают очень сильное действие во всей истории Запада, византизм, с своей стороны, становится идеалом славянского царства, к какому стремятся передовые славянские народы. Византизм идет до Киева и Москвы, под его началами складывается историческая жизнь, т. е. государственное и военное устройство юго-восточных славян; в связи с этим принципом стоит разделение Европы на две половины – православную и католическую, в каковых названиях столько же скрываются религиозные, как политические и этнографические различия. Словом, византизм есть исторический принцип, действия которого обнаруживаются в истории народов юга и востока Европы. Этот принцип заправляет развитием многих народов и до настоящего времени, выражая собой склад верований и политических учреждений, равно как особый вид организации сословных и экономических отношений.

В последней четверти V столетия по Р. Хр. пала Западная Римская империя под напором германских варваров. Наследие всемирного римского обладания, звание императора и самая идея всемирной монархии, а также остатки античной образованности уцелели после этого только на Востоке – в Византийской империи. Особенно тяжела была для народов Западной Европы утрата идеи всемирной монархии. «Один Бог на небе, один царь на земле; нельзя небо представить без Бога, ни земли без императора» – так говорит западный писатель V столетия. То обстоятельство, что императорское достоинство сохранилось в Византии, наполняло умы политических деятелей Западной Европы озлоблением. Неудивительно поэтому, что очень рано возникла на Западе мысль о том, что нужно во что бы то ни стало отнять императорское достоинство у византийских царей. Впервые удалось осуществить это королю франков Карлу Великому. Несмотря, однако же, на то, что империя была восстановлена на Западе, все очень живо ощущали, что это не совсем справедливое дело при существовании законного римского императора на Востоке; многие называли западных императоров самозванцами. Это продолжалось до тех пор, пока западные императоры не приобрели путем купли согласие на присвоение ими себе этого титула со стороны императоров византийских. Это первое хищение, которое сделал запад Европы от Византии. Второе хищение – церковное. В то время, как западные государи стремились присвоить императорский титул, римский первосвященник, вступив на путь честолюбивых притязаний на главенство, начинает свое соперничество с патриархом константинопольским. Враждующие стороны подвергают одна другую проклятиям и взаимным оскорблениям, и раздор заканчивается полным отделением Западной Церкви от Восточной.

С того времени Византия и все восточные христиане стали известны на Западе под именем схизматиков. Но и на Востоке не считаются православными христиане Западной Европы, подвластные римскому папе. Вражда церковная иногда переходила во вражду политическую. Особенно печальна из эпизодов этой борьбы история завоевания Константинополя крестоносцами в 1204 г., когда франки убивали восточных христиан и опустошали их страну с не меньшей жестокостью, чем это делали они по отношению к мусульманам. Трудно понять, как могли в такой степени озлобиться друг против друга христианские народы. Никто из западных христиан даже не хотел и думать, как все это жестоко и несправедливо. Лишь один русский путешественник, бывший в то время в Цареграде, сделал в Новгородской летописи правильную оценку этих кровавых событий, назвав подвиг крестоносцев преступным деянием. Более всего пострадали от хищения латинян святыни Византийской Церкви. Сохранившиеся на Западе письменные свидетельства очевидцев этих событий полны сообщений об этих грабежах. Бесстыдство доходило до того, что писатель-очевидец ставил себе лично в великую заслугу то, что и ему удалось в присутствии таких-то лиц присвоить ту или иную греческую святыню.

Впрочем, этими сведениями о хищениях еще далеко нельзя исчерпать тех заимствований, которые сделала Западная Европа от Византии. Много культурных заимствований от Византии перешло на Запад мирным путем. Сохраняя в своих недрах плоды античной цивилизации, Византия служила для западноевропейских народов обильным источником знаний и просвещения. До конца XII столетия о Византии смело можно сказать, что она стояла на недостижимой для западных народов высоте в области богословия, философии и литературы. Это превосходство над собою Византии сознавали и некоторые из западноевропейских лучших людей. В доказательство можно привести то, что германские императоры IX и X столетий стремятся вступить в брачное родство с византийскими императорами. Вместе с греческими царевнами приходили тогда в Германию и греческие ученые. Каким уважением пользовалось греческое образование на Западе, видно из следующего места письма Оттона III к Герберту: «Ради Бога, побывай у меня. Сердце мое болит, потому что я не могу еще отогнать от себя саксонскую грубость и привить себе греческое просвещение». Самое богослужение латинской Церкви, церковные обряды, начала церковного права, – все это может быть рассматриваемо как заимствование от Византии. Несмотря, однако же, на это, латинские христиане питали к Византии далеко не благорасположенные чувства. Самый момент падения Византийской империи ознаменовался со стороны латинского христианства величайшей изменой общехристианскому делу. Византийские императоры посылали на Запад просьбы о помощи, но там начались споры о том, следует ли оказать эту помощь. Одни рассуждали, что нехорошо оставлять христианскую страну под властью мусульман, а другие возражали, что ведь греки не истинные христиане, и за этими спорами дали туркам разрушить империю, не послав помощи грекам.

Таковы отношения, которые существовали между Византией и Западной Европой. Первая была рассадником культуры, а вместе с тем и предметом разного рода хищений и мирных заимствований, тогда как западноевропейские народы платили ей лишь завистью, недоброжелательством и жестокостями. Не то нужно сказать об отношениях Византии к Восточной Европе и к славянам.

Точно так же, как и народы Западной Европы, но только в гораздо большей степени, славяне часто приходили в соприкосновение с Византией. Долгое время Византия, нуждаясь по причине тяжких войн в людях для заселения своих земель, приглашала к себе германцев и славян, которые шли сюда широкой волной. Войска империи нередко были пополняемы славянами. Из среды их иногда бывали и администраторы империи, полководцы и даже один патриарх. В обычаях и законах империи есть возможность проследить влияние славянских правовых воззрений. Не говорим уже о том, что наши предки часто являлись под стенами

Византии с военными целями, русские купцы почти всегда проживали в Константинополе и здесь находили прибыльный сбыт своих товаров. Эти частые сношения славян с Византией сопровождались разнообразными благотворительными последствиями для славянских племен. Византия просветила их светом христианской веры, она же дала им и основные черты государственного устройства, под влиянием Византии развились литература славян и их искусства. Просветив славян св. крещением, Византия дала им богослужебный язык и письменность – заслуги неоценимые. Так смотрели на дело и сами славяне. Болгарский князь так говорил грекам: «От вас (бо) на все страны добрый закон исходит».

Какие культурные приобретения сделали русские от Византии? Хотя, как сказано выше, наша и иностранная литература представляет попытки осветить этот вопрос, но, к великому сожалению, это далеко не означает, однако же, что все по этому вопросу уже сказано. Наоборот, византийская история разработана пока очень мало. Причина такого явления понятна. Памятники византийской истории стали подвергаться научному исследованию очень недавно. Да и самая разработка не может идти вперед быстро по той причине, что она затруднена множеством неблагоприятных условий. Отсюда-то и происходит, что многие факты из истории взаимоотношений Руси и Византии остаются совсем невыясненными. Между тем достаточно вспомнить некоторые исторические факты и принять во внимание исторические традиции, чтобы прийти к положительным заключениям о силе и разнообразии византийских влияний.

Оглядываясь на прошедшую жизнь русского народа, мы видим, что наши предки издавна стремились в Византию, то вступая с ней в мирные сношения, то предпринимая на нее опустошительные набеги. Но вот сама Византия одерживает над ними величайшую победу, дав им христианскую религию. С этого времени наши воинственные предки употребляют свои силы уже не во вред Византии, а на помощь ей. Так, еще св. Владимир вскоре после своего крещения послал в Царьград отряд своих воинов с целью усмирить мятеж, который в то время подняли против императора его подданные. Как по торговым, так и по другим целям русские люди часто посещали Константинополь. Существует мнение, что русская колония в Цареграде имела и свою церковь. В этой-то церкви, вероятно, и находилась икона Варяжской Богородицы.

Даровав св. веру нашим предкам, Византия сообщила им вместе с этим и массу других культурных приобретений: письменность, священный язык, богослужение, государственное устройство. Из Византии перешли к нам и знаки верховной государственной власти: герб, бармы и шапка Мономаха. Когда же пала Византийская империя, то сношения ее с Россией приняли уже иной характер. Тогда греки устремляются в Россию за милостыней, привозят к нам свои святыни и продают их. Теперь взаимоотношения Руси и греков теряют характер отношений равного к равному. Наши предки, между прочим, строго осуждают греков за распродажу святынь.

Итак, даже из того, что было сказано о культурном влиянии Византии на европейские народы в прошлые века, можно понять, что это влияние ее велико. Но Византия продолжает оказывать влияние на европейскую культуру и в настоящее время посредством своих памятников. Византийский труп подлежит всестороннему изучению, и к этому изучению весьма желательно привлечь возможно более рук. Большая часть памятников византийских времен еще не издана. Между тем на одном Афоне до 10 000 рукописей, да, сверх того, большая часть европейских больших библиотек имеет свои специальные отделы, содержащие в себе византийские памятники. Кроме литературных памятников, от Византии уцелело большое число памятников искусства: архитектуры и живописи. Изучение этих памятников идет очень медленно. Большинство из них находится под землей. Чтобы производить раскопки на местах нахождения их, требуется немало денег и труда. Но всего прискорбнее то, что очень часто на турецкой территории производятся тайные раскопки. Открытые таким путем древ-

ности столь же тайно распространяются и продаются в разных странах, а это очень вредно отражается на деле изучения древних памятников, потому что изучать их на месте открытия было бы гораздо плодотворнее для науки. Всесторонней научной оценки культурного значения Византии еще не было сделано. А между тем ни для кого эта задача не представляет такой важности, как для нас. Для развития нашего исторического самосознания и для воспитания устойчивых взглядов на современные события нам следует серьезно считаться с тем, что оставила Византия в своих археологических памятниках и в своем наследстве. Византия для нас не отвлеченная только проблема, а реальный предмет, изучение которого во многих отношениях связано с русской историей.

По отношению к археологическим памятникам Византии русское правительство приняло весьма важную меру учреждением в Константинополе археологического института, ближайшей целью занятий которого поставило изучение христианских археологических памятников в пределах бывшей Византийской, ныне Турецкой империи. В изданных им в настоящее время 15 томах «Известий Р. А. института в Константинополе» можно видеть, какой богатый и интересный материал открывается для русской науки на Востоке. Что же касается практической постановки изучения Византии и популяризации византийской истории среди большой публики, в этом отношении сделано весьма мало. И трудно ожидать, чтобы в ближайшем будущем изменились к лучшему неблагоприятные обстоятельства. У нас нет научной византийской школы и, по-видимому, гложут и византийские традиции.

По отношению к оставленному Византией наследству мы напрасно стали бы себя обманывать, что в нашей воле уклониться от деятельной роли в ликвидации дел по этому наследству. Хотя вообще от наследника зависит принимать наследство или отказаться, но роль России в «Восточном вопросе» завещана историей и не может быть изменена по произволу, если только какое-либо непредвиденное потрясение не даст нам способности забвения и не отшибет память о том, чем мы жили, к чему стремились и от чего страдали.

Вопрос о начале «византинизма» как культурного термина, вошедшего в образование Византийской империи, не может в точности совпадать с проблемой о начале истории Византии.

Из рассмотрения внешних фактов и внутренних отношений можно приходиться к определенному выводу, что Восточная империя обнаруживает выразительный характер византинизма к началу VIII в. Что же касается исходных моментов, то хронологически указать их появление весьма трудно. Подобно тому как возможны колебания по разграничению древней истории от средневековой, еще с большими сомнениями следует относиться к попыткам характеризовать те или иные явления исторической жизни, как облеченные византизмом или как лишенные характера византинизма. В смысле объема и содержания исторического материала сюда должны быть отнесены факты, подготавливающие византизм и характерные для эпохи византийской истории, хотя бы хронологически они входили в цветущую пору древней римской истории. Тот же самый этнографический переворот, как на Западе был могущественным деятелем при переходе от древней истории к средней, постепенно происходил и на Востоке, претворяя греко-римские учреждения в византийские. В борьбе с готами, гуннами, аварами и славянами Восточная империя усвоила себе существенные элементы византинизма. Таким же организующим свойством для византинизма было христианство в том его проявлении, которое заключается в восточном православии. Здесь византизм сказался в постепенном сосредоточении православия в эллинском племени и в отделении от господствующей Церкви Египта, Сирии, Армении; рядом с этим шли притяжения константинопольского патриархата и принятие им титула Вселенский. Из этих общих указаний можно понять, что для историка не совсем легко определить дату, с которой он должен начать изложение своего предмета. Действительно, точка отправления для истории Византии заключается не в хронологических рамках, а в новой группировке фактов и в

новых настроениях, какие намечаются у исторических деятелей. Самая существенная черта, которою резко отделяется древность от средневекового мировоззрения и которою открывается византизм, заключается, по нашему мнению, в иммиграции варваров в империю и в культурном и религиозном кризисе III–IV вв. Мы, таким образом, отправляемся в изложении византийской истории не от определенной даты, а от истории образующих византизм составных элементов.

Глава II

Культурный и религиозный кризис в Римской империи. Иммиграция варваров. Перенесение столицы в Константинополь

Когда Константин Великий избирал незначительную в то время Византию своей столицей, этим актом он решил также вопрос об отделении Запада от Востока; в то же время этим намечались новые пути дальнейшего исторического развития для Западной и Восточной империй. Хотя ближайшие преемники Константина пытались некоторое время направлять к одной цели политику Востока и Запада, но уже со времени Аркадия и Гонория, т. е. с 395 г., Западная и Восточная империи не соединялись более под властью одного императора, но та и другая пошли своим собственным путем и испытывали различные судьбы. Путь, которым шла Западная империя до 476 г., обозначается внешними поражениями, внутренними бедствиями и смутами, приведшими империю на край гибели. Основанная Константином столица на Босфоре довольно успешно выдержала удары, под которыми пал мировластительный Рим, и дала – правда, довольно странный и мало еще понятный, но все же весьма интересный по своей живучести – политический организм, называемый Восточной, или Византийской, империей.

Наиболее важная для историка проблема в рассуждении Восточной империи заключается в том, что она так же была разьедаема теми же язвами, как и Западная империя, и что удары, под которыми пал Рим, не щадили и столицы Константина. В настоящее время настоятельно требует разрешения уже давно назревший вопрос о причинах, обусловивших разные судьбы Восточной и Западной империй. Если Рим неминуемо должен был пасть под влиянием разрушительных сил, и на месте Римской империи должны были возникнуть новые государства, то почему не постигла тогда же и подобная же участь Византию, в которой с не меньшей энергией действовали подобные же разрушительные силы? Когда идет речь о падении Рима, при этом разумеется громадной важности исторический переворот – переход от Древнего мира в Средние века, сопровождавшийся большими потрясениями как в нравственной, так и в материальной жизни общества.

К решению вопроса о причинах падения Древнего мира подходили с разных сторон и решали его разнообразно. Наиболее распространенное мнение заключается в том, что Древний мир состарился, пережил себя и не мог выдержать борьбы с новыми идеями, внесенными в мир христианством. Действительно, христианская вера внесла в жизнь новые начала, которые всего более содействовали разрушению Древнего мира как политического организма, покоившегося на началах греко-римской религии. Но когда христианство победило Рим? Не при Константине Великом, потому что тогда язычество было еще главенствующим элементом в обществе и правительстве. Следует притом принять во внимание, что обращение к христианству новых народов продолжается в VI и VII, даже в IX и X вв. Нельзя также забывать, что христианство распространялось в империи мало-помалу и что с постепенностью шло и воспитание общества в новых идеях. Старелся же и ветшал Древний мир независимо от христианства, так как если бы он не обветшал, то и христианство не нашло бы для себя той восприимчивой среды, какая была необходима для его распространения. Приверженцы старой веры далеко не без борьбы уступили место христианскому культу, и в то время, как христианство было уже господствующим вероисповеданием, язычество до VI в. держалось еще в некоторых провинциях. Итак, на вопрос, отчего пал Древний мир, нельзя удовлетвориться ответом: от распространения христианства.

Когда мы обсуждаем какое-либо событие политической ли, или военной, или дипломатической истории, мы имеем до некоторой степени возможность, разлагая его на составные части и следя за развитием подробностей, доискаться общих причин, вследствие которых рассматриваемое событие приняло такое, а не иное направление. Гораздо труднее дается объяснение фактов, относящихся до внутренней истории. Здесь скрыты от наблюдения мотивы, приводящие в движение человеческую волю, и не так заметна личная инициатива, почему нелегко устанавливается связь между причинами, производящими то или другое влияние, и конечными следствиями. Сколько, в самом деле, нужно вскрыть чуть заметных факторов, чтобы понять народные верования, обычаи, формы общественной жизни, наконец, умственное движение и тому подобное, т. е. именно те элементы народной жизни, из коих слагаются прогресс и упадок народов? И между тем разгадка этих интимных сторон государственной и общественной жизни есть конечная цель, к которой должен стремиться историк.

Входя в рассмотрение причин, приведших к падению Древний мир, мы должны, конечно, считаться с христианством; но, как принцип духовного и морального свойства, христианство не может быть рассматриваемо как разрушительный элемент. Очевидно, следует искать факторов, содействовавших разрушению Древнего мира и помимо христианства. Есть мнение, на первый взгляд отталкивающее своей кажущейся парадоксальностью, но на самом деле поразительное по своей реальной правде. Древний мир пал потому, что греки и римляне весьма мало обращали внимания на изучение природы (на естественные науки, химию и др.). Если бы Рим выдвинул против варваров порох и другие взрывчатые вещества, то никогда бы не был жертвою варварских вторжений. Эту мысль следует выразить несколько иначе, чтобы приблизиться к роковой действительности. Если бы Древний мир был в состоянии выставить против варваров другие средства противодействия, кроме материальной силы своих легионов, то возможно, что высшая культура Рима одержала бы верх над варварами и подчинила бы их. Но военное дело, занимающее тысячи специалистов-теоретиков и даже в Средние века неоднократно подвергавшееся коренным реформам приспособительно к новым потребностям, вызываемым новыми условиями нападения и защиты, в Древнем мире, где война не затихала ни на один день, не испытывало значительных реформ, так что ни в устройстве легиона, ни в системе вооружения, по крайней мере, от Августа до Диоклетиана, не было перемен. И нужно прибавить, что военное дело вовсе не составляло в этом отношении исключения. Недостаток духовной производительности есть существенная черта, характеризующая эпоху падения Древнего мира – от Августа до конца III в. В государственном праве и администрации, в литературных произведениях, в хозяйственной деятельности – везде обнаруживается неподвижность, подражание унаследованным образцам и отсутствие живой, прогрессирующей и руководящей идеи. Только в одной области проявлялась работа мысли и эволюционное движение – в христианских общинах. Но и это движение, как теперь выясняется все с большею наглядностью и что должно быть здесь особенно отмечено, обязано своими успехами главнейше не чистым греко-римским элементам, а Сирии и Африке, где было много семитических примесей.

Таким образом, в рассуждении того вопроса, который нас занимает, дело идет не об одном каком-либо принципе и не о смене одних физических деятелей другими, а об общем кризисе, какой постигает иногда народы и государства, утрачивающие жизнеспособность, подобно дереву, неожиданно завядающему и не дающему ветвей. Речь сводится к тому, чтобы проникнуть в тайну государственной и общественной жизни Древнего мира, когда угасла в нем духовная производительность и когда не стало в нем, употребляя выражение поэта, «ни мысли плодотворной, ни гением начатого труда».

У Геродота [1] есть превосходный рассказ, который прекрасно поясняет нашу мысль. Периандр, коринфский тиран, раз отправил посла к Фрасибулу, милетскому тирану, чтобы

спросить у него совета, как ему установить надежнейший и наилучший образ правления, иначе говоря, как ему лучше утвердить свою власть в Коринфе? Фрасибул вывел за город прибывшего из Коринфа посла, пошел на засеянное поле и, проходя по ниве, спрашивал посла о цели его прибытия и в то же время сбивал колосья, которые поднимались над другими и были выше всех, и продолжал это до тех пор, пока не истребил самой лучшей части нивы. Так он прошел по всему полю и отослал посла, не сказав ему ни слова. Возвратившись к Периандру, посол стал жаловаться, что отправили его просить совета у человека помешанного, который портит свое добро, и рассказал, как он был принят Фрасибулом. Но Периандр понял мысль мудреца и погубил в Коринфе или присудил к изгнанию тех граждан, которые возвышались над другими знатностью и влиянием.

Вследствие подобной политической мудрости, которая одинаково применялась в древности как в монархиях, так и в демократических и аристократических государствах, везде получался одинаковый результат: на той ниве, которая производила поколения людей, колосья получались все ровней, а жатва и достоинство и количество зерна все скудней. Как в Греции, так и в Риме история обильна примерами, иллюстрирующими сказание Геродота. Исагор, заняв Афины с помощью спартанцев, изгнал из города 700 беспокойных фамилий; Агафокл погубил в Геле 4000 ненадежных граждан. В Риме такое же значение имели проскрипции, при помощи коих укрепляются Марий и Цинна и далее триумвиры. Империя утверждала свое влияние особенными мерами избрания сената и устранением опасных граждан. Преследованиям подвергались не только вожди партий, но и их родственники и потомство.

Выразительным примером той же практики в позднейшее время может служить новелла сына Феодосия Великого, императора Аркадия, против обвиненных в политическом заговоре. «Кто против нас составит заговор или кто примет участие в заговоре против нас – тот подлежит смертной казни, и его имущество конфискуется. Что касается детей, хотя и они должны бы разделять участь отцов, так как и в них можно опасаться унаследованной преступности, то мы даруем им жизнь; но они не имеют права на наследство ни от отцов, ни матерей, ни родственников, ни даже чужестранцев; пусть они вечно в бедности и нужде несут последствия отцовского позора, им нет доступа ни к государственной службе, ни к почестям» [2].

Намечаются и другие причины, одинаково с указанными содействовавшие банкротству Древнего мира. Следствием чрезмерных тягостей военной повинности, лежавшей исключительно на гражданах, т. к. от нее устранены были рабы, вольноотпущенники и покоренные народы, было то, что ряды граждан среднего класса и крестьянского сословия значительно поредели и что образовавшаяся в среде их пустота не заполнялась нарождаемостью. Лучшим примером может служить Лаконика. При вторжении персов она могла выставить 8000 воинов, столетием позже только 1500, а в 244 г. лишь 700. В императорскую эпоху эта область, считавшая прежде до сотни городов, имела один значительный город Спарту да до 30 жалких поселков. Пелопоннис в императорскую эпоху едва мог поставить 3000 воинов, а в битве при Платеях участвовало 7400.

Цензовые списки для II столетия до Р. Хр. дают для Италии от 337 до 394 тыс. способных носить оружие. При Августе можно было с трудом набрать в Италии 45 тыс., а при императорах I и II вв. население еще более поредело: города Анций и Тарент были в развалинах, страна оставалась из-за недостатка населения невозделанной. Было бы ошибочно приписывать это явление постоянным войнам и усобицам. Евбея не была театром военных действий с IV в., между тем вот какой порядок вещей засвидетельствован здесь в конце I в. по Р. Хр. «Две трети земли, – говорит Дион, – лежат без обработки по недостатку рабочих рук. Я бы с удовольствием отдал даром под обработку свой участок, да нет охотников на

него». Нет, главная причина убыли населения лежит в простом факте: в недостаточном приросте населения.

Об этом явлении в II в. историк Полибий делает следующее замечательное наблюдение: «Если невозможно или трудно понять по человеческому разумению причины каких-либо явлений по отношению к ним, то, может быть, кто-нибудь, находясь в недоумении, будет ссылаться на божественную волю или на случай: таковы непрерывные ливни и чрезмерные дожди или, напротив, засухи и холода, производящие порчу плодов, равным образом постоянные заразительные болезни и другое подобное тому, что нелегко поддается объяснению. Почему, по справедливости, следуя мнению большинства по отношению к таким непонятным явлениям, умоляя и умоляя жертвами божество, спрашиваем оракулов: какими словами или какими действиями мы могли бы улучшить свое положение или достигнуть облегчения от угнетающих нас бедствий?»

Что же касается таких явлений, причины которых, производящие известное событие, легко понять, то, по моему мнению, таковые не следует ставить в соотношение с божеством. Возьмем такое явление. В наше время всю Грецию постигло неплодие и вообще скудость населения, вследствие чего и города запустели, и произошли неурожай, хотя не было у нас ни продолжительных войн, ни заразительных болезней. Итак, если бы кто по отношению к этому вздумал спрашивать богов, какими словами или действиями мы могли бы размножиться и лучше устроить жизнь в наших городах, то не оказался ли бы он подлинно безрассудным человеком, так как причина явления совершенно ясна, и устранение ее зависит от нас самих? Когда люди утратили простоту и сделались любостяжательными и расточительными и перестали вступать в брак, а если вступали, то с тем, чтобы не иметь больше одного или, в крайнем случае, двух детей, чтобы оставить им значительные богатства и воспитать их в роскоши, – вот при каких условиях постепенно усилилось бедствие. Ибо при существовании одного ребенка или двоих, в случае если один из них сделается жертвой войны или болезни, легко понять, что неизбежно жилища останутся пустынными и, как рои у пчел, подобным же образом и безлюдные города скоро впадают в бессилие. В подобных обстоятельствах нет нужды вопрошать богов о том, как избавиться от такого бедствия, ибо каждый в состоянии объяснить, что это вполне зависит от нас самих: или следует отречься от зависти, или определить законами для каждого обязанность воспитывать своих детей. Для этого нет нужды ни в предсказателях, ни в кудесниках» [3].

Правительство вполне понимало угрожающую опасность, оно издавало законы против вдовых и холостых, определяло награды за многочадие, но принятые меры не приносили ожидаемой от них пользы. Военные люди, проведя в военных занятиях и вдали от родины лучшие годы жизни, под старость если и женились, то не производили детей. Независимо от того военная система, лежавшая на мелких земельных собственниках, отнимала у земли рабочие руки и поражала в самое сердце сельское хозяйство. Крестьянские участки поступали за долги в продажу и становились собственностью крупных землевладельцев. Совокупность указанных условий обезлюдил и ослабил Древний мир.

Ввиду вышеизложенного едва ли можно оправдать довольно распространенные выражения: Древний мир обветшал, состарился, выродился, – которыми пытаются определить сущность перехода от Древнего мира к Средневековью. Нужно принимать в соображение, что физической преемственности между древними и средневековыми народами вообще не может быть указано: не греки и не римляне играют роль после падения Западной Римской империи, хотя никак нельзя отрицать преемственности в идеях и воззрениях, т. е. тесной культурной связи между Древним миром и Средними веками. Древний мир оставил в наследство Средним векам свою культуру; следовательно, самый процесс передачи культурного наследия и способы усвоения должны составлять для историка самое существенное в понимании и изложении переходной эпохи от Древнего мира к Средним векам.

Понимая этот процесс как постепенное перерождение, мы должны отвести самое главное место выяснению двух начал, под влиянием которых совершается перерождение Древнего мира. Это перерождение медленно происходило под влиянием духовного и материального элементов. Один постепенно ослаблял философские и религиозные воззрения языческого мира, подготавливая умы для восприятия христианской религии; другой постепенно изменял самую физическую сущность обитателей Древнего мира, вливая свежую струю варварской крови в слабеющие и переставшие размножаться поколения и народности.

С середины прошлого столетия выдвинута была мысль об изучении исторической и социально-религиозной обстановки, в которой образовалась и утвердилась христианская идея. Эта мысль, составляющая основное положение так называемой Тюбингенской школы, привела к весьма важным выводам на почве изучения религиозной идеи в эпоху происхождения и утверждения христианства. Вера в языческую религию поколебалась в сознании древних народов, боги перестали удовлетворять религиозным потребностям, и наступила такая пора, когда опустелый Олимп ни для кого не представлял более ни отрады, ни успокоения. А между тем человечество не могло оставаться лишенным религии. Место языческого культа должна была занять другая вера. Это искание новой идеи, которым характеризуется философское движение в Древнем мире, чрезвычайно богато последствиями, и на почве философской производительности добыты те заключения, которые приготовили Древний мир к принятию христианской идеи. Мы разумеем здесь весьма продолжительный период поисков за новыми идеями, поисков утомительных и часто безнадежных, которые необходимо историку оценить и представить в надлежащем освещении, чтобы показать значение идейной борьбы в человеческом обществе. Весьма известно то обстоятельство, что древняя вера в божественную силу греко-римских божеств была поколеблена задолго до того времени, как восточные божества стали приглашаться к участию в Олимпе.

В комедии Аристофана «Облака» есть место, где Сократ на сделанное ему замечание, что в руках Зевса есть молния, чтобы поражать клятвопреступников, отвечает: «Дурак! Ты повторяешь бабьи сказки. Если Зевс поражает молнией клятвопреступников, то почему не попалил Симона, и Клеонима, и Феора – ведь это самые злые клятвопреступники. Вместо того он поражает собственные храмы, и шпиг Афинеи Сунийской, и высочайшие дубы. Что они ему сделали?»¹ Если принять в соображение, что время жизни комика падает на 450–385 гг. до Р. Хр., то можно еще удивляться, что вера в богов так долго держалась в греко-римском обществе. Правда, правительство пыталось разными средствами поддержать и оживить религию и достигало в этом отношении некоторых временных успехов. Но философское мышление, направляясь к выяснению отношений человека к верховному существу, все более и более подрывало уверенность в верованиях, когда-то имевших значение непререкаемых истин. Уже основные положения, выводимые из платоновского учения: идея единого и всесовершенного Бога, бессмертие души, воздаяние по смерти за совершенные в жизни деяния – заключали в себе выводы, несовместимые с старой верой и скорее приближающиеся к христианству, чем к язычеству.

Чем объясняется нетерпимость римского государства к христианам? Хотя нельзя думать, что христианство в смысле носителя новых идей представляло собой разрушительное начало, ибо буква убивает, а дух животворит; но по отношению к политическому и социальному строю древнего общества христиане, несомненно, представляли собой крайнюю оппозицию. При ближайшем соприкосновении с христианами римские администраторы и лица, стоявшие во главе судебных установлений, встречались с такими фактами, которые стояли в совершенном противоречии с общепризнанным и твердо установившимся строем.

¹ Имеется в виду все довольно вольное место в разговоре Стрепсиада с Сократом, где гром сравнивается с газами, выпускаемыми из себя человеком: стихи 388 и сл., в особенности 398–402.

С точки зрения римского государственного закона почитание богов и исполнение обрядов религии было первым и основным требованием во всех делах, касавшихся христиан. Но эти сектанты, с точки зрения римского судьи, уклонялись от принесения жертвы, не воскуряли фимиама перед статуей императора и ссылались на какое-то новое неизвестное божество, не принятое в римский пантеон. Кроме того, те же христиане позволяли себе уклоняться от государственной, в особенности от военной службы, открыто признаваясь: «Не могу носить оружие, потому что я христианин» («Non possum militare quia christianus sum»). Само собой разумеется, языческое общество не могло не усматривать в новой религиозной, с его точки зрения, секте явных врагов общественного порядка, хотя бы христиане не являлись открытыми нарушителями ни религиозных церемоний, ни общепринятых обычаев. В одном только случае христиане внушали к себе действительное подозрение, это относительно своих тайных собраний, которые прикрывались законными формами, но в существе не были легальными.

Не могло языческое общество примириться и с внешним поведением, а равно с нравственными воззрениями христиан: «Кто хочет за мной идти, тот должен покинуть отца и мать и все, что ему дорого». Христианство вносило разлад в семейную жизнь, нарушало доверие между супругами и между родителями и детьми. Нельзя без волнения читать историю св. Перепетуи, принадлежавшей к лучшему обществу, которую старик отец умоляет оставить новую веру и возвратиться к семье, к покинутому ею мужу и ребенку. В особенности никак не могло римское общество примириться с тем, что представлял собой Рим с его древней культурой и с высокообразованным обществом и что рядом с ним представляли христианские общины. На одной стороне была высокая культура, победы, мировластительство, на другой же – невежество, простота, скудость и отсутствие всякой культурности. Совершенно основательно говорили христианам: как вы можете с вашим убожеством мечтать о перестройке мира, когда на нашей стороне и опыт, и численное превосходство, и богатства, когда на нашей стороне высокая культура. Цельз выразил эту противоположность между христианами и римским миром в следующем образе: «Вы, как тараканы в щели, судите о внешнем мире по своему кругозору. Нам, конечно, лучше судить с нашего широкого и открытого места о том, что есть и что должно быть, а не вам из вашей щели». Христианство подвергалось упреку даже и после того, как оно уже было объявлено господствующим в империи, в том, что оно, уничтожив древнюю культуру и освятив невежество и мрак, взамен само ничего не могло дать. Отцы и учителя Церкви первых веков с особенной настойчивостью поэтому проводили мысль, что христиане должны черпать знание и образование в языческой школе и литературе (Бл. Августин). Основное положение книги Буассье «Падение язычества» заключается в оправдании мысли, что христианство не пренебрегало культурой и восприняло в себя все знание, добытое в Древнем мире.

Переходя к выяснению того начала, которое постепенно изменяло самую физическую сущность Древнего мира, мы становимся на более твердую почву, т. к. можем считаться с весьма конкретными и известными фактами. Но здесь не предполагаем вести речь о той неудержимой волне народных движений, которая залила Древний мир и на его развалинах дала новые ростки, развившиеся в средневековые государства. На Западе и Востоке по одинаковым причинам правительство принимало на государственные земли чуждые народы: главная цель была в пополнении убыли в населении, в заботах иметь в провинциях достаточно людей, с которых можно было бы брать рекрутов и собирать подати. Мизия и Паннония во II и III вв. были вполне покрыты варварскими колониями, во Фракии поселено сто тысяч бастарнов. Констанций Хлор и Константин довели систему своих предшественников до крайних пределов, последнему приписывается поселение в империи 300 тыс. сарматов.

Постоянное и обильное пополнение провинций империи новыми народами вливало много новой крови в остатки старого населения и содействовало постепенному измене-

нию самого физического типа древних народов. Восток, после окончательного разделения тогдашнего мира на две половины, меньше подвергался иммиграции варваров и представлял в восточных своих провинциях значительную преграду против вторжения чуждых этнографических элементов. Но затем, со времени Феодосия, германские готы наводнили столицу и провинции и подвергли Восточную империю действию того же внутреннего брожения, под влиянием которого разрушалась Западная империя. Хотя у восточных императоров нашлось довольно государственной мудрости, чтобы задержать процесс расчленения Византийской империи посредством постоянного обмена населения между Малой Азией и Балканским полуостровом, но обширные поселения славянских племен в европейских провинциях, равно как расположение лагерем в придунайских областях кочевых азиатских народов, вели к тому же окончательному результату, каким сопровождалось движение новых народов на Западную империю. Не могли, конечно, не оценить государственные люди IV в. то положение, которое создавалось ходом вещей: Восток имел больше устоев против расчленения, чем Запад, на Востоке не было такого неудержимого стремления к передвижению с места на место, какое было на Западе; Восток мог доставлять и войско, и продовольствие для него, и деньги. Нельзя не признать того обстоятельства, что как Византийская империя, так и сменившая ее Турецкая с Востока получали главные средства своего существования. Малая Азия оставалась житницей государства, когда Египет вышел из сферы влияния Восточной империи. Итак, ясно, что перенесение ближе к Востоку или на Восток правительственных учреждений и основание столицы империи на Босфоре было актом высокой государственной мудрости, обеспечивавшим продолжительную жизненность византизму.

Выбор места для новой столицы, устройство Константинополя и создание из него всемирно-исторического города составляют неотъемлемую заслугу политического и административного гения Константина. Не в эдикте о веротерпимости мировая заслуга Константина: не он, так его ближайшие преемники принуждены были бы даровать господство христианству, которое от того нимало не потеряло бы; между тем как своевременным перенесением столицы мира в Константинополь он в одно и то же время и спас древнюю культуру, и создал благоприятную обстановку для распространения христианства.

Исключительно важное торговое и военное положение Византии-Константинополя на границе между Европой и Азией, господство над двумя морями, Черным и Средиземным, где находили себе блестящее развитие древние культуры – эти преимущества властного положения на Золотом Роге и Босфоре хорошо поняты и были оценены древними задолго до Константина. В анналах Тацита [4] есть прекрасное место следующего содержания. Когда греки спросили пифийского Аполлона, где он посоветовал бы основать новую колонию, он послал их в страну, лежащую против жилища слепцов. Слепцами предание считает здесь основателей мегарской колонии Халкидон, которые не сумели оценить важности противоположного берега Босфора. Действительно, в течение всего известного исторического периода Константинополь играл несравненную роль в смысле посредника торговых и вообще культурных сношений между Востоком и Западом. Понимая мировое значение Византии, Константин перенес сюда столицу империи, и его выбор оправдан историей. Торговым центром Константинополь оставался в течение всего Средневековья; военное значение его доказывалось всей его многовековой судьбой. Многие ли европейские столицы могут похвалиться таким защищенным положением, как Константинополь? Между тем, ввиду темной эпохи, которая наступила с IV–V вв., когда варварские полчища нахлынули на слабеющую Римскую империю и уничтожили все завоевания в области науки, искусства и общежития, природой и техникой укрепленная Византия дала в себе приют культуре и умственной производительности. Если она и не приумножила приобретений, полученных от древности, то во всяком случае старательно оберегала их. Новоевропейские народы, постепенно сделавшись

способными понимать блага культурной жизни, стали черпать полной рукой из ее архивов и библиотек.

В 328 г. начаты были перестройки и возведение новых зданий, 11 мая 330 г. праздновалось открытие новой столицы. Хотя новая столица становилась центром христианской империи, и хотя старое языческое богослужение в ней не должно было иметь места, но на украшение ее употреблены были лучшие языческие памятники из Рима, Афин, Александрии, из Малой Азии и с островов. Древние языческие храмы или переделаны в христианские, или обращены на общественные надобности. Изображения богов, потерявшие место в храмах, стали украшать площади, улицы, бани, портики.

Трудно выяснить, какими мерами привлечено было в Константинополь население. Торговые преимущества, пособия, безденежная раздача хлеба и проч. должны были заохотить рабочее и промышленное население искать жительство в Константинополе. При Иоанне Златоусте в городе насчитывалось 100 тыс. христиан, но были во множестве иудеи и язычники, между ними до 50 тыс. бедных. Уже в V в. понадобилось раздвинуть стены и выстроить новые дома на освобожденных местах, но и при этом, по замечанию Зосимы, было опасно ходить по улицам за многолюдством и теснотой; тогда осушили морской берег, набили сваи и стали строить дома над водой. Городу дано было муниципальное устройство Рима, городской округ изъят от поземельной подати. Современник Юлиана Евнапий говорит уже о пьяном и ничем не довольном диме Константинополя и жалуется на Константина, который, лишив города природных жителей, перевел их в основанный им город.

В высшей степени любопытно обозначить план и очертания города Константина. Предание говорит, что император, идя с копьем в руках, намечал границы своей столицы, и, когда приближенные выражали удивление обширности размеров города, он сказал: «Я пойду до тех пор, пока не остановится некто идущий впереди меня». Старая Византия, занимавшая только часть мыса, вдающегося в Мраморное море, была незначительным поселком сравнительно с городом Константина, который, в свою очередь, в несколько приемов раздвигался вдаль, чтобы достигнуть той обширной площади, какая окружена сохранившимися доселе стенами. Граница основанного Константином города обозначена была земляным валом и стеной, которую с известной степенью вероятности можно обозначить так: в направлении от Золотого Рога к Мраморному морю стена начиналась или на линии старого моста, или несколько северней и шла в направлении к юго-западу, пересекая большую улицу, существовавшую и в древности под именем Меса, в направлении между цистерной Аспара и храмом свв. Апостолов, затем склонялась к югу, проходя мимо цистерны Мокия, и доходила до моря в местности между Псаматией и Дауд Паша-капуси, неподалеку от древнего монастыря Перивлепта, или Сулу-монастыря.

Окружавшая древний город стена сослужила большую службу новой столице в эпоху переселения народов. Когда вестготы утвердились на Балканском полуострове, Константинополь сделался для них весьма заманчивой добычей. В 378 г., вскоре после поражения римских войск, они сделали попытку напасть на этот город, но его укрепления были выше военных средств, какими они располагали. И сам Аларих не рискнул осаждать столицу Восточной империи. Когда первоначальный город стал тесен, его раздвинул Феодосий, хотя первоначальные стены были оставлены и долго составляли линию внутренних укреплений, за которыми был новый квартал Эксокионий, или «За колоннами». При Юстиниане сильно пострадали от землетрясения феодосиевские и константиновские стены. Затем в позднейшее время последние, вероятно, были уничтожены временем и частью употреблены на городские постройки [5].

Глава III

Образование христианской империи. Церковная политика Константина. Православие и арианство

Христианская империя, заступившая место языческой, является самым существенным выражением средневекового византизма. Процесс постепенного сочетания этих двух первоначально враждебных элементов – языческой и христианской империй – составляет один из поучительнейших эпизодов всемирной истории и поэтому заслуживает особенного внимания. Нечего и говорить, что нам предстоит тщательно выбрать из относящегося к нашей теме обширного материала наиболее выразительные факты, которые могут характеризовать христианство и империю как в период борьбы, так и в эпоху взаимного соглашения и объединения. Сначала империя более или менее игнорировала вновь возникшее верование, частью смешивая его с иудейством, затем, когда христианство стало обнаруживать значительное влияние в широких кругах общества, светская власть делала ряд попыток ограничить это влияние и принудить исповедников христианской веры к принятию язычества; наконец, император Константин и его ближайшие преемники пришли к сознанию необходимости поставить христианство под защиту империи.

Первый факт, характеризующий христианство как значительную силу, которая уже стала обращать на себя общественное внимание, относится к царствованию Нерона и стоит в связи с известным пожаром в Риме в 64 г. [1].

Нельзя сказать, чтобы пожары в Риме были редки: и до Нерона, и после него встречаем немало известий о пожарах в Риме. Но пожар, начавшийся в ночь с 18 на 19 июля 64 г., превзошел все другие по своим гибельным следствиям. Пламя показалось вблизи *Circus Maximus*; здесь было много деревянных лавочек, которые сообщили пламя ближним деревянным зданиям, а сильный ветер, раздувая пожар, перенес его и на цирк. Тогда уже не было никакой надежды на прекращение пожара, и в течение 6 дней и 7 ночей он истребил большую часть города, так что из 14 частей города только четыре пощажены были огнем. Как всегда, нашлись люди, которые, пользуясь общим бедствием, стали грабить и растаскивать то, что удавалось спасти от огня. Общее ожесточение, голод и нужда подняли народ, который требовал у правительства разыскать виновников пожара. Нерона тогда не было в Риме; узнав об опасности, он поспешил из Анция и лично принимал меры к тушению огня: один, без свиты показывался в различных частях города и, когда кончился пожар, употребил всевозможные средства к облегчению нуждающихся.

Базилики, термы и публичные здания открыты были для погорельцев, на Марсовом поле построены бараки; понижена цена на хлеб, и на окрестные селения наложена реквизиция в пользу погорельцев города Рима. Чтобы удовлетворить раздраженному чувству населения, римская полиция тщательно расследовала причины пожара. Лавочки, где началось пламя, принадлежали восточным купцам, преимущественно из еврейского племени. Они не пользовались и раньше расположением римлян, теперь достаточно было и легкого подозрения, чтобы объявить их поджигателями. Но известно, что народная молва стала обвинять в поджоге императора Нерона, и что он, будто бы для оправдания себя, привлек к ответственности ненавистных тогда евреев-христиан. Рассмотрим это обстоятельство. Обвинение Нерона сначала основывалось на слухах, на молве и только у позднейших писателей передается как факт несомненный. Тацит, главнейший авторитет в этом вопросе, не решается прямо высказать: случайно ли произошел пожар или по воле Нерона; никто не смел тушить пожар, говорит он, потому что многие угрожали начинавшим тушить, другие открыто раскидывали головни и при этом кричали, что им приказано так делать, может быть,

они имели в виду наживу, а может быть, и по чьему-либо приказанию. Сказав далее, какие меры принял Нерон для облегчения общественного бедствия, Тацит продолжает: «...но все это было бесполезно, потому что упорно держался слух, будто в то самое время, как горел город, Нерон вышел на домашнюю сцену и воспевал падение Трои». Далее, Тацит прибавляет: «Думали, что Нерон добивался славы построить новый город и дать ему свое имя». Описав затем дела благотворительности и религиозные церемонии, к которым по этому случаю обратилось правительство, наш историк прибавляет: «Но все это не могло заглушить молвы, что пожар произошел по его приказанию. Тогда-то Нерон подверг виновных суровейшим наказаниям». Тут в первый раз мы встречаем имя христиан.

Не странно ли, что Тацит ни в одном случае не высказывает собственного воззрения, перечисляет только слухи и ни одного из них ничем не может подкрепить? Между тем он мог бы, если бы захотел, проверить действительность или ложность этой молвы, потому что тогда живы еще были современники и очевидцы пожара. Еще подозрительнее слухи эти оттого, что в пользу их Тацит не ссылается ни на одно свидетельство, как делает он в других случаях. Но если сравнить с неуверенными и осторожными выражениями Тацита подробный обстоятельный рассказ о том же Светония [2], писавшего на основании Тацита, и, наконец, еще более полный и без малейших сомнений рассказ Диона Кассия [3], то нельзя не прийти к весьма важным выводам: рассказ Кассия представляет иллюстрацию Светониева, Светоний же заменил только неуверенные и отрицательные выражения Тацита положительными, выбросив такие слова, как: «был слух», «казалось», и дал основание, по-видимому, строго историческому факту, повторяющемуся в литературе и учебниках, будто Нерон поджег Рим. Что касается выражения Тацита: «Никто не тушил пожара» – это легко объясняется невозможностью тушить сильное пламя, пожиравшее деревянные, тесно сомкнутые строения; притом у него же говорится, что Нерон сам был в опаснейших пунктах и употреблял все старание прекратить пламя. Раскидывать же головни могли воры, вообще бродячий, бездомный люд, которому всегда выгодны общественные бедствия. И какие мотивы могли побудить Нерона к этому сумасбродному делу? Дион говорит – желание видеть падение своего отечества. Нельзя не припомнить здесь слов Светония, сказанных им о Тиверии [4], потому что они как раз представляются подкладкой для фразы Диона. Тацит приводит другой мотив: Нерон будто бы желал славы основателя Рима и хотел назвать его по своему имени. Первое объясняется *ex eventu*, т. е. Нерон действительно не жалел средств на восстановление и украшение Рима; второе же противоречит истории – Нерон никогда не пытался переименовать Рим. Следует прибавить, что пожар начался в лучшей части города, которая хорошо была застроена; между тем для целей Нерона достаточно было выжечь предместья. С другой стороны, зачем бы так спешить ему из Анция, когда ему дали знать о пожаре? Мог ли Нерон так спокойно ночью без свиты ходить по городу, если бы он был виновником пожара и если бы знал слухи в народе?

Переходя ко второму обстоятельству, связанному с этим пожаром, – именно к обвинению христиан в поджоге, прежде всего приведем слова Тацита: «Итак, чтобы положить конец молве, Нерон подыскал виновных и предал их суровейшим мукам; это были те, которых народ за срамные дела их по ненависти называл христианами. Наименование их произошло от Христа, который в правление Тиверия казнен был прокуратором Понтием Пилатом. Подавленное на время пагубное суеверие снова обнаружилось не только в Иудее, колыбели этого зла, но даже и в Риме, куда со всех сторон стекается и чествуется все срамное. Некоторые на пытке указали сообщников, и затем, по их показанию, уличено было огромное множество не столько в преступлении по поджогам, сколько в ненависти к роду человеческому. Их губили с поруганием: покрывали шкурами зверей и отдавали на растерзание псам, распинали на крестах, сожигали и, если недоставало для того дня, заставляли их гореть ночью...» [5]

Следует заметить, что для расследования виновных в поджоге не было назначено отдельной комиссии, дознание производилось полицейскими средствами, между тем по вопросам веры обыкновенно дело переходило в сенат и решалось назначенной от него комиссией. По позднейшему свидетельству Ювенала, пытки и приговоры уличаемых назначал Тигеллин. Для нас важно здесь то, что религиозного мотива в этом гонении на христиан не было, иначе сенат взял бы на себя все ведение этого дела [6]. Как замешаны в процессе христиане – легко понять. В то время христиан еще не отделяли от иудеев, на христианство смотрели как на иудейскую секту [7]. Как христиане, так и иудеи жили в Риме в одной части города, занимались одними и теми же ремеслами и как всем язычникам, так и римской полиции известны были за исповедников иудейской веры с небольшими отклонениями. Брожение умов в Иудее тогда было сильное, оно сообщалось и римским евреям: взаимная ненависть разделяла христиан и евреев. Припомним, что пожар начался в той части города, где находились лавки восточных купцов; где же было искать полиции поджигателей, как не в ненавистном восточном квартале? Не оттуда ли выходили предсказания, что Иегова уничтожит язычников огнем, посланным с неба? Так, «привлечены к ответственности немногие, которые в пытках указали на массу сообщников». Преследование на этот раз ограничилось, впрочем, Римом и Иудеей; нет никаких оснований предполагать, чтобы оно распространено было на все провинции империи. Вообще в течение I столетия Рим не отличал христианства как новой веры и представлял его только иудейской сектой. В 95 г. Домициан приказал привести к себе внуков Иуды, брата Господня, как потомков из рода Давида и опасных претендентов на трон. Но, видя в них мирных поселян и слыша речь о духовном царстве, Домициан отпустил их с миром и прекратил начатое преследование.

В начале II в. римское правительство уже имело перед собой довольно организованную христианскую общину, которая, с одной стороны, тщательно оберегала себя от общения с иудеями, а с другой – резко отделилась от языческого римского общества и по своим религиозным воззрениям, и по общественной организации. Новое учение, «христианская секта», начало приобретать адептов даже в высших классах римского общества. Для характеристики положения христиан в эту эпоху мы имеем чрезвычайно важные официальные памятники – это письмо Плиния Младшего к императору Траяну и ответ императора Плинию [8].

Плиний, занимая пост наместника в Вифинии (в 111–113 гг.), делал отчет о положении вверенной ему провинции и спрашивал мнения императора по затруднительным вопросам. Но обратимся к самому тексту письма. «Государь, – пишет Плиний, – для меня сделалось обычным обращаться к тебе во всех затруднениях. Ибо кто лучше тебя может направить меня в раздумье или наставить в неведении? Мне не случалось быть на следствиях о христианах, и я не знаю, о чем нужно расспрашивать и в какой мере наказывать их. Немало также затрудняет меня и то, нужно ли делать различие между возрастами; давать ли помилование в случае раскаяния, или уже нет места помилованию для того, кто раз был христианином; преследовать ли за самое имя, хотя бы не было других проступков, или должен быть наказуем проступок, заключающийся в самом имени? Я так обыкновенно поступал с теми, которых приводили ко мне по обвинению в христианстве. Спрашиваю их – христиане ли они? Если получается утвердительный ответ, предлагаю им под угрозой смерти во второй и третий раз тот же вопрос. Упорствующих приказываю казнить. Ибо в том я никогда не сомневался, какова бы ни была их вера, что упорство и непреклонное упрямство их заслуживают кары. Иных, одержимых тем же безумием, как римских граждан я приказал представить в Рим. Во время следствия, как это обыкновенно бывает, пришлось натолкнуться на разные неожиданности. Подано было письмо, в котором несколько лиц утверждали, что они не христиане и не были таковыми. Когда по моему требованию они прочли формулу воззвания к богам и возлиянием и курением почтили твое изображение, и кроме того, произнесли проклятие Христу, к чему никак будто бы не могут быть принуж-

дены действительные христиане, – я разрешил дать им свободу. Другие, которых имена были намечены в индексе, называли себя христианами, а потом изменили показание: были, говорят, но теперь уже не христиане, – кто за три года, кто больше, некоторые же за 20 лет перед тем оставили христианство. Все они поклоняются твоему образу и изображению богов и проклинают Христа. Давали показание, что вся вина их состояла в том, что они имели обыкновение сходиться в установленный день до восхода солнца, чтобы вместе помолиться Христу как Богу и дать друг другу клятву, но клятву не на злодеяние какое-нибудь; что они не повинны ни в каком воровстве, или мошенничестве, или любодеении... что после того они расходились, сходились же опять для принятия пищи, самой обыкновенной и невинной, что все это они перестали делать после издания моего эдикта, которым, по твоему приказанию, я запретил сообщества и сходки. Я считал необходимым употребить пытки относительно двух прислужниц, которые называются у них диаконисами, чтобы распознать, в чем настоящая правда. Но и тут я ничего не нашел, кроме мечтательного суеверия, и потому, прекратив следствие, ищу у тебя совета. Я считаю этот предмет особенно важным ввиду массы обвиняемых. Ибо многие, всякого возраста, сословия и пола подвергаются опасности теперь и на будущее время. Это суеверие распространилось не только в городах, но и в поселках и деревнях. Но я думаю, что против него можно бороться решительными мерами. По крайней мере, несомненно то, что забытые храмы стали снова посещаться, возобновились священные торжества, почти совсем было прекратившиеся; там и здесь можно было видеть выведенных на продажу жертвенных животных, на которых прежде редко находилась покупатель. Из этого легко понять, какую массу можно обратить на путь истины, если дать место раскаянию и помилованию».

Траян отвечал на это письмо: «Любезный Секунд! Я одобряю твои действия относительно тех лиц, которые обвиняются в принадлежности к христианству. Ибо в этом отношении нельзя установить ничего общего, что бы могло служить определенным правилом. Разыскивать их не следует; если же кто явно изобличен будет, то должен потерпеть наказание, но при этом, если кто будет запирается и скажет, что он не христианин, и докажет это самым делом, т. е. воззванием к богам нашим, таковой ради своего раскаяния должен получить помилование, хотя бы и оставалось подозрение относительно прошлого. По поводу анонимных писем не возбуждай преследования: это могло бы послужить дурным примером и не согласно с современными требованиями».

Из приведенных писем можно видеть, что в начале II в. светская власть хотя и отличала христиан от иудеев, но еще не выработала определенных законодательных и полицейских мер к преследованию нового вероучения; находя, что христиане в сущности безвредны, что слухи о тайных собраниях их преувеличены и несправедливы, светская власть колебалась – следует ли принимать строгие меры, и к чему приведут они; мы видим тут борьбу чувства с долгом, буквы закона с силой общественного мнения. Собственно, с III в. уже обнаруживается решительное стремление вырвать с корнем новое вероучение; но, будучи прихотью некоторых императоров, это стремление не было обычной политикой светской власти и нередко сменялось терпимостью и благорасположением к христианству; так, при Александре Севере (222–235) христиане строят уже церкви.

Известно, что считается 10 гонений на христиан до эдикта веротерпимости Галерия в 311 г. Мы не будем останавливаться на них, ограничимся лишь краткими замечаниями. Если понимать под гонениями действительные репрессивные меры, принимаемые правительством против принципа христианства и приводимые в исполнение во всей империи, а не случайные вспышки народного нерасположения и своеволия правителей, тогда мы не насчитываем десяти гонений. Собственно, преследования были при трех императорах: Максимиане (235–238), Деции (251) и Диоклетиане. Изложим обстоятельства этого последнего гонения. Главнейший источник для истории христианства при Диоклетиане и Константине –

Лактанций и Евсевий. Сначала ритор в Вифинии, потом воспитатель Криспа, сына Константина В., Лактанций между другими сочинениями оставил и историю гонений на христиан, начиная от Нерона. Сочинение «De mortibus persecutorum» («О гибели преследователей») составлено не позже 323 г. и имеет тенденциозный характер. Лактанций желал показать современникам и потомству великие дела Божии в судьбах христианства: «Да знают все, как удивил Господь величие свое в истреблении и уничтожении врагов имени своего». Руководящая мысль в его изложении следующая: преследование христиан всегда сопровождалось страшными карами, постигавшими гонителей, или: император – дурной человек, ergo он гонит христианство, ergo его постигает бедственная кончина. Хотя указанная цель лишает автора объективности, тем не менее, имея в виду, что Лактанций не выдумывает фактов, а только своеобразно комбинирует их, что он жил в восточной половине империи в Никомидии и хорошо знал столичные события (Никомидия была центром тогдашней политики), сочинение его должно считаться важнейшим источником для церковной, а частью и политической истории времени Диоклетиана.

Евсевий, по прозванию Памфил, родился в 264 г. в Палестине, воспитывался в Антиохии, с 315 г. был епископом Кесарии. Он был приближенным и почетным лицом у имп. Константина, говорил ему похвальное слово на тридцатилетие и составил его биографию, умер в 340 г. Евсевию мы обязаны исторической хронологией – *Παυτοδαπὴ ἱστορία*: этот труд сохранился только в отрывках и был продолжен Иеронимом (330–420). По церковной истории Евсевий составил *Ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία*, где в 8 и 9 кн. повествуется о Диоклетиановом гонении, и отдельно монографию *De martyribus Palaestinae*. Евсевий писал свой труд по церковной истории в Кесарии (ок. 313 г.), западные события для него малоизвестны; также и о столичных делах он менее знает, чем Лактанций, зато он непосредственный свидетель того, как исполнялись императорские эдикты против христиан в восточных провинциях и в Палестине. Евсевий приводит содержание императорских эдиктов, но равную эдиктам достоверность придает местным повествованиям о святых и мучениках. Особенно важное значение имеет для нас VIII книга церковной истории, потому что сообщаемые в ней данные легко проверяются календарными отметками палестинских мучеников.

Хотя христианство в конце III в. не было еще терпимой верой, но распространение его шло весьма быстро; при Диоклетиане мы видим христиан уже во дворце. Живопись катакомб свидетельствует, что христианство обладало уже в это время высоким подъемом творчества и полагало основы христианскому искусству. Жена и дочь императора оказывали им благорасположение, между дворцовыми чинами и прислугой было немало христиан. Строились повсюду церкви, даже в Никомидии, в виду дворца, высился христианский храм; за то и благословлял Бог все предприятия Диоклетиана и его соимператоров, говорят церковные писатели. Между тем язычество подготовляло последний удар христианству: неоплатоники выступили с полным запасом изучения древних писателей, они свели философское учение на теософию и мистицизм и, усвоив метод христианского вероучения, пытались обнаружить связь его с древнейшими мифическими воззрениями. Цезарь Галерий и Диоклетиан не чужды были этого нового направления. Но едва ли не главнейшая причина враждебного отношения Диоклетиана к христианству в 303 г. была чисто политического свойства. В преобразованной им империи всем сословиям и состояниям указана была своя государственная служба, от всех подданных ожидалось крайнее напряжение и выполнение тех или других общественных задач. Государству нужны были сильные и молодые люди: между тем толпы христиан того и другого пола избирают уединенную созерцательную жизнь, дают обет безбрачия. Христиане избегают государственной службы, совесть не позволяла им защищать отечество и вступать в ряды воинов [9]. Важнейшие государственные предприятия сопровождались еще ауспигиями: христиане не принимают в них участия. Поэтому Диоклетиан еще до 303 г. принимал меры против христиан, и первый эдикт его не вызван никакими сто-

ронными внушениями. Сам Евсевий в сочинении о палестинских мучениках приводит на то доказательства.

Источники не дают определенного известия ни о том, когда, собственно, началось нерасположение Диоклетиана к христианам, ни о том, чем оно было вызвано. Лактанций указывает на время перед зимою 302/03 г., Евсевий – на 301–302 гг. Лактанций видит причину гнева Диоклетиана на христиан в том, что раз при дворе не удалась жертва, и жрец указал на христиан, которые своими крестами прогнали демонов. Настолько же невероятна и другая причина: внушения Галерия. Цезарь Галерий не мог иметь влияния на Диоклетиана в таком важном деле, как эдикт против христиан, император не мог руководиться случайными внушениями и капризами. Фактическая сторона состоит в том [10], что 24 февраля 303 г. префект города с некоторыми офицерами и чиновниками явился в христианскую церковь в Никомидии. Они предали огню священные книги, позволили расхитить ценные вещи, найденные в храме, и приказали разрушить самое здание. На следующий день был объявлен эдикт о преследовании христиан. Содержание этого эдикта сообщают и Евсевий, и Лактанций, но сообщенные ими данные не согласны между собою. По меньшей мере, разноречие это странно у писателей, которые имели полную возможность читать и видеть эдикт как во время его обнародования, так и после в государственном архиве. Сопоставляя содержание эдикта по обоим известиям, мы находим, что на основании его, во-первых, сожигались христианские книги и разрушались церкви; во-вторых, христиане объявлялись лишенными гражданских прав и чести – *ἀτιμοί*; в-третьих, рабы, остающиеся в христианстве, теряли всякую надежду на свободу. Когда эдикт был выставлен для всеобщего сведения, один христианин сорвал его и бросил с оскорбительной насмешкой над императором; он был взят, подвергнут пытке и казнен сожжением. В связи с этим обстоятельством находится пожар во дворце.

По словам Лактанция, Галерий, желая сильнее раздражить Диоклетиана против христиан, приказал зажечь дворец и потом обвинил христиан в поджоге; тогда начались пытки и последовали смертные приговоры против придворных евнухов и служителей. Евсевий, говоря о пожаре, не упоминает о подозрении против Галерия, не обвиняет и христиан (*ὁλόνοια ψευδής*). Наконец, имп. Константин, бывший в то время в Никомидии, оставил также свидетельство об этом событии, – только свидетельство, несогласное с двумя предыдущими; именно: Константин в своей речи к отцам первого Вселенского собора приписывал пожар дворца молнии. Общего во всех известиях то, что вскоре после опубликования эдикта произошел пожар в императорском дворце, который имел следствием второй, более решительный эдикт против христианства. Современники и свидетели этого события не объясняют нам причины пожара, а если и говорят о ней, то несогласно и неубедительно. Диоклетиан в душе остался убежденным, что виновны в поджоге христиане, служившие в его дворце, вследствие чего и появился второй эдикт, которым повелевалось налагать оковы на епископов по всем церквам и сажать их в тюрьму; придворные слуги в Никомидии были подвергнуты, кроме того, суровым наказаниям и смертным приговорам.

Судить о жестокости второго эдикта и о приложении его в провинциях не совсем легко, потому что ни у Евсевия, ни у Лактанция нет полного изложения эдикта; тот и другой рисуют только картину – как принуждали христиан к жертвоприношению и как казнили их за сопротивление, но мы не имеем оснований сказать: рисует ли эта картина только то, что можно было видеть в Никомидии, или и то, что происходило в провинциях. У Евсевия в истории палестинских мучеников находим три мучения в 303 г. Но одно из них не подходит к эдикту, потому что Прокопий обвинен, собственно, в государственной измене за приложение к политическим событиям стиха Гомера: «Нехорошо многовластие, да будет один господин, один царь». На Западе Констанций Хлор, расположенный к христианству, не мог настаивать на строгом выполнении эдиктов. Притом наступал торжественный для империи

год, именно юбилейный год; по случаю празднования двадцатилетия 17 ноября 303 г. издана была правительством амнистия в пользу заключенных и подсудимых. Хотя у Евсевия этот декрет рассматривался как всеобщая амнистия в пользу всякого рода преступников, но в этом можно усомниться, потому что и после опубликования амнистии видим отдельные случаи мучений христиан. С положением дела согласнее то толкование, что под амнистией подошли только политические преступники, и именно те христианские епископы и настоятели церквей, которых сажали в заключение не только за дела веры, но и по подозрению в политической неблагонадежности, т. е. амнистия уничтожила, собственно, второй эдикт. Относительно христианских узников в ней сказано: тех, которые принесут жертву, пускать на свободу, упорствующим же пытаться. В самом деле, странно было бы допустить, что Диоклетиан, начав преследование против христиан в феврале, в ноябре того же года прекращает его, а потом опять издает эдикт о гонении.

Последний четвертый эдикт Диоклетиана падает на весну 304 г. В силу его все христиане понуждаемы были к торжественным жертвам в честь идолов. Во второй год гонений на христиан в Палестине пострадало десять мучеников. Вообще, не следует забывать, что Диоклетиан, вооружившись против христианства, не выходил из пределов законности и думал покончить дело с христианами, лишая их гражданских прав и устрашая пытками. Кровь христианская проливалась не в силу прежних эдиктов, но в силу местных условий. Там, где ожесточение против христиан было глубже и сильнее, конечно, не могло обходиться без казней и жестоких преследований. В Риме, например, раз в цирке поднялись крики: «Пора уничтожить христиан! Август, казни их!» Это совпадало с объявлением четвертого эдикта Диоклетиана. Там же, где возможна была снисходительность или где были лица, расположенные к христианству, как Констанций Хлор в Галлии, менее видим и казней.

После отречения Диоклетиана и Максимиана, когда первенствующим августом стал Констанций Хлор, Диоклетиановы эдикты, не теряя своей юридической силы, однако, слабее приводились в исполнение. Не говоря уже о том, что на Западе преследование почти совсем прекратилось, даже на Востоке не встречаем казней и мученических смертей. Евсевий указывает на мучение Аппиана, но он казнен был за то, что позволил себе личное оскорбление наместнику. Важное доказательство тому, что Констанций Хлор ослабил приложение Диоклетиановых эдиктов и на Востоке, находим в следующем: цезарь Максимиан, узнав о смерти его, 20 ноября 306 г. празднует день своего рождения приведением в исполнение приговора, состоявшегося еще во время Диоклетиана, по которому мученик Агапий отдан был в цирк на съедение зверям. В таком виде можно представить себе первые три года гонений на христиан. Смуты, начавшиеся в империи с 307 г. и выдвинувшие на Востоке Галерия, должны были отразиться как на всех государственных делах, так и на положении христиан. Авторитет императорской власти в провинциях падает, префекты и президенты, не боясь ответственности, по личным побуждениям и склонности, то суровее, то снисходительнее относились к христианам. От этого мы видам, что у Лактанция и Евсевия время Галерия и Максимиана по числу мучеников на Востоке представляется самым кровавым периодом гонения. Но при этом нельзя не заметить, что случаи бесчеловечия с христианами представляются внушенными не политикой и не законами, но безначалием, разнузданностью нравов и безответственностью властителей.

Седьмой год гонения оканчивался, но Галерий замечал, что усилия власти оказываются тщетными, что брань, внесенная в империю эдиктами о преследованиях, лишь ослабляет империю, но не христиан. В 310 г., находя ли себя бессильным против христиан или имея в виду другие цели, Галерий приготовил эдикт веротерпимости, опубликованный 30 апреля 311 г. в Никомидии. В силу этого эдикта отменялись репрессивные против христиан меры, христианам позволялось жить по своей вере, строить церкви с условием – не нару-

шать государственного порядка. Непосредственно за этим получено на Востоке известие о смерти Галерия.

С 313 г. империя имела двух только императоров: на Востоке Лициния, на Западе Константина. Дальнейшие вопросы о христианстве стоят в связи с именем западного императора. Восемь лет сряду действовали законы об угнетении христианства, в разных частях империи они имели неодинаковую силу напряжения. Но даже и там, где страсти местного населения и неблагоприятного расположения властителей (на Востоке и в Риме) соединили свои усилия в борьбе с христианами, результаты далеко не соответствовали ожиданиям. Если и не придавать особенной веры вычислениям, колеблющимся между 1/2 и 1/20 частью всего населения империи [11], то одна живучесть нового принципа, распространенность христиан по большим городам, стройная община, находящаяся в строгом повиновении у своих епископов, ставила уже новые вопросы императорам IV в.: речь могла идти не о том, быть или не быть христианству, а о том, пользоваться ему терпимостью только или главенством. Императору Константину оставалось не выбирать одно из двух, но принять то, что и без него готово было получить перевес, т. е. дать христианству не только равноправность с язычеством, но и главенство.

Нам трудно следить за внутренними отношениями Константина к христианству и определить время, в которое он пришел к необходимости дать торжество новой вере. По крайней мере, чудесные знамения, указываемые Лактанцием и Евсевием как причина переворота в душе Константина, не совсем убедительно доказывают подобный переворот. Имеем в виду известный рассказ об явлении Константину креста с надписью: *τοῦτο νίκα*. В 312 г. Константин пошел в Италию против императора Максенция; силы его были слабы сравнительно с силами врага, он начал отчаиваться в успехе, пришел к мысли о высшей помощи, но колебался, у кого просить заступничества – у богов или у Бога? В этом раздумье он просил у Верховного Существа помочь ему. И вот в полдень на ясном небе Константин и его войска увидели крест с надписью: «Сим побеждай». Чтобы уверить читателя в истине этого рассказа, Евсевий прибавляет: «Мне сам император передавал это и подтвердил клятвой» [12]. На следующую ночь Спаситель явился Константину и повелел приготовить знамя с виденным изображением: знамя состояло из водруженного на древке золотого венца с монограммою из начальных букв имени Христа. Приготовленное таким образом знамя впоследствии получило название *labarum*, этимология которого не поддается объяснениям.

Таков рассказ Евсевия о том, как Константин обращен был к христианству. Не говоря уже о том, что возникает некоторое сомнение даже при чтении Евсевия, который ссылается на подтвержденное клятвою сообщение Константином такого факта, который могло засвидетельствовать все его войско; сомнение усиливается, если сравнить с приведенным рассказом свидетельство Лактанция. В 44 гл. кн. *de mortibus persecutorum*, сказав о прибытии Константина под стены Рима, Лактанций продолжает: наступал день восшествия на престол Максенция, и вот Константин во сне получил приказание сделать божественное изображение на щитах своих воинов. Он сделал, как было заповедано, приказав изобразить божественный знак на щитах воинов с главою поверх него. Из сопоставления этих свидетельств видим, во-первых, что они разноречат в показаниях о времени чудесного знамения: по Евсевию, видение было перед войною, вообще в неопределенный период, по Лактанцию – накануне решительной битвы у Мильвийского моста; во-вторых, по Евсевию, было заповедано приготовить новое военное знамя, по Лактанцию – новое изображение на щитах. Лактанциев рассказ еще и тем подозрителен, что не было возможности так скоро приготовить щиты, чтобы с ними на другой день вступить в сражение.

Допуская действительность видения, которое подтверждается еще третьим современным свидетельством [13], на основании которого Константин сделал распоряжение об изменении в военном знамени или щитах, тем не менее трудно видеть здесь прямое отношение к

христианству. Уже одно то, что Евсевий умалчивает об этом в «Церковной истории», изданной в 326 г., подает повод думать, что тогда еще не считали возможным относить торжество христианства к 312 г.; два панегирика, сказанные по случаю победы над Максенцием, также не упоминают о христианстве Константина.

В память победы над Максенцием Константин воздвиг в Риме статую, на которой он представлен был с знаменем в руке. Хотя в известии Евсевия по этому поводу ясно намекается, будто вера в божественную помощь Христа побудила Константина изобразить на статуе знамение креста, однако ни в подписи на этой статуе, ни в надписи на триумфальной арке нельзя видеть никакого отношения к кресту, на котором пострадал Христос. Собственно, мы не знаем, когда была окончена эта статуя, когда сделана на ней надпись, – во всяком случае не в 312 г.; но нельзя не сравнить с нею ту надпись, которая сделана была на триумфальной арке не ранее, однако же, 316 г., к празднованию десятилетия Константина на римском престоле; она начинается словами «*Instinctu divinitatis*», в чем уже никак нет указания на Христа. Поэтому, оставляя под сомнением все вышеприведенные случаи, в которых стараются видеть указание на христианскую веру Константина, переходим к Миланскому эдикту веротерпимости, изданному в июне 313 г. Эдикт этот приводят почти сходно Лактанций и Евсевий. Содержание его следующее: «Мы, императоры Константин и Лициний, заботясь о благе и пользе подданных, установили относительно богопочитания, чтобы и христианам, и всем дана была полная свобода жить в той вере, в какой кто хочет, чтобы небесное божество было благорасположено к нам и ко всем, которые находятся под властью нашей... Определяем, чтобы христианам возвращены были конфискованные в казну или частным лицам отданные имущества, также чтобы были вновь отданы места их собраний. Частные лица должны быть удовлетворены за это из государственных средств» [14].

Вообще в силу этого эдикта христианство объявлено равноправным с язычеством, и уничтожены все Диоклетиановы постановления против христиан. По содержанию близок с этим эдиктом и акт 324 г., когда после победы над Лицинием Константин признал христианство единой истинной верой, а язычество заблуждением, хотя и последнее объявлено терпимым. «Для сохранения мира я постановил, чтобы и те, которые еще остаются в заблуждении язычества, пользовались таким же спокойствием, как и правоверные. Пусть и те, которые удаляются от послушания Богу, пользуются, если хотят, своими посвященными лжи храмами» [15]. Константин обращается лишь с увещанием к язычникам, чтобы они приняли христианство, и запрещает поклонение некоторым богам и частные жертвоприношения. В кодексе Феодосиевом можно находить правительственные распоряжения и предписания касательно язычества вплоть до самой смерти Константина (337): из них видим, что язычники имели свои храмы, жрецов, поступали в государственную службу и т. д.

Лучшим свидетельством того, что по отношению к христианству в Константине следует различать государственного мужа от обыкновенного человека, стремящегося по влечению сердца к разрешению религиозной загадки, служит воздвигнутый при нем памятник по случаю политического события первостепенной важности. Мы разумеем триумфальную арку в Риме, воздвигнутую римским сенатом в честь Константина после одержанной им блистательной победы над Максенцием близ Мильвийского моста [16].

Этот величественный памятник, наскоро построенный и украшенный частью рельефами из прежних памятников (триумфальная арка Траяна), между прочим, в посвяtitельной надписи включает в себе известное выражение «*Instinctu divinitatis*» вместо личного бога, а над этими словами открыто древнейшее выражение, впоследствии исправленное: «*Nutu I. O. M.*» (т. е. по внушению Юпитера, величайшего и прекрасного). Что касается украшений триумфальной арки, архитектурных и других художественных подробностей, то ни единой черты христианства в них не найдено. В общем здесь представлены, во-первых, языческие

жертвоприношения (медальоны), во-вторых, исторические сцены, относящиеся к царствованию Траяна [17].

Миланский эдикт веротерпимости, равно как личное расположение Константина к исповедникам христианской веры, оказал в громадной степени благотворительное влияние на распространение и укрепление христианской общины в империи. Еще языческие храмы привлекали к себе горячих приверженцев, и старый культ находил поддержку в правительстве, а между тем христианские писатели в полном сознании конечного торжества говорят уже о том, что сила креста наполнила вселенную [18]. Быстрый рост христианских общин и со стороны количественной, и со стороны их внутреннего могущества и общественного значения представляет собой наиболее любопытный факт. Но, конечно, нельзя не подумать и о том, что за этот успех христианской Церкви нужно было поплатиться на первых же порах. К обращению в христианство часто приходили не путем внутреннего убеждения, а вследствие искания выгод и преимуществ; принимали христианство для того, чтобы угодить императору, чтобы иметь успех при дворе, по своим делам и т. п. Нередко колебания решались и теми соображениями, которые частью заметны в обращении к христианству Константина, – что христианский Бог могущественней языческого и что чрез Него можно получить больше благ. Что касается специально внутреннего отношения Константина к христианству, то нельзя сомневаться, что близко знавшие его современники считали его за убежденного христианина и что он после Миланского эдикта многократно проявлял свое исключительное внимание к Церкви и клиру: сносился с епископами, интересовался делами христианской общины, делал пожертвования на благотворительные учреждения Церкви. Начиная с 314 г., имеется ряд публичных похвальных слов в честь Константина, в которых обращение его к единому истинному Богу выставляется как его особенная заслуга. Христианство еще было только терпимым наряду с языческим исповеданием, закон еще не придавал ему преобладания над политеизмом, но фактически христиане уже получают преобладание: занимают высшие должности в администрации и в армии и постепенно придают государству новый характер.

Прекрасным христианским памятником, построенным самим Константином, нужно считать церковь св. Констанции в Риме. Этот храм в стиле античных построек украшен изящными колоннами, снабжен мозаиками [19]. С именем Константина соединена известная базилика Константина в Риме, отличающаяся своими величественными сводами, которые опираются на четыре пилон [20].

Еще важнее те постепенные перемены, которые происходят в христианской общине, в среде самих ее членов после эдикта веротерпимости. В начале IV в. христианская община выступает уже с довольно твердой организацией, Миланский эдикт открыл ей легальный путь для дальнейших успехов в языческом государстве, которое мало-помалу и само начинает приближаться к христианской общине. Прежде всего следует иметь в виду устройство церковного клира, который приобретает корпоративный характер, находя в римских гражданских законах достаточную охрану для своих сословных привилегий. Еще во время гонений духовенство достаточно изолировалось от гражданского общества; под благотворительным же действием эдикта веротерпимости оно сделало в том же направлении дальнейшие шаги. Константин освободил христианское духовенство от обычных повинностей, лежавших на римском гражданине [21]; утвердил за Церковью право принимать в свою пользу наследства по завещанию; обеспечил церковные учреждения богатыми приношениями из государственных средств в виде земельных участков, денежных и хлебных выдач. В особенности огромное значение имели для духовенства пожалованные ему судебные права, т. е. право решать возникавшие на почве обыкновенных отношений между христианами гражданские споры. Словом, Константин дал духовенству всевозможные гарантии своего расположения,

разделив с ним до известной степени управление и сделав его послушным орудием в своих руках.

Прежде чем переходить к дальнейшим судьбам христианской Церкви при преемниках Константина, остановимся на некоторых явлениях церковной жизни в ближайшие годы после эдикта веротерпимости. Тяжелый период гонений сопровождался не только благородными подвигами самоотвержения, подъемом духа и нравственной дисциплины, но и вызывал и дурные проявления человеческого духа: уныние, измену, клятвопреступление. В особенности следует отметить дух нетерпимости, фанатической приверженности к форме и обряду и взаимной вражды. Эти свойства обнаружились уже и во время гонений при обсуждении поступков тех христиан, которые или отрекались от Христа, или выдавали язычникам священные книги. По отношению к внутренним раздорам в христианской общине Константин проявил много такта и государственной мудрости. Предоставляя епископам полную свободу действий, он старался держаться нейтральным в споре и если высказывался в пользу одного определенного мнения, то ни в каком случае не допускал насилия одной партии над другой. Его политическая мудрость не раз давала ему случай убедиться, что излишняя ревность и в особенности насилие создают упорство и настойчивость, с которыми слабая партия нередко получает преимущество над сильнейшей.

С подобными расположениями относился Константин и к величайшему церковному спору, возникшему ок. 318–320 гг. из-за вопроса о божественной природе Христа по почину Ария. Арий был человек весьма образованный, искусный диалектик, строгий в жизни, общительный, но, вместе с тем, горд, честолюбив, неискренен и чрезвычайно хитер. Он вначале был в прекрасных отношениях со своим епископом. Недоразумения между ними возникли, по словам историка Сократа, по следующему случаю [22]. Однажды епископ держал беседу о таинстве Троицы и в частности утверждал единство Троичности. Бывший при этом Арий стал возражать, настаивая на той мысли, что если Отец родил Сына, значит последний имеет начало, и, значит, было время, когда Его не было – *πρὸ, ὅτε οὐκ ἦν*. Христологический спор возбудил в Церкви бурю волнений, образовались два враждебных лагеря, которые раздвоили христианское общество и внесли смуту в империю. Арий, уверенный в правоте своих воззрений на Слово как на создание (*κτίσμα*), отправил к некоторым епископам изложение своего учения и просил их высказаться по этому поводу. Ему удалось в короткое время привлечь на свою сторону многих приверженцев, и в особенности знаменитого Евсевия никомидийского, близкое лицо к императору, которое имело на него большое влияние, равно как на сестру его Констанцию, жену Лициния. Кроме Евсевия за Ария высказались некоторые египетские епископы и александрийское духовенство и еще несколько епископов: Павлин тирский, Феодот лаодикийский, Афанасий аназарбский, Григорий бейрутский. Созванный епископом Александром собор в Александрии в 320–321 гг. произнес отлучение против египетских приверженцев Ария и против всех разделяющих это учение. Арий, принужденный оставить Александрию, прибыл в Палестину и оттуда отправил письмо к своему покровителю Евсевию никомидийскому, который пригласил его в свой епископский город, бывший и временной столицей империи. Здесь Арию открылась еще более широкая возможность распространить свое учение, тем более что Константин, занятый в 322–323 гг. войной с Лицинием, не имел времени обратить внимание на церковные споры. Одержав победу над Лицинием осенью 323 г., Константин, в качестве единодержавного властелина запада и востока империи, занялся христологическим спором. Он написал Арию и епископу Александру очень длинное письмо, сохраненное у Евсевия, в котором излагал свой взгляд на жгучий вопрос времени. Заметим еще, что письмо было отправлено с знаменитым епископом Осией кордовским, игравшим крупную роль в это время.

По его воззрению, арианский вопрос не представлял особенной важности и серьезности. Правда, Арий допустил ошибку, выведя на соблазн народа такие вопросы, о которых

лучше было бы молчать. Но и епископу Александру не следовало бы относиться с такой горячностью к вопросу, и лучше было бы им взаимно извиниться и помириться. В сущности и разница в воззрениях противников весьма незначительна. Константин ссылается при этом на философские учения. Часто философы, принадлежащие к одной школе, бывают разного мнения относительно некоторых частных, что нисколько не мешает им соблюдать единение в общем учении; тем более, говорит он, «для вас, служителей великого Бога, следует быть единомышленными в вопросе вероучения. Возвратите мне, – заключает Константин, – спокойные дни и беззаботные ночи, чтобы я пользовался радостью и наслаждением спокойной жизни» [23].

Ясно, что Константин не оценил тогда важности арианского вопроса и что письмо его далеко не отличается такими высокими качествами, какие придают ему церковные историки. Когда император увидел, что попытка его примирить Ария с епископом Александром не удалась и что в Церкви продолжают беспорядки и смуты, он решился, может быть, по совету Осии, созвать Вселенский собор.

Как известно, деяний первого Вселенского собора не сохранилось, и даже можно сомневаться, были ли составляемы в свое время протоколы собраний [24]. Вследствие этого остается много неясностей как по отношению к обстоятельствам созыва собора, так и по предмету делопроизводства: как происходили заседания и как собор пришел к своему окончательному решению по спорному вопросу о природе Христа и по другим, занимавшим к тому времени Церковь вопросам. Несомненными плодами деятельности этого собора следует считать символ веры, 20 канонов и соборное постановление. Св. Афанасий в 350 г. на вопрос друга: что происходило на соборе, не мог сообщить подробностей, из чего следует заключить, что протоколов не было.

Что касается способа оповещения епископов и времени открытия соборных деяний – и по этому поводу высказывались довольно разноречивые мнения. Собор созывался на 20 мая 325 г., но император прибыл только к 14 июня, символ был принят собором 19-го числа, заседания заключены 25 августа. По всей вероятности, в промежутке между 20 мая и прибытием императора на соборе происходил обмен мнений между сторонами по главному вопросу. Арий был приглашаем на собрания и доказывал правоту своих мнений: ему удалось привлечь на свою сторону до 17 епископов и много лиц из низшего духовенства и светского общества. Партия православных имела во главе диакона александрийской церкви, ученого богослова Афанасия, и заместителя александрийского епископа, пресвитера Александра.

По прибытии императора состоялось открытие заседаний собора, описанное у Евсевия [25]. «Когда, – говорит он, – епископы собрались в назначенное для заседаний место и каждый занял определенное ему сиденье, тогда вошел император, одетый в золотые одежды, украшенные драгоценными камнями. Все встали и сели тогда, когда он занял свое место. Находившийся по правую от него сторону епископ встал и произнес краткое приветствие. Император затем отвечал в следующих выражениях: «Я горячо желал видеть вас собравшимися. Ныне мое желание исполнилось, и я благодарю высочайшее существо, Бога, который, излив на меня другие бесчисленные благодеяния, не лишил меня и этой милости – соединить вас всех и быть свидетелем согласия ваших чувств. Раздоры в Церкви Божией мне представляются более важными и опасными, чем внешние войны, и доставляют мне больше горя, чем все другое. После того как Бог по Своей милости дал мне победу над врагами, я воспринял намерение на будущее время, воздав благодарность Богу, наслаждаться общением с теми, кому Бог даровал чрез меня свободу. Узнав же о разделении между вами, я понял, что этим нельзя пренебрегать, и поэтому решился немедленно созвать вас, чтобы положить конец злу. Итак, приглашаю вас, любезные служители Божии, принять меры, чтобы пресечь все разногласия и покрыть миром ваши споры. Этим вы угодите Богу и сделаете приятное мне, моему брату на службе Богу». После этого

собор приступил к своим занятиям по тем вопросам, на которые указано в речи Константина».

Руководителем прений и председателем на соборе был Осия кордовский и при нем два римских пресвитера. Чтобы выяснить положение партий на соборе, воспользуемся употребленным у Гефеле сравнением: «Употребляя обычные выражения в современных парламентах, мы можем сказать, что в Никее православные епископы с Афанасием и его приверженцами составляли правую, Арий со своими немногими друзьями левую, левый центр принадлежал Евсевию никомидийскому, правый центр – Евсевию кесарийскому. Известно, что представителем православного мнения и главным соперником Ария был ученый диакон александрийской церкви, знаменитый впоследствии отец Церкви Афанасий. В догматическом смысле главный предмет разногласия сосредоточился на учении о Слове (Λόγος) или Сыне: происходит ли Он из существа Божия и имеет ли одну и ту же природу с Богом (ομοούσιος), как учила православная партия, или же Слово или Сын происходит из несущего и, как имеющий начало своего бытия: *ἦν ὅτε οὐχ ἦν* – не единосущен Отцу, как утверждал Арий и его приверженцы. Это последнее положение нашло себе техническое выражение в термине *δμοιούσιος* – подобосущный, иначе создание и творение – *κτίσμα ποιήμα*» [26]. В нескольких словах позволим себе здесь выразить сущность православного и арианского учения не с богословской или философской точки зрения, с каковой оно трактуется в церковной истории, а с точки зрения общечеловеческого понимания и мировой культуры. Если Христос, сошедший на землю и вочеловечившийся, есть Бог, то для человечества в этом дано большое утешение: Бог, сделавшись человеком, обожествил человечество и тем указал человеку бесконечную цель самоусовершенствования и стремления к совершеннейшему. Между тем арианство, отправляющееся из признания во Христе существа сотворенного, небожественного по происхождению, не имеет в своем учении тех возвышающих элементов, о которых сказано выше.

Можно думать, что умеренность и осторожность епископа Осии много способствовали тому, что формула *ομοούσιος* нашла себе общее одобрение. После долгих споров и рассуждений наконец составлен был символ, текст которого сохранился в письме Евсевия. Все отцы, за исключением пяти, готовы были дать свою подпись под этим символом, как выражающим учение апостольской Церкви. Но из пяти колеблющихся, в числе коих был Евсевий никомидийский, три дали потом свое согласие, а остальные вместе с Арием были отлучены. Константин присоединился к представленному на его усмотрение соборному постановлению и – что представляется весьма важным – стал ревностным защитником соборного определения. Он приказал немедленно сослать Ария и двух епископов, не подписавших символа, в Иллирию и осудил на сожжение его еретические сочинения. Когда, наконец, были окончены все занятия, император пригласил членов собора к себе во дворец на угощение, причем каждый из отцов получил от него по подарку. Через несколько дней было еще заключительное собрание, на котором присутствовал и император.

Так как Никейский собор имеет громадное значение в истории христианской империи, то позволим себе еще остановиться на церковных канонах, которые ведут от него свое происхождение. Для последующей истории в особенности получил громадное значение 6-й канон, смысл которого подвергается толкованиям и различным объяснениям и по настоящее время, вследствие чего на основании его построено было много таких выводов, которые, в свою очередь, были предметом ожесточенных споров. В истории Византии мы не раз встретимся со ссылками на 6-й канон. Вот его содержание.

«Древний обычай, господствующий в Египте, да имеет силу в Ливии и Пентаполе, то есть епископ Александрии да сохраняет власть над этими областями, так как это же свойственно и епископу Рима. Подобным же образом следует сохранять свои преимущества Антиохии и другим епархиям. То совершенно ясно, что, если кто сделается епископом без

согласия своего митрополита, того великий собор не признает епископом. Но если избрание совершится общим согласием и по церковным правилам и если при этом двое или трое будут противоречить по своим капризам, то право остается за большинством голосов».

В смысле ближайших последствий Никейского собора следует отметить, что хотя император Константин, согласившись с постановлением собора, сослал Ария в заточение, но спустя немного времени совершенно перешел на сторону ариан и возвратил из ссылки самого Ария. В догматическом смысле Арий дал некоторое удовлетворение своим противникам вновь употребленным по отношению к Сыну выражением *υεγεννημένος* – происшедший вместо *υεγεννημένος* – рожденный. Однако против принятия Ария в общение с Церковью был тогдашний главный страж никейского символа Афанасий, епископ александрийский. Но в 336 г., уже перед своей смертью, Константин дал официальное преобладание арианству, решившись подписать указ о ссылке Афанасия. При детях Константина арианство было господствовавшим на Востоке учением Церкви.

Смуты, вызванные арианским учением, имели далеко не преходящее значение. Они не прекратились за смертью главных деятелей, Афанасия и Ария, но продолжали долго еще разделять Церковь на два лагеря, причем правительство попеременно примыкало то к одному, то к другому. Вопрос церковного учения стал серьезным правительственным делом, арианская смута потребовала созыва многочисленных соборов, которые разрешала и постановления которых утверждала светская власть. Нет никакого сомнения, что этим нарушен был принцип независимости Церкви, которая пожертвовала своим нравственным достоинством из угождения перед светской властью. В свою очередь, и эта последняя, вступив в тесное общение с Церковью, предоставила ей значительную долю в гражданском управлении, лишив Церковь принадлежащего ей характера.

Константин подвергся большим упрекам за то, что он допустил вредное смешение Церкви и государства и что не поставил строгого разделения между делами, принадлежащими кесарю и Богу [27]. Можно, конечно, пожалеть, что клир спокойно пошел по пути, на который толкнула его светская власть, и скоро начал присваивать себе то, что ему не должно было принадлежать. Церковь присвоила себе непосредственное влияние и воздействие на людей, предоставив государству казармы и сбор податей, как сильно [28] выражается Буркгард! Самое соборное начало, которое имело такое широкое применение в первые века христианства, едва ли не было часто злоупотреблением предоставленным клиру правом – осуждать, лишать общения с Церковью и подвергать изгнанию и заточению несогласных с господствующей и поддерживаемой правительством церковной партией. Уже арианская смута могла представить неоднократные доказательства, что соборные определения нередко были диктуемы духом злобы и зависти, и осуждению на соборах часто подвергались столпы Церкви, как Афанасий, И. Златоуст. С государственной точки зрения подвергает осуждению соборы Аммиан Марцеллин: «Целые ватаги епископов разъезжали туда и сюда, пользуясь государственной почтой, на так называемые синоды в заботах наладить весь культ по своим решениям» [29]. Государственной почте этим причинен был страшный подрыв.

Константин, которого один из его ближайших преемников называет новатором [30] и разрушителем старых законов и древних обычаев, приобрел всемирно-историческое значение вследствие своей церковной политики. Он первый оценил христианство как громадную нравственную силу, борьба с которой оказывалась уже не под силу правительству. Вследствие этого он решился ввести христианскую общину в государство и воспользоваться ее громадным нравственным влиянием для наиболее прочного утверждения в империи своей власти. Остается, однако, неясным вопрос о том, насколько Константин сам был затронут евангельским учением и насколько в его церковной политике уделено было места нравственным принципам, вытекающим из проповеди Христа. Все, по-видимому, приводит к тому заключению, что равноапостольный Константин воспользовался новым учением как сред-

ством для мировластительства и как политическим орудием и что божественность евангельского учения мало коснулась его умонастроения и убеждения.

Беспристрастные светские историки (Евтропий и Аврелий Виктор) согласны, что Константин был гораздо лучше и благородней в первые десять лет правления, чем после. И, во-первых, ничем нельзя оправдать его отношений к Лицинию и тем более извинить жестокий обман и клятвопреступление по отношению к нему. В 314 г., начав войну без достаточных оснований и победив Лициния в двух сражениях, Константин лишил его всех европейских владений, кроме Фракии. Затем в 323 г. снова Константин воевал с Лицинием и принудил его после потери войска и флота запереться в Никомидии. Сестра Константина, бывшая в супружестве за Лицинием, вошла в переговоры с братом и исходатайствовала для своего мужа под священной клятвой жизнь и безопасность. Но в 324 г. Лициний был умерщвлен по приказанию императора. Ничем также нельзя оправдать бесчеловечные поступки Константина по отношению к ближайшим членам своего семейства. Жертвой его подозрительности и жестокости в 326 г. пали сын его Крисп, племянник Лициниан и, наконец, супруга Фауста. Историки, рассказывая о жестоких и ничем не оправдываемых поступках Константина по отношению к самым близким членам семьи, не находят ничего сказать в оправдание его, как только то, что политический успех и военное счастье способны портить и самых гениальных людей. Только одна сторона семейных отношений Константина возбуждает сочувствие – это любовное и почтительное отношение к матери, св. Елене. Она окружена была вниманием, пользовалась высоким почетом и проводила жизнь в благочестивых путешествиях по святым местам, в устройстве церквей и в делах благотворительности.

Глава IV

Язычество и христианство в половине IV века. Юлиан Отступник. Характеристика его царствования

В период от Никейского собора до вступления на престол племянника Константина Юлиана в 361 г. христианская Церковь имела все средства вполне окрепнуть и утвердиться в империи. Взаимное положение язычества и христианства в самой середине IV в. хорошо выясняется из сочинения христианского писателя Фирмика [1], которое было назначено для императоров Констанция и Константа и имело целью поощрить их к конечному искоренению языческого богослужения. В высшей степени также характерно для оценки политического положения язычества то обстоятельство, что римский календарь на 354 г. не упоминает ни языческих праздников, ни жертв, ни религиозных церемоний. Словом, не может подлежать сомнению, что языческая религия шла к постепенному забвению. И, тем не менее, нашелся государственный деятель – правда, это был римский император, – который задумал вернуть историю назад, возвратив римский мир снова к языческому культу. Предпринятая на себя Юлианом задача была неосуществима, в культурно-историческом смысле даже вредна, но при всем том изумительная его настойчивость, нравственная дисциплина, высокая образованность, обаятельные качества его души и, наконец, самая авантюра его религиозной реформы, так трагически закончившаяся, надолго обеспечивают за Юлианом симпатию исследователей.

Мысль о возможности возвращения к языческому культу не должна представляться совершенно безумной. Напротив, она имела для себя некоторые основания в нравственных и религиозных воззрениях значительных слоев общества [2]. При сыновьях Константина принимаются меры к закрытию языческих храмов, но эти меры не везде достигают цели. В 341 г. Констанций издает закон против языческих жертвоприношений, но законом 342 г. повелевается сохранить те храмы вне Рима, с которыми связаны публичные игры [3]. Хотя префект Рима запретил жертвы в самом городе, но это запрещение не исполнялось. В Риме законы Константина возбудили против себя ненависть, особенно в высших кругах. На этой приверженности римского сената к старой религии основывались надежды на успех Магненция, когда он объявил себя императором. Первое, что сделал Констанций после победы над Магненцием, – это было запрещение жертв. В 353 г. он же издал эдикт [4], которым повелевалось закрыть храмы и запрещалось посещать места культа под страхом смертной казни и конфискации имущества.

Сыну Константина была свойственна та же политика по отношению к религии, какая руководила самим Константином: религию не следует навязывать, кто хочет, может оставаться в язычестве и в своем доме следовать своей вере, не допускались тайные жертвы в ночное время, да и то не из религиозных, а из политических мотивов (магия, волшебство, гадание о будущих судьбах государства и императора). Вследствие этого язычество, в особенности на Западе, имело еще приверженцев. Хотя в 357 г. по приказанию Констанция из сената удалена была статуя Виктории, дабы не допускать в сенате языческих жертв, но в то же время римская аристократия осталась верна старой вере, и Констанций оставил в Риме весталок и жрецов, назначил новых на свободные места и приказал выдавать необходимые суммы на поддержание культа. В 358 г. император делает распоряжение об избрании *sacerdos* для Африки [5]. Как сыновья Константина объявили государственное обожествление своего отца, так сами Констант и Констанций сопричислены к *divi* и носили без всякого стеснения титул *pontifex maximus*.

Сообщим сначала биографические сведения об Юлиане. Fl. Claudius Julianus был племянником Константина Великого и происходил от Юлия Констанция, погибшего вскоре по смерти Константина Великого (337) во время военного бунта. Он родился в 331 г. и остался 6 лет по смерти отца, мать же потерял на первом году своей жизни. Где находился он со своим братом Галлом во время катастрофы 337 г., остается неизвестным, но несомненно, что он сохранил о ней ясное воспоминание. Юлиан получил хорошее воспитание, которым руководил евнух Мардоний, сумевший направить восприимчивые способности мальчика на изучение классических писателей и древней философии. По всей вероятности, первое время Юлиан жил близ Константинополя, может быть, в Никомидии, где епископ Евсевий наблюдал за ним и руководил его христианским религиозным образованием. Очень выразительными чертами отмечаются в характере Юлиана и в его последующих сочинениях два направления: разнообразные и широкие познания, почерпнутые в изучении древних писателей, и глубокая начитанность в книгах Священного Писания, чем он искусно пользовался в своей борьбе против христиан.

В 344 г. обоим братьям было указано жить в замке Macellum близ Кесарии Каппадокийской. Хотя условия жизни соответствовали высокому положению молодых людей, но Юлиан жалуется на недостаток общества, на постоянные стеснения свободы и на тайный надзор. Вероятно, к этому периоду нужно относить начатки вражды Юлиана к христианской вере. В этом положении братья оставались около 6 лет. Между тем бездетного Констанция весьма озабочивала мысль о преемнике. Т. к. из прямого потомства Константина в живых оставались лишь два двоюродных брата Констанция, Галл и Юлиан, то император в 350 г. решился призвать к власти Галла. Вызвав его из замка Macellum, Констанций дал ему сан цесаря и назначил для его пребывания Антиохию. Но, как скоро оказалось, Галл не умел справиться с новым положением и наделал много ошибок, возбудив против себя подозрения в неверности императору. Галл был вызван Констанцием для оправдания и на дороге убит в 354 г. Теперь снова выступил вопрос о преемстве власти. По настояниям императрицы Евсевии, которая действовала в этом отношении вопреки планам придворной партии, Констанций решился возвратить Юлиану то положение, на какое он имел права по рождению.

Уже назначение Галла цесарем должно было благоприятно отозваться на судьбе Юлиана. Ему позволено было жить в Константинополе, и лишь широкий круг знакомства, какой скоро составилась здесь вокруг Юлиана, побудил императора дать ему другое место для жизни и продолжения образования, именно город Никомидию. Здесь учил знаменитый ритор Либаний, которого, однако, Юлиану запрещено было слушать. Но здесь в период от 350 по 354 г. произошел с Юлианом тот нравственный переворот, который долго подготовлялся и который привел его к отрицанию христианства, получившего у него наименование галилейской секты. Чтение сочинений Либания, в особенности же знакомство и дружба с философами Максимом (из Ефеса) и Едесием произвели на Юлиана решительное и глубокое влияние. Названные философы соединяли с неоплатоновскими идеями мечтательность, извращенный идеализм. В тесном кругу друзей Юлиана осмеивали легенду о галилеянине и подготовляли молодого принца к реформаторской миссии в области религии. В год смерти Галла Юлиан был уже вполне сложившимся молодым человеком, ему было тогда 23 года. Приглашенный в Милан по смерти Галла, он хотя и не вошел в расположение императора, но все же получил свободу посетить Афины (355). Здесь Юлиан был в центре тогдашней культурной и умственной жизни, где в одно и то же время с Юлианом проходили курс наук великие деятели Церкви, Василий Великий и Григорий Нисский. Юлиан вынес из Афин знакомство со столпами древней падавшей культуры, великий жрец элевзинских мистерий признал его достойным высших степеней, что обозначало уже полный разрыв с христианством и возвращение к «отеческой религии», как часто выражался Юлиан.

Проведя в Афинах лишь несколько месяцев (от июля до октября), Юлиан снова был приглашен к императору Констанцию, и на этот раз его ждала полная перемена судьбы. Из роли студента, щеголявшего философской мантией, нечесаной головой и запачканными в чернилах руками, Юлиан неожиданно должен был обратиться в царедворца. 6 ноября он торжественно объявлен цесарем, и вместе с тем ему поручена была чрезвычайно важная в политическом и военном отношении миссия – управление провинцией Галлией. Через несколько дней после того он женился на сестре Констанция Елене и с небольшим военным отрядом отправился к месту своего назначения.

Юлиан смотрел на свое назначение как на присуждение к смертной казни. Положение Галлии было безнадежным, и, конечно, не молодому человеку, только что покинувшему студенческую скамью, было посильным умирение этой провинции. Все укрепления, выстроенные на левом берегу Рейна, были прорваны и разрушены германцами, города разорены и опустошены. Вся провинция была в незащитном положении и готова была сделаться добычей варваров. Ко всему этому следует прибавить, что подозрительный Констанций не предоставил в распоряжение Юлиана достаточных средств и не определил отношение цесаря к высшим административным и военным чинам провинции, т. е. к префекту претории и начальникам военных корпусов. Это ставило цесаря в большое затруднение, в особенности в первое время, когда он начал практически знакомиться с военным делом.

Юлиан провел в Галлии пять лет и обнаружил такие блестящие военные дарования и достиг столь важных успехов в войнах с германцами, что Галлия была совершенно очищена от неприятелей и германцы перестали угрожать римским городам и крепостям на левом берегу Рейна. Во время своих войн Юлиан захватил более 20 000 пленников, которых употребил на постройку разрушенных городов, восстановил сообщение по Рейну и снабдил Галлию хлебом, привезенным из Британии на построенных им судах. В особенности блестящая победа была одержана при Страсбурге в 357 г., где сражались против Юлиана 7 королей и где был взят в плен король германский Кнодомир.

Успехи Юлиана не могли не возвысить его авторитет и привлекли к нему горячие симпатии войска и народа. Император в особенности был недоволен усиливавшейся популярностью цесаря, «доблести Юлиана жгли Констанция», говорит историк Марцеллин [6], хотя придворные подвергали насмешкам характер и наружность Юлиана и старались умалить в глазах Констанция его военные заслуги.

В 360 г. император готовился в поход в Персию, где не прекращались военные действия и где персы перенесли войну уже в римские области – Месопотамию и Армению. Азиатские войска предполагалось подкрепить европейскими, для чего Констанций потребовал от Юлиана посылки на Восток части его лучших и испытанных легионов. Это требование цезарь принял как знак недоверия к себе, потому что без войска он не мог держаться в Галлии; кроме того, галльские войска с большим неудовольствием приняли известие о походе на Восток. При этих условиях произошли в Париже, где было тогда пребывание цесаря, военный бунт и провозглашение Юлиана императором. Известия о происшедшем в Париже дошли до императора в Кесарии Каппадокийской. Если Констанций не находил возможным признать совершившийся факт и войти в соглашение с Юлианом, то предстояла междоусобная война, которая лишь потому не возгорелась, что император, занятый приготовлениями к походу, летом и зимой 360 г. находился в Малой Азии и только весной 361 г. мог начать движение в Европу.

После провозглашения августом [7] в своем письме к Констанцию Юлиан старался оправдать себя и предлагал войти в соглашение по поводу совершившегося. Но как Констанций потребовал от него полного и окончательного устранения от дел, а между тем войско клялось служить ему и поддерживать его права, то Юлиан решился идти против Констанция войной. Он уже овладел альпийскими проходами, основал свою главную квартиру в Нише,

принял под свою власть Иллирик, Паннонию и Италию и собрал громадные средства для войны, когда неожиданная смерть Констанция 3 ноября 361 г. освободила Юлиана от необходимости начать междоусобную войну. 11 декабря 361 г. Юлиан вступил в Константинополь как прямой и законный наследник римских императоров, сенат и думы утвердили избрание армии.

Оценивать деятельность императора Юлиана следует на основании тех фактов, которые относятся ко времени его единодержавия. Заметим, что в декабре 361 г. он был признан в достоинстве императора, а 26 июня 363 г. он умер, получив смертельную рану в битве с персами близ Ктесифона. На полтора года нужно разложить и его разнообразные меры, законодательные, административные и в особенности литературно-полемические, для борьбы с христианством и восстановления язычества и, с другой стороны, обширные приготовления к персидской войне и победоносный поход его через Тигр и Евфрат, в самое сердце Персии, где происходили славные битвы Александра Македонского. Уже самая громадность этих предприятий может свидетельствовать, что в Юлиане история имеет дело с недюжинным человеком, а чрезвычайная краткость времени самостоятельного управления Юлиана империей должна служить объяснением, почему ни то, ни другое предприятие не было доведено до конца и почему в мероприятиях столь высокой важности, как религиозная реформа, не было согласованности и логической последовательности. Но прежде чем переходить к оценке деятельности Юлиана, скажем несколько слов о полуторагодичном правлении его.

От декабря 361 по июнь 362 г. Юлиан провел в Константинополе. На этот период должны падать существенные распоряжения по замене христианского культа языческим, тогда же были составлены им главные возражения против христианства. Сначала император обещает быть беспристрастным, не насиловать совесть ни язычников, ни христиан, но, когда он увидел, что реформа не идет так успешно, как ему желалось, в его действиях и распоряжениях появляются страстность, раздражение и нетерпимость. От половины июля 362 до марта 363 г. император провел в Антиохии частью в приготовлениях к походу в Персию, частью в составлении инструкций для утверждения языческого культа, частью, наконец, в изготовлении литературных произведений (Мисопогон). От марта до конца июня 363 г. Юлиан ведет войну с персами. Это обширное военное предприятие было задумано и обставлено всеми средствами, какие только могла предоставить империя. Было собрано значительное войско (свыше 60 000), приняты меры к заготовлению военных запасов и продовольствия, приглашен вспомогательный отряд от армянского царя, заготовлен огромный флот на Евфрате для доставки вооружения и запасов. Но условия, в которых приходилось на этот раз вести Юлиану войну, были далеко не те, с которыми он был знаком в Галлии. Оказалось много непредвиденных затруднений, которые тем больше увеличивались, чем дальше римское войско уходило от римской границы в Месопотамию. Прежде всего Юлиан на своем пути уничтожал города и селения и истреблял запасы, которыми не мог воспользоваться. Большим подспорьем был флот, сопровождавший армию по Евфрату и переведенный каналом в Тигр, но Юлиан решился предать его огню, находясь близ Ктесифона, и тем лишил себя весьма важных вспомогательных средств на случай отступления. Отказавшись от осады Ктесифона, Юлиан направился на север Персии, и здесь персидская конница начала сильно теснить его со всех сторон, опустошая местность, по которой шло римское войско, и томя его голодом и всяческими лишениями. При таких условиях 25 июня 363 г. Юлиан неосторожно выступил в передовую цепь войска и был поражен в бок неприятельским копьем. На следующий день он умер от полученной раны.

Основная идея Юлиана, приведшая его к разрыву с передовыми воззрениями той эпохи, может быть до некоторой степени понята из обстоятельств, в которых проходило его детство и юношество, из характера окружавших его людей, наконец, из его философских воззрений.

Характер Юлиана как политического и религиозного деятеля привлекает внимание европейских ученых уже с давнего времени, и следует прибавить, что интерес к его личности не ослабевает с течением времени, а более и более возрастает. И не в том нужно искать объяснения того, что литература об Юлиане возрастает с каждым годом, чтобы открывались новые источники для этого времени, которые бросали бы новый свет на Юлиана, – нет, самая личность этого императора обладает особенной притягательной силой и условия, в которых ему пришлось жить и действовать. Уже современники и ближайшие к его времени писатели не могли не возбудить интереса к Юлиану тем, что описали его в самых противоположных и разноречивых чертах. Попытки примирить эти противоречия привели к постановке вопроса о том, каким источникам следует более доверять: языческим, которые восхваляют Юлиана, или христианским, которые не находят достаточно сильных выражений, чтобы выразить все презрение и негодование к Юлиану. И в новейшей литературе можно заметить два течения в оценке деятельности Юлиана, зависящие от того, каким источникам – эллинистическим или христианским – оказывается больше доверия. При этом выяснено, что главные противоречия в известиях касаются именно религиозных вопросов и церковных дел, а как христианские источники на первое место ставят церковную и религиозную политику Юлиана, весьма мало касаясь гражданской и военной истории, то вообще трудности при оценке характера Юлиана и доселе продолжают иметь свое место. Оказывается, однако, что и языческие источники отличаются в значительной степени односторонностью. Именно, известия Либания, Аммиана Марцеллина и Зосимы основываются, главным образом, на дневнике Юлиана и на его письмах и мелких сочинениях. А эти последние не только слишком субъективны, часто страстны и пропитаны духом полемики, но и прямо противоречивы. Так, при оценке политики императора Констанция Юлиан совершенно не то говорит в своих похвальных словах, что в письме к афинянам, а эта разница зависит от того, что похвала написана при жизни Констанция, а порицание – по смерти.

Тем не менее посредством внимательного изучения источников и сопоставления между собой известий разных писателей до известной степени удалось проникнуть в процесс развития идей Юлиана и в его душевное настроение. И можно утвердительно сказать, что чем лучше и полнее освещается материал, тем более выигрывает характер Юлиана. Можно признать, что оба его предприятия: и попытка восстановить падающее язычество, и персидский поход – были построены на ложных основаниях и обуславливались мечтательными взглядами Юлиана на свою миссию и провиденциальное призвание в жизни. Он глубоко верил и в свое назначение покорить весь мир, и в свою миссию восстановить почитание языческих богов и вернуть мир к изящным формам. Хотя реальная действительность не соответствовала его фантастическим представлениям, но он честно и убежденно шел к решению задач, которые считал для себя обязательными. Указанный трагизм положения объясняет тот неослабевающий интерес, с которым историки обращаются ко времени Юлиана. Прибавим к этому скромный, почти аскетический род жизни, целые ночи, проведенные без сна в ученых или административных занятиях, строгое выполнение обязанностей культа, ежедневные утром и вечером жертвы на домашнем алтаре, часто кроткое перенесение обид и оскорблений, наносимых ему лично, – разве не должны эти качества привлекать симпатии к Юлиану?

Религиозный переворот в Юлиане не есть случайный и неожиданно совершившийся факт, – нет, он подготовлялся постепенно и выработался в определенное и сознательное убеждение под влиянием обстановки, обучения, школы и профессоров, которых он слушал. Прежде всего следует отметить, что Юлиан получил греческое – эллинистическое – образование, латинский язык и литературу он мало знал, писал же исключительно на греческом. Может быть, этим частью объясняется малый успех его декретов и распоряжений. Юлиана мало знали на Западе как религиозного реформатора. Он вполне преклонялся перед эллин-

скими понятиями и верованиями и с детства зачитывался Гомером и Гесиодом, любовь к коим внушил ему его воспитатель Мардоний. Еще мальчиком он увлекался естественными явлениями природы: солнце и звезды приковывали к себе его внимание как живые, вечные и обнаруживающие влияние на человека силы. Но страшная фигура Констанция – убийцы его отца и брата и ближайших родственников – и шпионы, которыми Юлиан был окружен, держали его в постоянном страхе и не позволяли свободно развиваться его склонностям. Он должен был исполнять христианские обряды, ходил в церковь, читал священные книги и даже был некоторое время в должности церковного чтеца.

Юлиан имел уже около 20 лет, когда в 350 г. по случаю назначения Галла цесарем и ему была предоставлена некоторая доля свободы. Находясь в Константинополе и затем в Никомидии, Юлиан, вообще имевший особенную склонность к книжным занятиям, с особенным усердием слушал уроки риторики и философии. Несомненно, наибольшее влияние оказали на него лекции ритора Либания, красноречивого и талантливое оратора и убежденного приверженца старой веры. С Либанием император соединен был самыми тесными узами дружбы, и самая лучшая характеристика Юлиана принадлежит Либанию [8]. Но коренным образом мировоззрение Юлиана изменилось под влиянием философских систем, в которые он был посвящен своими учителями. В Никомидии, Пергаме и Ефесе Юлиан ознакомлен был с неоплатоновской философией. Здесь он слушал знаменитых тогда философов и особенно подвергся влиянию Эдесия, ученика Ямвлиха, и Максима, который произвел глубокое влияние на Юлиана, введя его в теургию и волшебство, т. е. ознакомив его с наукой о тайных обрядах (σύμβολα, συνθήματα), которыми можно вызывать духов. Это считалось высшим знанием и венцом философского образования. Взгляд на душу как элемент божественного происхождения, который постоянно стремится освободиться от тела как из темницы и соединиться с божественным началом, особенно наглядно выражен в предсмертной речи Юлиана, передаваемой Амм. Марцеллином (XXIV, 3, 15).

Возможность возвыситься до созерцания божества посредством освобождения от уз материи привела Юлиана к мысли, что он действительно получает внушение от богов и что все его поступки освящены божественной волей. Отсюда понятно, как мало он обращал внимания на реальную жизнь и как его настроение всегда было приподнятым. В его воображении древняя религия рисовалась в ее прекрасных аллегориях, в поэтических образах, роскошных праздниках и процессиях, которые пленяли его ум. Христианство было в его глазах верой невежественных людей, религией мертвецов и гробов. Он часто выражал ту мысль, что языческая вера воспитывает героев, а христианская – только рабов.

Становясь все увереннее в себе и понимая, что никакой мир с Констанцием для него невозможен, Юлиан послал в сенат резкую и обличительную речь против него, в которой поносил его и раскрывал его недостатки. Когда Тертулл, бывший в ту пору префектом города, читал ее в курии, высшая знать выразила свое благородство верным и благожелательным отношением к императору. Раздался общий единодушный возглас: «Auctori tuo reverentiam rogamus», т. е. «Предлагаем с уважением говорить о своем благодетеле» [9].

Нельзя не обратить внимания и на то обстоятельство, что христианское общество и христианские учреждения далеко не имели в глазах Юлиана той обаятельной силы, как язычество. Прежде всего христиане находились между собой в ожесточенной борьбе из-за религиозных разномыслий. Историк Аммиан Марцеллин (XXII, 5) говорит, что и дикие звери не проявляют такой ярости к людям, как большинство христиан в своих разномыслиях. Независимо от того, христианская община заключала в себе далеко не лучших людей того времени. Когда христианство стало господствующей религией, многие находили выгодным принимать христианство не по убеждению, а из интереса. Говоря о распущенных нравах тогдашнего высшего общества, Амм. Марцеллин [10] отмечает одну черту, которая особенно была распространена в тогдашнее переходное время и весьма невыгодно рисовала вновь обра-

щенных. Одни из них жилились грабежом языческих храмов и, пользуясь каждым случаем, где можно было что-нибудь приобрести, поднялись из крайней бедности до колоссального богатства. Отсюда пошло начало распущенной жизни, клятвопреступлений, равнодушие к общественному мнению, дикое обжорство пиров, широкое употребление шелка, развитие ткацкого искусства и особенная забота о кухне. Несомненно, этими чертами характеризуется тогдашнее высшее общество, и аскетически настроенный Юлиан не мог разобраться, что здесь представляло исключение и что входило в общее настроение.

Таким путем можно до известной степени объяснить процесс отчуждения Юлиана от христианства и усвоения языческого мировоззрения. Полная языческая система Юлиана могла проявиться лишь после смерти Констанция. В одном письме, относящемся ко времени движения его из Галлии к Константинополю, он говорит, что войско приняло языческий культ и что открыто и публично приносятся жертвы богам.

Посмотрим, какие меры принял Юлиан для проведения своей системы.

Рассматривая церковную политику Юлиана в краткий период его управления империей, мы должны прежде всего отметить, что все его распоряжения по восстановлению язычества касаются Востока и не затронули западных провинций, т. е. проникнуты эллинистической тенденцией, и что все его письма, указы и эдикты, касающиеся христианства, будучи изданы в краткий полуторагодовой срок, не могли иметь строгого систематического применения, вызвав лишь смуты и волнения и показав недостаточность оснований для предполагавшейся реформы. Сравнивая между собой относящиеся сюда материалы, мы не замечаем в них ни единства руководящих идей, ни строгой последовательности и систематичности; напротив, усматриваем настроение нервного человека, подчиняющегося внушениям минуты. Он выступает сначала со всеми признаками терпимости по отношению к христианам. «Пусть, – говорил он, – галилеяне веруют в своих мертвецов, мы не будем силой привлекать их к культу богов». Будучи сам убежденным язычником и веря в превосходство культа богов, он открыто стал во главе этого культа, объявив себя, однако, толерантным и в отношении христианства, ожидая, что Восток пойдет за ним к древней отеческой вере. Замечая, что не оказывается того общего увлечения язычеством, на какое он надеялся, Юлиан пользуется всяким случаем дать понять христианам, что он считает галилейскую веру неправой и видит в ней вредное заблуждение, язычеству же отдает предпочтение как единственно разумной и для государственного блага полезной религии. Затем, как будто забывши все заявления о толерантности, император начал преследовать христианство, обнаруживая крайнюю раздражительность и нетерпимость по отношению к борцам за веру, и в то же время делает попытку дать преобладание языческому культу и реорганизовать государство на языческих основах. В этом смысле Юлиан не останавливался и перед такими фактами насилия, какие допускались лишь во времена тяжких гонений, например конфискация имущества в пользу языческих храмов, преследование вождей христианских, обещание государственной помощи под условием принятия языческого культа и, наконец, законодательное воспрещение христианским профессорам преподавания в школах (указ 17 июня 362 г.). Можно думать, что на том пути, на какой вступал Юлиан в конце своей жизни, христианство и язычество неизбежно должны были дойти до кровавого столкновения, и естественная эволюция, неизбежно направлявшаяся к торжеству христианских идей, могла бы встретить значительные препятствия.

Несомненно то, что Юлиан не заметил в христианстве его лучших начал и не оценил того, что в язычестве не было более того живого духа, который мог бы состязаться с христианством. Эта мысль прекрасно выражена у одного византийского писателя [11]. Будто бы Юлиан послал раз своего учителя и врача Оливасия в Дельфы восстановить храм Дельфийского Аполлона. Оливасий, приступив к исполнению возложенного на него поручения, получил следующий оракул, чрезвычайно хорошо рисующий настроение умов по отноше-

нию к языческой вере: «Скажите царю, что прекрасный дворец разрушен, что Аполлон не имеет более ни святилища и вещего лавра, ни говорящего источника, что замолкла журчащая вода» [12].

Оракул мог бы быть истолкован в том смысле, что никакими человеческими силами нельзя поднять уже сыгравшее свою роль язычество, что родились новые условия для новой религии и что будущее принадлежит тому, кто поймет новые условия и не будет пренебрегать ими. Между тем Юлиан, укорявший христиан в приверженности к культу гробниц мертвых, не заметил того, что не христианин, а он сам стоит на ложном пути, стараясь воскресить хотя изящный, но уже потерявший жизненность и для большинства утративший привлекательность языческий культ.

В окружающей Юлиана обстановке, конечно, были достаточные элементы, вооружавшие его против христиан. Но мы должны здесь подчеркнуть, что и среди христиан, даже между высшими представителями клира, находились такие, которые легко мирились с языческими воззрениями и для которых были безразличны как языческие верования в богов, так и христианская вера в мучеников. Лучшим примером служит письмо Юлиана, где говорится о троадском епископе Пигасии, перешедшем в язычество и получившем в языческой религии жреческий сан [13]. Мы приведем этот документ, прекрасно рисующий тогдашние настроения.

«С Пигасием мы едва ли бы вступили в сношения, если бы не знали, что и прежде, будучи епископом галилеян, он почитал богов. Приглашенный явиться к блаженному царю Констанцию, я держал путь через эти места и раз ранним утром из Троады пошел в Трою через агору. Епископ встретил меня и, когда я пожелал осмотреть памятники города (καὶ βουλομένῳ τὴν πόλιν ἰστορεῖν) – а это был у меня предлог для посещения священных храмов, – предложил себя в проводники и повел меня повсюду. Слушай же дела и слова, по которым всякий поймет, что он был не чужд почитания богов. Там есть святилище Гектора, где стояла медная статуя в маленьком храме, при нем под открытым небом стояло изображение великого Ахилла. Ты помнишь место и знаешь, о чем я говорю. Заметив, что жертвенники еще хранят следы жертвоприношений и что статуя Гектора обильно полита благовониями, я обращаюсь к Пигасию с вопросом: «Что это? Разве троянцы приносят жертвы?» – «Что же дурного, – ответил он, – если они почитают хорошего человека и своего согражданина, как и мы кланяемся своим мученикам». – «Пойдем, – сказал я, – к святилищу Афины троянской». Он очень охотно повел меня и открыл храм и, как бы рисуясь, с полным вниманием показал мне сохранившиеся статуи, причем не позволил себе ничего такого, что обычно делают в таких случаях эти нечестивцы: не делал знамения на нечестивом челе и не шептал про себя, как они. Ибо высшая степень богословствования у них заключается в этих двух вещах: шипеть против демонов и делать на челе крестное знамение. Затем он пошел со мной до Ахиллия (до жертвенника Ахилла) и показал гробницу его, вполне сохранившуюся. Был слух, что она была раскопана им, но он подходил к ней с большим благоговением, – это я сам видел. Я слышал от тех, которые ныне весьма к нему враждебно настроены, что тайно он воздавал поклонение солнцу. Ужели ты не согласишься моему свидетельству, и разве я назначил бы Пигасия жрецом, если бы он соделал что нечестивое против богов? Если могло случиться, что он или из честолюбия, или – что часто говорил нам – с целью спасти жертвенники богов покрывал их рубищами и притворно принимал на себя безбожное звание, то, несомненно, он никогда и нигде не позволил себе поругания святыни... По моему мнению, не его только, но и других, переходящих к нам, следует принимать с честью, дабы одни охотней следовали нашим призывам, другие же менее находили поводов к злорадству...»

Открыто приверженцем старой языческой религии Юлиан выступает после провозглашения его императором. Находясь на пути к Константинополю летом 361 г., он писал, между

прочим, своему другу философу Максиму: «Мы служим богам открыто, сопутствующее мне войско предано их культу [14]. Мы публично приносим в жертву быков и многими гекатомбами воздаем богам благодарность». Любопытно небольшое замечание в конце того же письма к характеристике Юлиана: «Боги повелевают мне во всем наблюдать по возможности святость, и я охотно повинуюсь им». Личная чистота и до аскетизма доходящая воздержанность и нравственная дисциплина – это было всегдашним правилом Юлиана, от которого он не отступал. Он не только титуловался pontifex maximus, но и старался на самом деле стать во главе культа. Ежедневно утром и вечером он совершал жертвы солнцу и, чтобы никогда не лишать себя этого, приказал устроить жертвенник в самом дворце. Где бы он ни находился, прежде всего наблюдал праздничные дни языческого календаря и был крайне недоволен, если при храмах не находил торжественной службы и богатых жертвоприношений. Любил сам носить дрова к жертвеннику, подводить жертвенное животное к алтарю, изучать внутренности и по ним узнавать волю богов. И все это не было формой, а глубоким убеждением, которое, впрочем, находили слишком неуместным даже близкие к нему люди [15].

По мысли Юлиана, империя должна была быть разделена в церковном отношении на более или менее обширные области, подчиненные верховным жрецам или архиереям. Сохранилось несколько законоположений этого рода и писем императора, которые характеризуют его церковную политику.

Входя во все подробности культа, как подлинный pontifex maximus, Юлиан так рисует идеального жреца: он должен беречься не только постыдных дел, но и остерегаться непристойных слов. Жрецу Юлиан запрещает читать Архилоха, Иппократа и избегать древних комиков. Вместо того ему следует изучать гимны богов, заниматься благотворительными делами, чем так искусно пользуются нечестивые галилеи, агапами привлекая в свою секту неопытных. В особенности широко нарисована его религиозная политика в письме к верховному жрецу Галатии по имени Арсакий, составленном в 362/63 г. [16]

«Эллинизм еще не делает тех успехов, каких мы желали, из-за небрежности нашей. Боги посылают нам прекрасные блага выше наших желаний и надежд. Ибо кто прежде мог мечтать о такой громадной перемене? Зачем же мы остановились на мысли, что этого достаточно, и не подумаем о том, какие средства способствовали успеху нечестивой веры (την αθεότητα): благотворительность к чужестранцам, попечение о гробах мертвецов и притворная чистота жизни. Каждую из этих добродетелей нам следует осуществлять с особым вниманием; и не тебе только одному следует быть таковым, но и всем жрецам Галатии. Стыдом или убеждением побуждай их к добродетели, иначе лишишь их священных должностей, если они с женами и детьми и служителями не служат примером богопочтения и если не удерживают своих служителей, детей и жен от нечестия по отношению к богам и предпочтения галилейской веры эллинству. Наблюдай, чтобы жрецы не посещали театра, не ходили в питейные дома и не участвовали в каком предприятии или занятии низком и постыдном. Кто будет исполнять требования, поощряй; ослушников же гони с мест.

В каждом городе устрой достаточное число странноприимных домов, чтобы чужеземцы воспользовались нашим гостеприимством, и не только те, которые принадлежат к нашей вере, но все, кто нуждается в помощи. Мною приняты меры относительно средств к содержанию. Ежегодно на всю Галатию будет отпускаться 30 000 модиев жита и 60 000 ксестов вина; пятая доля из этого назначается для бедных и для служащих при жрецах, остальное в пользу иностранцев и нуждающихся. Ибо стыдно подумать, что между иудеями нет нуждающихся и что нечестивые галилеи содержат и своих, и наших, а наши оказываются лишенными помощи от своих. Внушай приверженцам эллинизма вносить свою долю на эту общественную потребность и приучай эллинские поселения приносить в пользу богов начатки плодов и старайся, чтобы все эллинствующие учились благотворительности, объясняя им, что к этому издавна направлены мои заботы. Не ходи часто в дом прави-

телей области, чаще сносятся с ними письменно. При посещении ими города никто из жрецов не выходит навстречу, но когда они входят во храм, встреча бывает в притворе. Ни один воин не может войти с ними внутрь храма. Как скоро кто вошел в священную ограду, становится частным лицом. Ты один имеешь власть в храме, – таков божественный закон. Я готов помочь жителям Пессинунта, если они умолят мать богов. Не оказывая ей почтения, они не только заслуживают порицания, но и нашего нерасположения. Итак, сообщи им, что если они желают от меня милости, то должны всенародно поклониться матери богов».

Таково же еще письмо архиерею Феодору [17], назначенному главным жрецом в Азии: «Я хочу поручить тебе дело и мне дорогое, и для всех весьма важное, именно – главное начальство по всем религиозным учреждениям в Азии, епископскую власть над жрецами в каждом городе и право суда над ними. Первое качество, какое требуется в этом положении, это – мягкость, доброта и человеколюбие по отношению к достойным...» В этом письме важно место, где говорится о противоположности язычества и христианства. «Замечая, что божественные законы со временем пришли в пренебрежение и в уничтожение вследствие возобладания богатства и роскоши, я пришел к убеждению, что следует озаботиться восстановлением их с самого основания. Видя господствующую у нас холодность по отношению к религии, я глубоко страдал при размышлении об этом. В то время как приверженцы ложных учений оказываются так ревностными, что готовы пожертвовать за свою веру жизнью, выносить всякую нужду и голод, лишь бы не вкусить от свинины или от удавленины, мы же оказываем такую холодность к богам, что совсем забыли отеческие законы...»

Юлиан вскоре заметил, что возвращение к паганизму идет не так быстро, как он рассчитывал, и как уверяли его друзья. Даже в глухих местах, например в Каппадокии, где язычество, казалось, всего менее затронуто было новыми идеями, Юлиан нашел много христиан. «Умоляю Зевсом, – пишет он к философу Аристоксену, – приходи к нам в Тиану и укажи нам в Каппадокии настоящего эллина (т. е. язычника). Доселе я вижу только несогласных приносить жертвы богам и немногих желающих, но которые не умеют взяться за дело» [18]. То же малое одушевление по поводу открытия языческих храмов встретил он в больших городах, например в Антиохии и Александрии. До некоторой степени он мог еще питать надежду на то, что обширная организация благотворительности по образцу христианских общин и государственная помощь, оказываемая преимущественно перед христианами язычникам, помогут торжеству его плана, но вскоре он должен был убедиться, что на стороне христиан более твердости, самопожертвования, готовности переносить всяческие лишения, а на стороне приверженцев языческого культа – холодность, равнодушие и недостаток одушевления.

Трагизм в деятельности Юлиана и начинается с той поры, когда он понял, что ему придется встретить на пути к осуществлению своей задачи непредвиденные препятствия. Сознание этих трудностей раздражало его и лишало равновесия, он забывал тогда основное правило своей религиозной политики: не насиловать убеждения и не идти против справедливости, и позволял себе такие меры, которые характеризуют религиозный фанатизм и крайнюю нетерпимость к тем, кто держится иных убеждений. Предполагая – и не без основания, – что в христианском клире находится главное препятствие для торжества его душевной идеи, Юлиан не щадил средств, чтобы унижить наиболее популярных епископов (Афанасий, Тит из Бостры), объясняя их твердость лишь низменными эгоистическими побуждениями.

Наиболее ярким выражением его раздражения служит письмо к жителям Бостры [19] от 1 августа 362 г., где повелевается изгнать их епископа: «Мне бы казалось, что представители галилейской религии должны питать ко мне больше благодарности, чем к

моему предшественнику. Ибо при нем многие из них подвергались изгнанию, преследованию и темничному заключению, и даже множество так называемых еретиков было погублено, именно в Самосате, Кизике, Пафлагонии, Вифинии и Галатии и во многих других областях до основания разрушены целые деревни. В мое же царствование напротив: изгнанные возвращены из ссылки, лишенные имущества получили все свое назад по нашему закону. И, тем не менее, они доходят до такого бешенства и безумия, что в раздражении пользуются всевозможными средствами, чтобы производить смуту в народе, противясь богам и не повинаясь нашим человеколюбивым законам. Мы не позволяем никому из них против воли приводить к жертвенникам и провозглашаем громко, что кто желает участвовать с нами в омовениях и жертвах, должен сперва принести очистительную и умилоостивительную жертву богам. Народ, обольщаемый клириками, волнуется. Ибо те, которые господствовали доселе... упорно отстаивают прежние права: право суда, писания завещаний, присвоения чужих наследств, и для удержания за собой всего они пользуются всеми мерами, чтобы волновать народ и доводить его до возмущения. Посему мы постановили объявить всем димам посредством настоящего приказа, чтобы они не делали смут по внушению клириков и не оказывали неповиновения властям. Мы позволяем им делать собрания и совершать обычные молитвы.

Настоящий указ мы посылаем специально городу Бостре, так как епископ Тит и клирики в своем докладе возводят обвинения на народ в неповиновении клиру и в возмущении. Вот относящееся сюда место в докладе: «Хотя христиан было столько же, как и эллиствующих, но, подчиняясь нашим увещаниям, никто не нарушил порядка». Таковы слова о вас вашего епископа. Смотрите, не вашему доброму расположению он приписывает вашу порядочность, но как бы против воли, говорит он, вы сдержаны были его увещаниями. Гоните же его из города как вашего обвинителя и будьте между собой в единении. Ни те, которые находятся в заблуждении, да не нападают на дома и не грабят тех, кто правильно и благочестиво служит богам по исконным обычаям, ни истинные почитатели богов да не вредят тем, которые находятся в заблуждении скорее по неведению, чем сознательно. Нужно убеждать людей словом и поучением, а не бичами и не обидами, и не телесными наказаниями. И снова, и снова я рекомендую приверженцам истинного богопочитания не наносить никакой обиды народу галилеев и не позволять себе по отношению к ним ни насилий, ни оскорблений. Следует более жалеть, чем ненавидеть людей, ошибающихся в делах величайшей важности. Величайшее из благ – это, конечно, богопочтение, и, напротив, нечестие есть величайшее из зол. Достаточному они себя подвергают наказанию уже тем, что, отверщаясь от богов, ищут помощи у трупов мертвецов».

Выраженные здесь рассуждения о том, что не следует наносить ни обиды, ни оскорблений народу из-за приверженности его к галилейской секте и что следует убеждать людей, а не побуждать телесными наказаниями, стоят в совершенном противоречии с тем, что сказано Юлианом выше относительно епископа Тита: гоните его из города, как вашего обвинителя. Точно в такой же степени жестокости распоряжения Юлиана относительно Афанасия александрийского, самое имя которого император не может хладнокровно произнести.

В 362 г. Юлиан писал губернатору Египта: «Ты еще мог бы не извещать меня о других вещах, но никак уже не умолчать об известном противнике богов Афанасии, так как тебе давно уже известны наши об этом решения. Клянусь Сераписом, если до декабря этот безбожник не будет выслан из Александрии или даже совсем из Египта, то я наложу на твое ведомство штраф в 100 литр золота. Ничем не можешь доставить мне больше удовольствия, как изгнав из египетских пределов Афанасия, этого сквернавца, который в мое время смеет совершать крещение над знатными женщинами!» [20].

По тому же поводу отправлен в Александрию следующий указ: «Мы разрешили галилеянам, подвергшимся изгнанию при блаженном Констанции, не возвращение в церкви их,

а лишь доступ в отечественный город. Между тем мне стало известно, что дерзкий Афанасий со свойственной ему наглостью завладел вновь епископским тронном к большому неудовольствию благочестивого александрийского народа. Вследствие чего приказываем ему оставить город в тот же день, как будет получен настоящий указ. Если же он останется в городе, то его постигнет жесточайшее наказание» [21].

В этих последних распоряжениях чувствами Юлиана, конечно, управляла уже страсть, в данном случае он был далек от справедливости и становился злым и жестоким. Когда христиане жаловались на несправедливый суд и конфискации имущества, он отвечал: «В вашем законе говорится: кто захочет взять у тебя рубашку, отдай ему верхнюю одежду; без имущества вам легче идти в царство небесное». Христиане жаловались на устранение их от начальственных должностей, а император с насмешкой говорил: «Закон запрещает вам употребление меча, вам следует сносить несправедливости, чтобы угодить Богу!» Из презрения к христианам он оказывал покровительство евреям. Как общая мера против христиан, возбудившая упрек Юлиану даже среди его почитателей и глубоко затронувшая интересы христиан, должен быть признан эдикт, коим воспрещалось христианским профессорам преподавание в школах. Аммиан Марцеллин (XXII, 10, 7) говорит об этом: «Жестокой мерой и достойной вечного забвения было то, что он запретил учительскую деятельность риторам и грамматикам христианского исповедания» (еще XXV, 4, 19–20).

Вот как резонерствует Юлиан по отношению к мотивам этого распоряжения [22]: «Правильное преподавание заключается не в складной речи и красивых словах, а в том, чтобы учитель обладал здоровым расположением мыслей и имел верные понятия о добре и зле, о благородных и постыдных вещах. Кто одно думает, а другое внушает своим слушателям, тот столько же погрешает против педагогики, как и против честности. И если по отношению к незначительным предметам выражается противоречие мысли и слова, это еще терпимое зло; но кто в важных предметах одно мыслит, а противоположное тому внушает на уроках, не поступает ли он как плутоватый торговец и обманщик, который учит тому, что считает дурным, и привлекает к себе учеников ложным восхвалением того, что сам признает нехорошим. Итак, требуется, чтобы все, кто берется за преподавание какого-либо предмета, отличались скромным поведением и душевным направлением, согласным с общественным строем. И преимущественно перед всеми, по моему мнению, таковы должны быть те, которые приставлены для преподавания наук молодежи и которые объясняют древних авторов: риторов, грамматиков и софистов. Ибо они имеют претензию обучать не красноречию только, но и нравственности и даже тому, что они называют наукой о политике (τὴν πολιτικὴν φιλοσοφίαν). Воздавая им похвалу за такие прекрасные занятия, я бы еще с большим чувством уважения отнесся к ним, если бы они не оказались мыслящими совершенно иначе, чем преподают на своих уроках. В самом деле, разве, по воззрениям Гомера, Гесиода, Демосфена, Геродота, Фукидида, Исократа и Лисия, боги не являются творцами всякого знания? Разве они не считали себя жрецами одни Гермеса, другие Муз? Я находил бы нелепым, чтобы те, которые объясняют указанных писателей, позволяли себе отвергать чтимых ими богов.

Я не требую, чтобы они переменяли свои воззрения перед слушателями, но предоставляю на их свободный выбор: или не преподавать то, что не считают серьезным, или, если желают продолжать преподавание, должны прежде всего собственным примером убедить слушателей, что Гомер, Гесиод и другие, которых они толкуют и которых обвиняют в нечестии и заблуждении по отношению к богам, на самом деле не таковы. Если они держатся и получают выгоду от тех сочинений, которые принадлежат тем писателям, то ясно, что этим показывают себя такими жадными до прибыли, что готовы на все из-за нескольких драхм. До сих пор были многие уважительные причины не посещать храмов богов, и страх, висящий над всеми головами, оправдывал скрытность по отношению к

истинным мыслям о богах. Поелику же боги предоставили нам свободу, то мне кажется недостойным учить людей тому, что не считается здоровым. Но если преподаватели почитают мудрыми тех писателей, которых они объясняют, пусть попытаются подражать их чувствам к богам. Если же держатся того мнения, что высокочтимые боги ложны, пусть идут в церкви галилеев объяснять Матфея и Луку. Таков закон для начальников и учителей. Всякий юноша, желающий учиться, не будет встречать препятствия. Ибо не считается разумным отвлекать от лучшего пути юношей, еще не сознающих хорошо, по какой дороге идти, и вести их против воли из-за страха на путь, которым шли отцы. Хотя было бы справедливо их лечить против их воли, как поступают с сумасшедшими, но мы даем снисхождение всем, находящимся в этой болезни. Ибо, по моему мнению, лишенных разума следует учить, а не подвергать наказаниям».²

Юлиан весьма внимательно отнесся к вопросу о профессорах в учебных заведениях и выразил отношение к нему серьезным законодательным актом [23]. Поднятый здесь вопрос о направлении преподавательского класса имеет и для нас почти современное значение, поэтому мы позволили себе сделать такие большие выписки из писем Юлиана. Законом, на который выше сделана ссылка, он установил следующее: «Магистры и доктора наук должны отличаться прежде всего нравами и затем красноречием, но как мы не можем лично быть в каждом городе, то приказываем, чтобы желающий быть профессором приобретал это звание не сразу и не самовольно, а по одобрению и постановлению и декрету курии, каковой декрет должен быть препровожден затем к нам, дабы кандидат допускаем был к преподавательской деятельности в городах по нашему распоряжению».

Широко начитанный в книгах Священного Писания, он пользовался своими знаниями весьма искусно в литературной борьбе. В не дошедшем до нас сочинении ката χριστιανῶν («Против христиан») он дает злую сатиру на некоторые места Ветхого и Нового Завета [24].

Юлиан сравнивает библейское учение о мире с языческим, сопоставляет Моисея с Платоном и, между прочим, так иронизирует над рассказом о творении мира. «Бог сказал: «Не добро быть человеку одному, сотворим ему помощницу». И, между тем, эта помощница не только ни в чем ему не помогает, но даже обманывает и становится причиной лишения для прародителей райской жизни. Вероятно ли, чтобы Бог не знал, что то существо, которое дано человеку в помощь, сделается для него источником бедствий, а не радостей? А на каком языке змей говорил с Евой, и чем эта басня отличается от греческих мифов? А запрет делать различие между добром и злом – разве не верх нелепости? Бог якобы запретил человеку самое высшее, что составляет сущность и главное качество человека, – пользование разумом. Разве не существенное свойство разума различать зло от добра?»

Не менее ядовито издевается Юлиан над рассказом о строении башни и о смешении языков [25]. «Почему, – говорит он, – этому рассказу можно больше придавать веры, чем гомеровскому повествованию о великанах Алоадах (Оте и Ефиалте), взгромоздивших три горы одну на другую, чтобы достигнуть неба?» Переходя к раздорам в христианской среде и к нетерпимости христиан к еретикам, Юлиан посылает христианам следующий упрек: «Вы разрушаете храмы и алтари, вы душиите не только тех, которые остаются верны культу их отцов, но и тех из вашей среды, которые, как вы говорите, заражены ересью и которые не так, как вы, обожают того мертвеца. Но ни Иисус, ни Павел вам не оставили на этот счет указаний, и это потому, что они не думали, что вы завладеете таким могуществом. Они довольствовались тем, что совращали служанок и рабынь, а через них женщин и мужчин, подобных Корнилию и Сергию (Деян. X, 13). Покажите мне, что в цар-

² καὶ γὰρ οἱ αὖτις διδάσκειν καὶ, ἀλλ' οὐκ ἐκκολαζέειν χρὴ τοὺς ἀνοήτους.

ствование Тиберия или Клавдия к их вере обратился хоть один порядочный человек, и тогда считайте меня пошлым лгунишкой».

С большим жаром Юлиан вооружается против почитания мучеников. «Вы, – говорит он христианам, – все наполнили могилами, хотя нигде нет прямого повеления воздавать поклонение гробам. Вы дошли до такого развращения, что не хотите обращать внимание на прямые слова Назаря: горе вам, книжники и лицемерные фарисеи, вы походите на выкрашенные гробы; снаружи гробница красива, а внутри наполнена костями мертвецов и всяческой нечистотой. Если Иисус говорит, что гробы полны грязи, как можно призывать на них Бога?»

Что наиболее казалось Юлиану в христианстве противным – это его мнимая враждебность культуре и идеалам современного языческого общества. Христианская община на первых порах пополнялась, главным образом, из низших классов общества, отсюда вытекало обычное заключение, что христианство несовместимо с чувствами и настроениями высших образованных классов. В кругу Юлиана смеялись над христианами и с презрением говорили: «Нам, язычникам, принадлежит наука, а вам – невежество и варварство». Этой мысли уделяет Юлиан несколько мест в своем сочинении «Против христиан». «Вы, – говорит, – конечно, понимаете разницу между вашим и нашим образованием. В вашей школе вы никогда не сделаете человека ни мужественным, ни добродетельным, между тем при нашей системе всякий становится лучшим. Посмотрите на ваших детей, которые воспитываются на чтении ваших священных книг. Если в зрелом возрасте они не будут рабами, сочтите меня лгуном и маниаком».

За полгода до своей смерти, находясь в Антиохии, где делались приготовления к персидскому походу, Юлиан составил (в феврале 363 г.) знаменитый свой памфлет *Μισολόγῳν* («Ненавистник бороды»). В этой сатире на нравы антиохийцев, с которыми вообще император нередко ссорился во время своего пребывания в Антиохии, он часто возвращается к своей внешности и к своей частной жизни. Сочинение *Μισολόγῳν* представляет весьма важный памятник для характеристики Юлиана, между прочим, и потому, что здесь император отвечал на сплетни и анекдоты, распространявшиеся на его счет в антиохийском обществе и переходившие даже в мелкие листки, тайно распространяемые. Поэтому названное сочинение заслуживает того, чтобы привести из него несколько отрывков.

«И хотел бы я похвалить себя, да не могу, порицать же есть бесчисленные поводы, хоть бы начать с лица. Природа не дала мне ни большой красоты, ни величественности, ни привлекательности, и я по своей нелюдимости прибавил еще эту большую бороду как бы назло природе, что она не дала мне красоты. И вот в ней разводится вошь, что в лесу звери, и я испытываю то неудобство, что не могу свободно ни есть, ни пить из опасения захватить волосы вместе с пищей. Насчет поцелуев уж я не жалею, хотя и в этом случае борода служит большой помехой, так как препятствует плотно прижать губы к губам. По вашим словам, из моей бороды можно вить веревки: я готов предоставить ее в ваше распоряжение, если только можете ее вырвать и если только вашим нежным рукам не будет больно. Но у меня не только длинная борода, я мало ухаживаю и за головой, редко стрижусь и обрезаваю ногти, и руки мои часто запачканы чернилами, а если вас интересует знать и дальше, то грудь моя покрыта густыми волосами. Будучи таковым по внешности, я непривлекателен и в образе жизни: по моей грубости не хожу в театр, а по моей необразованности не допускаю во дворце представлений, кроме новогодних, да и то как бы внося подать немилостивому господину, ибо и находясь в театре, я имею вид исполняющего долг. Скажу и еще более странную вещь.

Я не люблю цирковых представлений, как должник судебного разбирательства, и редко посещаю их, только в праздничные дни. В моей частной жизни я провожу бессонные ночи на подстилке из соломы и довольствуюсь скромной пищей, едва утоляющей голод. С

детских лет я веду войну с моим желудком и не позволяю ему наполняться пищей. Вследствие этого со мной редко случалась рвота. Помню один случай со времени назначения моего цезарем³. – Кельтская деревенщина легко мирилась с моими нравами. Но такой цветущий, счастливый и населенный город, как Антиохия, имеет все основания гневаться на меня, ибо в нем много танцовщиков и флейтичиков, а актеров (μῦθοι) больше, чем граждан, и у всех отсутствие всякого уважения к власти. Стыдиться свойственно людям малодушным, а таким храбрым, как вы, позволительно веселиться с утра, ночью искать наслаждений и самым делом показывать презрение к законам. В самом деле, закон страшен через исполнителей, так что, кто оскорбляет власть, тот попутно нарушает и законы. И вы стараетесь везде показать, как вам мало дела до закона, в особенности на площадях и в театрах...»

«Попытаюсь сделать нападение с другой стороны. Ты любишь, говорите, посещать храмы, нелюдимый, грубый и злой человек! За тобой стремятся в священную ограду народ и магистраты, тебя встречают с шумом рукоплесканий, как в театре. Но тебе не угодил и этим, ты обращаешься к народу с речью и начинаешь порицать его, это он для молитвы не ходит в храмы, а ходит лишь по случаю твоего прибытия и производит беспорядок в священном месте... А можно ли хладнокровно выносить то, что ты проводишь свои ночи в одиночестве и не допускаешь ничего, что бы смягчило твой дикий нрав? Худшее же то, что такая жизнь составляет твое удовольствие и что тебя забавляют общие проклятия. Тебе бы следовало быть благодарным к тем, которые дают тебе хороший совет в летучих листках (ἐν τοῖς ἀναπάστοις): брить бороду и делать все приятное для народа, любящего повеселиться, давать ему зрелища, мимов, плясунов, бесстыдных женицин, мальчиков по красоте женоподобных, мужчин, у которых выбриты не только щеки, но и все тело, задавать праздники, но ради бога не религиозные, их так довольны, что хоть отбавляй...

Прекрасно, мудрые граждане, вы забавляетесь серьезными вещами и поощряете в этом других. Ибо ясно, что одним издевательство доставляет удовольствие, другим приятно слушать. Поздравляю вас по случаю такого согласия, в этом вы составляете единое общество, ибо считаете неприличным и неудобным принимать серьезные меры против беспутства ваших юношей. По вашему мнению, отнять у людей свободу говорить и делать, что им вздумается, значило бы посягать на самое существо свободы. Имея твердое убеждение в необходимости абсолютной свободы, вы прежде всего предоставили необузданную вольность вашим женам, чтобы они были вам более доступны, а затем вы им отдали на воспитание ваших детей из боязни, чтобы мы не наложили на них очень суровую дисциплину, и не обратили их в рабов, и не научили уважать старших и почитать начальников. Что же делают ваши жены? Они привлекают детей к своей вере, полагая в этом высшее счастье. Вот в чем, мне кажется, состоит ваше счастье: в отрицании подчинения богам, закону и нам как блюстителям законов. Но с нашей стороны было бы нелепостью гневаться на вас так себя освободивший город, если сами боги не обращают на него внимания. Да будет вам известно, что и боги участвуют с нами в поругании со стороны города.

Вы говорите, что ни Х, ни К не сделали городу никакой неправды. Хотя ваш ребус трудно разгадать, но некоторые из горожан раскрыли мне его смысл: одна буква означает Христа, другая Констанция. Позвольте сказать вам откровенно, что Констанций уже тем нанес вам обиду, что не убил меня, а назначил цезарем. Что касается Христа, вы его почитаете вместо Зевса, Аполлона и Каллиопы. Хотя жители Емеса тоже любят Христа, но я не сделал им ни разу обиды, из вас же многие, если не все, имеют со мной счеты: сенат, состоятельный класс и народ. Последний недоволен мною в большинстве, если не весь, предавшись безбожному учению, за то, что я придерживаюсь отеческих обычаев, богатые

³ Следует рассказ о том, как Юлиан раз угорел в Лютееции (Р. 438–439. Teubn.).

досадают за то, что я не позволяю им продавать товары по высоким ценам, все они из-за театральных представлений, – и не за то, что я других лишаю их, но что так мало о них забочусь.

Напомню и другой случай, подавший повод к неудовольствию, и опять-таки, как обыкновенно, я буду порицать себя и обвинять. В десятом месяце бывает большой праздник, совершаемый в Дафне. Из храма Зевса Кассия я спешу на тот праздник, ожидая здесь встретить роскошное и богатое торжество. Я уже воображал себе священную помпу, изображения богов, возлияния, хороводы, курение фимиама и юношей вокруг жертвенника в благоговейном настроении и в прекрасных белых одеяниях. Но, когда я вступил в храм, не нашел ни курения, ни приношений, ни жертвы. Я был поражен и воображал себя вне храма, и что вы ожидаете от меня, как первосвященника, условного знака. Когда же я спросил, какой жертвой город чествует божество в этот день, жрец ответил: «Я принес с собой священного гуся, но город не приготовил ничего». По этому случаю я обратился в сенат со следующей довольно резкой речью: «Удивляюсь, что такой город с таким малым вниманием относится к богам, как какая-нибудь деревня на границах Понта. Владея громадным земельным имуществом, город пожалел принести курицу отечественному богу в годовую его праздник, когда богам угодно было рассеять мрак безбожия, между тем как ему следовало принести быка с каждой филы или, по крайней мере, со всего города сообщить принести в жертву вола. Каждый из вас на свои праздники и на угощения тратит значительные суммы, я знаю многих, затративших большие деньги на праздник Маиумы (майский праздник), а за ваше счастье и благо города никто не захотел принести жертвы, один только жрец... Каждый из вас позволяет своей жене всем жертвовать в пользу галилеян, которые, питая бедных на ваши пожертвования, совершают поистине безбожное дело по отношению к нуждающимся. Вы же, показывая пример такого непочтения к богам, даже не понимаете всей важности проступка. К нашим храмам не приближается никто из бедных, потому что он не найдет там милостыни. По случаю дней рождения вы устраиваете обеды, ужины и пиры, а в этот годичный праздник никто не принес богам ни масла в лампу, ни возлияний, ни жертв». Вот что я говорил сенату...

Но самое важное, что возбудило вашу ко мне ненависть, состоит в следующем. Только что я прибыл в ваш город, народ, угнетаемый богатыми, стал кричать в театре: «Все поднялось в цене, на все дороговизна». На другой день я беседовал с богачами и старался убедить их пожертвовать несправедливыми прибытками и оказать милость гражданам и чужестранцам. Они дали обещание позаботиться об этом, и я ждал три месяца, но они ничего не сделали. Увидев, что жалобы дима справедливы и что дороговизна товара происходит не от недостатка его на рынке, а от жадности торговцев, я установил таксу на каждый предмет и объявил ее всем. Всего оказалось в достатке: и вина, и масла, и прочего; было мало лишь хлеба, так как засухи прошлого года уничтожили посевы, но я послал в Халкиду, в Иераполь и окрестные города и собрал 40 000 мистров, когда вышел этот запас, дал еще в разное время 5, 7 и 10 тысяч модиев, предоставил вам весь египетский хлеб, продавая его по дешевой цене, т. е. за 15 мистров вы платили то же, что прежде за 10. Что же делали ваши богачи? Они тайно продавали заготовленный ранее хлеб за дорогую цену и обременяли народ. Таким образом, причина вашей злобы в том, что я не допустил продавать на вес золота вино, зелень и овощи и не позволил, чтобы лежащий в складах богачей хлеб неожиданно обратился в серебро и золото. Я знал и тогда, что мои распоряжения не всем понравятся, но я мало заботился об этом, – я имел в виду благо обижаемого народа и чужестранцев, явившихся сюда ради меня и моих архонтов. За что же, ради богов, мы находимся в немилости? Не за то ли, что пропитываем вас на свой счет, чего прежде не бывало ни с одним городом; или за то, что увеличили список сенаторов, что, захватив воров на месте преступления, не подвергли их каре?..»

В заключение приведем еще любопытный текст или, лучше, анекдот, сохраненный позднейшим писателем [26]. Епископ Халкидона Марис, пораженный слепотой, раз встретившись с Юлианом, стал его жестоко порицать, называя обманщиком и отступником. Юлиан сказал ему: «Отойди, несчастный, и оплакивай свою слепоту, ибо тебя не исцелил Назорей, которому ты воздаешь поклонение». Этот же ответил: «Благодарю Господа моего Христа, даровавшего мне то утешение, что я не вижу твоего бесстыжеского и безбожного лица».

Для характеристики Юлиана как человека следует обращаться к тем же, большей частью, пристрастным источникам, по которым мы пытались ознакомиться с его церковной деятельностью. Либаний в похвальном слове Юлиану выражается, что риторика обратила к богам его героя. Мы бы предпочли здесь выражение школа, как более понятное в наше время. Может быть, в связи с личными школьными воспоминаниями легче объяснить закон его, воспевающий христианам преподавание. Юлиан увлечен был поэзией языческого культа, реальная же скромность христианства казалась для него соблазном и безумием. В попытках оживить фикцию старого мировоззрения Юлиан растратил свой острый ум, красноречие и необычайную начитанность. Но только что он умер, вся его система рухнула, и язычество уже не в состоянии было оказать противодействия христианским началам. По его смерти открылся, однако, вновь ожесточенный спор между его приверженцами и противниками из-за оценки характера его деятельности. Одни превозносили его до небес, другие топтали в грязь и всячески унижали его личный характер.

Нужно полагать, что Либаний в своем преклонении пред Юлианом набрасывает слишком яркие краски, сравнивая, как мы видели выше, своего героя с богами. Менее повышенный тон в характеристике историка Аммиана Марцеллина [27]. Он указывает такие черты, которые действительно свойственны были Юлиану и засвидетельствованы с разных сторон. Таковы его умеренность и самообладание. Он довольствовался самой скромной пищей и мало спал. Подкрепив кратким сном свое тело, он сам лично проверял караулы и пикеты, а затем обращался к занятиям науками. Он был глубокий знаток в науке военного дела и гражданского управления, весьма тщательно вникал во все судебные процессы и являлся непреклонным судьей. О его мужестве свидетельствует множество битв, он был чрезвычайно вынослив к холоду и зною.

Если теперь обратиться к христианским писателям, то получим иное впечатление. По смерти Юлиана в церквах были публичные молебны. Это был дракон, чудовище, Навуходоносор, Ирод, страшное пугало, преследующее народ Божий. Он был апостат по природе, жестокий и самый гнусный из людей. С коварством он принимает вид той дьявольской змеи райской, которая живет в его груди.

Источники для изучения времени Юлиана

Juliani Imperatoris quae supersunt, rec. Hettrlein 2 vol. Lipsiae, 1875–1876.

Juliani Imp-rii librorum contra christianos rec. Neumann, Teubner, 1880.

Libanii sophistae orationes et declamationes. Jo. Jac. Reiske, Altenburgi, 1791–1797.

Ammiani Marcellini rerum libri, rec. Gardthausen. Lips., 1874–1875.

Кулаковский и Сонни. Аммиан Марцеллин. Перев. с латинского. Вып. I, II. Киев, 1906–1907.

Zosimi comitis et ex advocati fisci historia ed. Mendelssohn. Lipsiae, 1887. Teubn.

Церковные историки Сократ, Созомен и Феодорит.

Gregorii Theologi vulgo Nazianzeni (ap. Migne), Cyrilli Alexandrini contra impium Julianum (ap. Migne).

Chabot. Chronique de Michel le Syrien, patriarche Jacobite d. Antioche. 1. Paris, 1899.

Пособия

Tillemont. Mémoires pour servir a` l`histoire ecclésiastique. II éd. Paris, 1701–1712. Vol. VII.

Vie de l`empereur Julien. Amsterdam, 1735, I–II partie. (Вероятно, De la Bletterie, которого сочинение цитируется по парижск. изд. 1946 г.)

Затем из обширной литературы об Юлиане, которая указана в сочинении Mücke, Fl. Cl. Julianus. 2 Bände. Gotha, 1867–1869, и в книге Vollert. Kaiser Jukianus religiöse und philosophische Ueberzeugung. Gütersloh, 1899, укажем лишь некоторые издания.

Talbot. Oevres comple`tes de l`empereur Julien. Traduction nouvelle. Paris, 1863.

Hecker. Zur Geschichte des Kaisers Julianus. Eine Quellenstudie. Kreuznach, 1886. Оценка источников.

Schwarz. De vita et scriptis Juliani imperatoris. Bonnae, 1888 (для хронологии).

Gardner. Julian the philosopher and emperor and the last struggle of Paganism against Cristianity. London, 1895.

Realencyklopädie für protest. Theologie. Herzog-Hauck. Том IX появился в 1901 г. С. 609–610, обзор и классификация литературы.

Глава V

Церковная и государственная политика в конце IV в. Феодосий Великий. Дело о жертвеннике Победы. Иммиграция варваров. Принятие их на службу империи

Кратковременное царствование Юлиана прошло как страшный ураган, мало затронув Запад. Существенного вреда христианской Церкви и в восточной половине империи оно не могло нанести уже вследствие недостаточной обдуманности и малой последовательности сделанных Юлианом распоряжений, а равно и потому, что местные власти не имели времени применить их на практике. После Юлиана не было охотников поддерживать его церковную политику.

Во второй половине IV в. самым выразительным явлением в области религиозной жизни было разделение христианского мира на два враждебных лагеря: исповедников Афанасиева учения, т. е. никейского символа, и приверженцев учения Ария. Особенно ревностным защитником арианства на Востоке был император Валент (364–378), о котором до сих пор свидетельствует водопровод его имени. Ко времени трагической смерти его все епископские кафедры находились в руках ариан, даже кафедра константинопольская замещена была арианином Димофилом. Положение внушало серьезные опасения еще и потому, что кроме численно и официально преобладавшей арианской партии, на Востоке было еще значительное число разных сект и учений, образовавшихся на почве философских воззрений на существо тогдашнего христологического вопроса. Со смерти Константина занявшая господствующее в империи положение христианская Церковь более 40 лет была разъедаема внутренней враждой, что не могло не унижать ее в глазах приверженцев языческого культа. В 379 г. западный император Грациан назначил своего полководца Феодосия августом, т. е. сопричислил его к императорской власти и дал ему в управление восточную половину империи. С тех пор судьбы Востока в политическом и церковном отношении стали направляться к одной цели, и произведенные в конце IV в. государственные и церковные реформы соединены с именем Феодосия, получившего прозвание Великого.

В церковном отношении деятельность Феодосия может быть рассматриваема с двоякой точки зрения: а) по отношению к старой римской религии, б) к разнообразным сектам и учениям среди христиан. В том и другом смысле Феодосий держался идеи религиозного единства и во всех отношениях давал преимущества христианству пред язычеством и никейскому символу пред арианством и другими учениями. В этом отношении законодательные его акты отличаются редкой ясностью и определенностью. С прибытием в Константинополь в 380 г. он прежде всего озаботился устройством церковных дел. Господствующее положение занимали, как выше сказано, ариане, которым принадлежали все церкви в столице и высшая церковная власть в лице епископа Димофила. Между тем христианская община, стоявшая на стороне никейского символа, хотя и значительная по числу, находилась в приниженном состоянии. Знаменитый Григорий Назианзин, управлявший православной общиной, собирал для богослужения свою паству в скромном частном доме, где была устроена домашняя церковь во имя Воскресения Христова – известная св. Анастасия. Феодосий немедленно и радикально по прибытии в Константинополь изменил положение дел. В 381 г. издан им знаменитый эдикт по церковным делам, которым было наложено запрещение на все религиозные собрания публичного характера, за исключением собраний приверженцев никейского символа. Признав все прочие вероучения еретическими, Феодосий по отношению к ариан-

ству выразился в упомянутом эдикте очень сильно: «Об ядовитом арианском кощунстве да не будет и слуха». Не желавшие подчиняться этому закону объявлены были вне Церкви и потеряли право иметь свои собрания. Все христианские церкви в столице и по всей империи переданы епископам, придерживавшимся никейского исповедания. Этим законом положен был конец господству ариан в Церкви [1].

В связи с этими распоряжениями, весьма решительно рассекавшими настоятельные и давно уже назревшие вопросы, Феодосий предпринял меры к немедленному созванию собора для обсуждения церковных дел. Второй Вселенский собор состоялся в Константинополе в мае 381 г. На нем были представлены главнейшие восточные епископы, из них известнейшие были: Мелетий антиохийский, Тимофей александрийский и Кирилл иерусалимский. Председательство имел Мелетий, а по смерти его – Григорий Назианзин и затем Нектарий. Первый вопрос, предстоявший обсуждению собора, касался замещения епископской кафедры в Константинополе после удаления арианского епископа. По желанию императора и большинства членов собора епископская кафедра была предоставлена Григорию Назианзину, но ненадолго, т. к. Григорий отказался и предложил вместо себя Нектария. В догматическом отношении этому собору принадлежит окончательное решение вопроса о третьем лице св. Троицы и окончательная редакция второй части символа, начиная с восьмого члена веры. Деяния собора утверждены императором в июле месяце 381 г. Кроме того, второму Вселенскому собору принадлежит составление нескольких церковных канонов, из коих особенное значение получил третий канон, усвоивший константинопольскому епископу право чести вслед за римским епископом. Этот канон читается так: «Константинопольский епископ должен иметь преимущественно чести вслед за римским епископом, так как Константинополь есть новый Рим» [2].

Не менее настойчиво и неуклонно шел император Феодосий в борьбе со старыми языческими верованиями. Хотя языческий культ уже распоряжениями Констанция был лишен государственной поддержки, будучи признан притом неразумным суеверием [3], тем не менее он держался еще между консервативными элементами населения как в больших городах, так в особенности в отдаленных и глухих провинциях. Конечно, нельзя думать, что старая вера без борьбы уступала место христианству. Хотя попытка Юлиана оживить язычество потерпела полное поражение, но с переходом к христианскому мировоззрению соединялась такая ломка тысячелетней и гордой своими успехами культуры и верований, вошедших в плоть и кровь классического мира, что было бы трудно допустить, чтобы язычество отказалось от всяких надежд на возврат к старому.

Еще в течение целых столетий можно будет там и здесь встретить остатки приверженцев языческого культа, но для изучающего историю культурного перелома в конце IV в. любопытно проникнуть в настроение современников, ознакомиться с мотивами, руководившими приверженцами старой веры. В этом отношении трудно найти более выразительный литературный факт, чем дело о жертвеннике Победы, возникшее в римском сенате по случаю предъявленного к нему правительством требования – удалить из курии этот символ языческого культа. Вопрос возник еще при императоре Констанции, который потребовал удаления из сената статуи Победы и прекращения языческого обычая приносить перед заседаниями жертву. При Юлиане распоряжение Констанция было отменено, так что до 383 г. римский сенат, может быть наполовину состоявший из язычников, удерживал в зале заседаний символы языческой религии. Император Грациан приказал восстановить повеление Констанция относительно жертвенника Победы, но сенат отправил к императору легата в лице сенатора Аврелия Симмаха с просьбой отменить повеление. Грациан не принял миссии, чем нанес сенату сильное оскорбление.

В 384 г. сенат во второй раз решился ходатайствовать о жертвеннике, и на этот раз пред преемником Грациана, четырнадцатилетним Валентинианом. Истолкователем желаний

сената был сенатор и префект Аврелий Симмах, записка которого представляет громадный интерес как памятник, бросающий живой свет на умонастроение языческой партии в занимающую нас эпоху. Действительно, нельзя без волнения слушать эту последнюю песню умирающего язычества, которое робко и жалобно просит милости у юного императора в пользу религии, которой его предки обязаны славой и Рим своим величием [4].

После краткого вступления в этой записке читается: «Я являюсь перед вашими величествами в двояком качестве: как ваш префект ходатайствую о делах государственного порядка, а как легат сената защищаю гражданские интересы. Между теми и другими нет разногласия, ибо люди перестали уже верить, что можно довериться благорасположению придворных, если между ними нет единодушия. Можно ли допустить, чтобы частные раздоры наносили вред государству? По справедливости, сенат преследует тех, кто славе государей предпочитает личное могущество, а наша забота – быть на страже благополучия вашего величества. В самом деле, чьи интересы мы защищаем, если заботимся о сохранении древних учреждений, о законах и обычаях отечества, о славе времен, которая тем выше, если и сами императоры остерегаются нарушать обычаи предков. Итак, мы ходатайствуем о сохранении религиозного строя, в котором благоденствовало государство. Рассуждая о государствах того и другого исповедания веры, мы находим, что одна часть чтит отечественные обряды, другая, более к нам близкая, не отменяла их. Если вера, которой следовали древние, не может служить примером, то да послужит таковым попущение ближайших императоров!

Найдется ли такой малообразованный человек, который был бы равнодушен к алтарю Победы! В нем наша безопасность на будущее время и наше спасение против всего необычайного. Воздадим, по крайней мере, символу ту честь, в которой отказываем божеству. Ваша вечность многим обязана Победе и многим будет одолжена впереди. Пусть пренебрегают ею те, кому она не принесла пользы; вы же не можете отвернуться от дружественного существа, даровавшего вам триумфы. Могущество ее для всех составляет предмет желания, и никто не может отказать в поклонении тому, что признает для себя желанным. Если бы было какое оправдание для удаления религиозного символа, то следовало бы не касаться того, что служит украшением курии. Умоляю вас, предоставьте нам передать в зрелом возрасте потомкам ту святыню, которую восприняли в детстве. Обычай имеет громадную власть, поэтому и не могло долго оставаться в силе распоряжение божественного Констанция об удалении алтаря Победы. Божественная и славная вечность ваша должна позаботиться и о том, чтобы в будущем не пришлось исправлять ваши распоряжения. Где мы будем давать присягу на соблюдение ваших законов и повелений, какой религиозный обряд устроит злую волю от дачи ложного свидетельства? Конечно, божество все наполняет, и для вероломного не найдется безопасного убежища, но присутствие священного предмета всего больше сдерживает от преступления. На этом алтаре покоится согласие всех, он знаменует общую верность, и ничто не придает большого авторитета нашим решениям, как всесильная клятва, данная в собрании сенаторского сословия. Тогда откроется свободное поле для клятвопреступлений, и об этом следует внимательно вам подумать, так как в публичной присяге кроется вся ваша безопасность.

Но, скажут, так поступил и божественный Констанций. Будем подражать лучшим другим деяниям этого государя, который никогда не позволил себе повторить ошибки, сделанной предшественником. Ибо последующего исправляет сделанная предыдущим ошибка, и из порицания предшественного рождается критика примера. Итак, да будут приняты к подражанию другие достойные деяния того же государя. Он ни в чем не нарушил привилегий священных девственниц, щедро наделял жреческие коллегии, не жалел издержек на римские религиозные торжества и по всем улицам Вечного города ходил с членами сената, весело и радостно глядел на святилища, читал на фронтонах храмов имена богов, распра-

шивал о строении, восхвалял строителей. Сам следуя другой религии, нашу он сохранил для государства, ибо каждому свойствен свой обычай, у каждого свой обряд. Божественное провидение дало различным городам различных приставников; как при рождении распределяются души, так каждому народу даются определенные судьбой гении. Присоединим и пользу, которая особенно приближает к человеку богов, ибо если весь смысл вещей сокрыт, откуда же лучше исходит знание божественной воли, как не из памяти и документов о благоприятных событиях? Итак, если целая вечность придала авторитет религии, то должна быть соблюдаема верность стольким векам и почитаема вера родителей, которые имели счастье воспринять ее от своих отцов.

Вообразим, что здесь присутствует сам Рим и обращается к вам с такими словами: высокие государи, отцы отечества, благоволите принять в уважение мои годы, до каких я дошел в благочестивом обряде, и разрешите мне пользоваться отеческими священными обычаями. Сей культ подчинил всю вселенную моим законам, эти священные обряды спасли меня от Аннибала и прогнали от Капитолия сенонов. Ужели для того сохранены мои дни, чтобы на старости подвергнуться мне позору? Итак, просим, дайте мир богам, отечественным и национальным героям. Справедливо, чтобы мы были соединенными в том, чему все отдают поклонение. Все мы смотрим на те же звезды, все живем под одним небом, тот же мир обнимает нас; что за дело, каким путем кто ищет истины, и разве можно одной дорогой прийти к раскрытию этой величайшей тайны!

Но это – бесполезное словопрение. Мы же обращаемся к вам с мольбой, а не спорим. Какую выгоду получила священная казна, что весталки лишены своих прерогатив? Ужели самые щедрые императоры решатся наложить руку на то, что допускали наиболее скупые? В том как бы вознаграждении за обет чистоты нужно видеть один лишь почет: как ленты на голове служат украшением весталки, так жреца отличает свобода от государственных повинностей. Речь идет о пустом имени иммунитета, потому что от расходов они гарантированы своей бедностью. Итак, те, которые отнимают у них что-либо, еще более содействуют к похвале их, ибо по справедливости возрастает цена девства, посвященного государственному благу, если оно не имеет вознаграждения. Не старайтесь делать такой экономии с государственным казначейством: у добрых государей казна растет не на счет жрецов, а из военной добычи! И эта жалкая прибыль разве уравнивает причиняемую ею обиду, тем более что скупость чужда вашего обычая, но тем несчастней участь тех, у кого отнято обычное содержание.

Фиск удерживает имущества, завещанные весталкам и жрецам последней волей умирающих. Умоляю вас как жрецов правосудия, возвратите святыням вашего города то, что идет им по частным завещаниям. Да будет воля завещателя тверда и неизменна, как вырубленная топором, и да знает завещатель, что при щедрых императорах завещание его пребудет твердо, уже бывшие примеры доставляют беспокойство умирающим. Разве римская религия лишилась защиты римского закона? Какое имя дать присвоению имущества, которые никакой закон и никакой случай не делают выморочными? Получают вольноотпущенники, рабы не лишаются преимуществ, доставляемых завещаниями, только благородные девственницы и служители культа исключаются из прав по наследованию. Что за удовольствие посвящать чистое тело на службу государству и небесной защитой поддерживать вечность империи, на ваше оружие и на ваши знамена наводить благорасположенную доблесть и предпринимать за общее благо молитвы, если не пользоваться общими с другими правами?

Пусть не подумает кто, что я защищаю только религиозный вопрос. Нет, из нарушений подобного рода произошли все несчастия в римском государстве. Древний закон почтил скромным обеспечением и справедливыми привилегиями девственных весталок и служителей богов. В неприкосновенности это преимущество оставалось до тех пор, пока жалкие

банкиры не обратили идущие на содержание священной чистоты средства в плату низшим служителям. Следствием этого был общий голод, и скудная жатва обманула ожидания провинциалов, но вина не в земле, нельзя жаловаться и на ветер, не спорынья повредила посевам, и не сорные травы убили хлеба: святотатство иссушило почву! Ибо настояла необходимость погибнуть всему богоотступничеству. Жизнь поддерживается лесными произведениями, и голод снова привел простой народ к плодам додонского дерева. Испытывали ли подобное несчастье провинциалы, когда служители религии окружены были почетом? Когда дубовыми желудями питались люди, когда корни трав шли в пищу? Было ли время, когда при голоде, постигавшем ту или другую область, не выручал общий урожай и когда у народа и священников были одинаковые средства пропитания? Ибо даваемые на содержание служителей религии средства обеспечивали урожай, и сбор хлеба всегда превышал потребление.

Но может кто-нибудь сказать, что казенного содержания лишена не государственная религия. Не могут разделять добрые государи того мнения, что раз пожалованное из казны частному лицу может быть почитаемо собственностью фиска. Государство состоит из отдельных лиц, что исходит из государства, то обращается в достояние отдельных личностей. Хотя вы всем владычествуете, но за каждым сохраняете то, что ему принадлежит, и вами самими управляет правда, а не произвол. Итак, посоветуйтесь с вашим великодушием, может ли оно считать государственным достоянием то, что раз дано частным лицам. Доходные статьи, раз определенные в честь города, перестают принадлежать жертвующему, и что в принципе было бенефицией, обычаем и временем обращается в обязательство.

Ваше милосердие должно оказывать покровительство всем вероисповеданиям, а наипаче тому, которое покровительствовало вашим предкам. Мы ходатайствуем за ту религию, которая сохранила империю божественному родителю вашему и даровала ему законных наследников. Сей божественный старец смотрит с вершины звездного круга на слезы священников и жалеет о нарушении обычая, который сам он охотно соблюдал. Представьте же и божественному брату вашему исправить чрез вас данный ему нехороший совет⁴, покройте тот факт, которым он по неведению сделал неприятность сенату».

Амвросий Медиоланский, узнав о содержании этого ходатайства сената, весьма встревожился и поспешил принять самые энергичные меры, чтобы ослабить действие записки Симмаха. Он убедил императора не оказывать пощады язычеству и настоял на том, чтобы ходатайство сената оставалось без удовлетворения. Приведенный памятник остается, тем не менее, весьма интересным историческим документом, который выразительно рисует настроение лучших умов языческого общества и бесспорно преобладающее положение христианства.

Эдикты Феодосия первоначально назначались для восточной половины империи, но с 388 г. они получили приложение и на Западе. В 391 г. издан известный Миланский эдикт, которым всякие жертвоприношения и все религиозные обряды в языческих храмах были объявлены преступлениями против императора, за которые полагались денежные штрафы и конфискация имущества. В 393 г. в последний раз были отпразднованы Олимпийские игры, и вскоре затем перевезена была в Константинополь статуя Зевса Олимпийского, знаменитое произведение Фидия. Мероприятиями Феодосия нанесено было окончательное поражение языческой партии, преемникам Феодосия оставалось лишь применить к жизни изданные им законы.

Между всеми восточными городами Александрия уже давно представляла собой центр учености и религиозно-философских систем и умозрений. Хотя христианский элемент был

⁴ Намек на императора Валентиниана I и сыновей его Грациана и Валентиниана II.

довольно распространен в городе и епископ Александрии даже на Западе пользовался большим уважением как столп правоверия, тем не менее и язычество имело здесь много приверженцев. Это лежит частью в существе восточного воззрения на веру в богов, которое никоим образом не удовлетворялось простым бессознательным принятием и передачей старых традиций, но стремилось переработать их чрез религиозно-философские доктрины и старую веру примирить с требованиями новой на основании научного и логического мышления.

Языческая культура в IV в. с успехом отстаивала себя против христианских веяний в Египте, и знаменитый храм Сераписа в Александрии, Серапий, оставался центром языческого культа. При храме была большая библиотека. Просвещенные язычники и тысячи пилигримов стекались сюда для обмена мыслями и по религиозным побуждениям. Христианский епископ Александрии не мог безразлично относиться к этому языческому святилищу. Таковым был в 391 г. известный ревнитель православия Феодил. Этот воинственный князь Церкви в тесном союзе с монахами, для которых Серапий был бельмом в глазу, получил от императора позволение на месте развалившегося храма Вакха построить христианскую церковь и по этому случаю устроил по городу процессию со статуями богов. Начался бунт в городе, язычники выступили против христиан. Порядок был восстановлен с большим трудом тогда, когда император рескриптом, данным в Аквилее, приказал разрушить Серапий и, вместе с тем, запретил отправление языческого культа. Любопытно, что на строительном материале найдены были знаки креста, кои христианами были истолкованы как предвещание о последовавшей катастрофе Серапия [5]. Уже без разрешения императора христиане разрушили храмы в Финикии и также знаменитый храм в Осроене, который Феодосий хотел было пощадить как произведение искусства. Приказом 8 ноября 392 г. префекту претория Руфину запрещено языческий культ отправлять как публично, так и частно.

Указанные сейчас знаки креста на строительном материале при первоначальном знакомстве с этим известием казались мне фантазией египетских мистиков. Но, когда мне лично удалось побывать в Египте и ознакомиться с древними памятниками как на месте их нахождения, так и в музеях, то передо мной выступила другая мысль. Христианских эмблем и разных орнаментальных изображений, приближающихся к кресту, равно как весьма распространенных в мистической христианской литературе образов, например крылатого змея, так много и часто можно наблюдать на памятниках Древнего Египта, что маловыясненная пока связь их с христианством может возбуждать пытливое любопытство и в настоящее время.

Ввиду чрезвычайной важности церковной политики Феодосия Великого нам следует выяснить ее ближайшие результаты на развитие церковных отношений в Византийской империи. По основному характеру деятельность Феодосия Великого направляется к установлению религиозного единства в империи, и в этом отношении он может быть поставлен рядом с равноапостольным Константином. В частности, Феодосий не только продолжает издавать законы против язычества, но последовательным рядом законодательных и административных мер приходит к окончательному и абсолютному запрещению языческого культа как в общественных собраниях и храмах, так и в частных домах. Законом, изданным в 392 г., предусматривалось, что если бы кто затем был обвинен или в принесении жертвы, или в совершении гаданий по внутренностям животных, тому угрожал процесс по закону об оскорблении величества и конфискация имущества; небрежение чиновников по отношению к этому закону наказывалось большим денежным штрафом. Гораздо серьезней в конце IV и в начале V в. был другой вопрос, препятствовавший достижению религиозного единства, вопрос об отпавших от единства с Церковью или об еретиках. Здесь Феодосием установлен принцип, который после него становится одним из устоев империи: «Все должны верить так, как заповедал это Петр, верховный апостол, и как соблюдали римский епископ Дамас и александрийский Петр. Только те, кто исповедует равночестную божественную Троицу, называются кафоликами; те же, кто исповедует иначе, называются еретиками» [6].

Этот принцип имел своим непосредственным применением исключительное торжество и господство никейского символа. Политическая важность выраженного положения усматривается из того, что в особенности на Востоке образовалось множество мнений и учений, отступающих от богословского воззрения, нашедшего выражение в никейском символе, и, следовательно, ставших в оппозицию и к господствующему вероучению, и к поддерживающему его светскому правительству. Этим создавалось крайнее затруднение для проведения идеи религиозного единства. В самом Константинополе, чтобы удалить арианского епископа Димофила и восстановить православного, потребовалось применение военной силы.

Так или иначе, под угрозой жестоких наказаний и конфискации имущества язычники и еретики принуждены были уступить, т. е. присоединялись внешним образом к господствующей Церкви. Но Церковь далеко не выигрывала от таких случайных присоединений, напротив, чрезвычайно много теряла в своей внутренней силе. Наконец, в рассуждении церковной политики Феодосия нельзя не обратить внимания на то, что он слишком круто подчинил церковный строй требованиям государственным. Если Церковь обращена им в орудие для достижения государственных целей, то этим принесено было в жертву то, что составляет самое существенное и самое дорогое в религии – свобода совести. Здесь идет речь не только о том, что победоносное и торжествующее христианство отказалось от самых высоких принципов, провозглашаемых им во время угнетенного положения (припоминается знаменитая фраза Тертуллиана: одной вере не свойственно притеснять другую – *religionis non est religionem cogere*), но также об опасности для самого государства поставить себя в зависимость от религиозного единства. История представила слишком явные доказательства того, что такой тесный союз Церкви и государства, какой установился в Византии, не был полезен ни той, ни другой стороне. Особенно важно отметить те мероприятия, в которых усматривается начало обособления Востока и намечаются характеристические черты развития православно-восточной Церкви.

Само собой разумеется, что с перенесением столицы империи в Константинополь Рим не утратил своих старых политических и моральных привилегий. Но как столица империи и резиденция императора Константинополь начал обнаруживать притязания на первенство между всеми городами Востока и некоторое соперничество с Римом уже в IV и V вв., когда императоры должны были ради безопасности переносить столицу в Милан, Равенну и другие города Италии. Но высокий авторитет, которым пользовался римский епископ на Западе, не мог быть поколеблен тем обстоятельством, что Рим временами был развенчан и даже подпадал под власть варваров, так что в церковном отношении самостоятельность Восточной Церкви не была предрешена разделением империй и основанием Константинополя. Но и в этом отношении первые шаги сделаны были Феодосием. Его намерения ясно выражались в созвании на собор в Константинополе в 381 г. только восточных епископов и в известном правиле этого собора о привилегии Константинополя на право чести вслед за Римом. Весьма любопытно, что на Западе в следующем же году созван был собор в Аквилее, на котором не присутствовали восточные епископы, хотя на этом соборе трактовались вопросы, относящиеся к Восточной Церкви. Самый влиятельный тогдашний епископ Амвросий медиоланский не преминул обратиться к Феодосию с письмом по поводу этого обстоятельства, указывая на установившийся обычай в делах церковных спрашивать мнения Римской Церкви, но письмо осталось без результата [7]. Можно думать, что в своих воззрениях на церковный вопрос Феодосий руководился идеей самостоятельности Восточной Церкви. Во всяком случае, его авторитету и настойчивости обязана Восточная Церковь своими первыми попытками управляться независимо от римского епископа.

К концу IV в. в Римской империи обнаруживается другое явление, имеющее в дальнейшей исторической эволюции величайшее значение после христианства. Имеем в виду иммиграцию новых народов, которые то с оружием в руках, то мирными колонистами засе-

ляли римские провинции. Наиболее сильными выразителями эпохи переселения народов были готы – одно из даровитейших немецких племен.

Готы – это норманны эпохи переселения народов. В небольшой период времени они искрестили всю Европу с севера на юг и с востока на запад, нигде не делая продолжительной остановки. Познакомившись с южным морем, они предпринимали морские набеги на прибрежные страны Европы и Азии, переходили большими отрядами на малоазийский материк и опустошали римские города.

Из первоначальных мест своего обитания у Балтийского моря они в конце II в. (160–170) двинулись к югу и произвели здесь перемещение народов Восточной Европы. Перемещение готов с севера на юг продолжалось по крайней мере 30 лет: в начале III в. они уже занимали Юго-Восточную Европу от Дуная до Дона; река Днестр разделяла готов на две части: восточную и западную. Неизвестно, вынесли ли они с родины разделение на две ветви, или уже на римской границе образовалось разделение; во всяком случае в III в. готы разделяются на остготов и вестготов. Первые назывались на туземном языке еще грейтунгами, ими владычествовал род Амалов; вторые именовались тервингами и были под управлением рода Балтов.

О наследственной королевской власти и объединении всех готов не может быть и речи, хотя национальный историк Иорнанд уже до времени Константина Великого насчитывает у готов четырех королей. Даже в конце IV в. находим у них двух самостоятельных властителей, Атанариха и Фритигерна, и, кроме того, отдельное государство Германриха. Нужно думать, что это были начальники отдельных колен, успевшие личной храбростью возвыситься над старшинами других колен. Теперь уже доказано, что историки Кассиодор и Иорнанд придали Германриху обширную власть из политической тенденции. Малая достоверность древнейшей истории готов прекрасно документируется письмом остготского короля Аталариха римскому сенату от 534 г. Король говорит здесь о заслугах готского историка Кассиодора следующее: «Он погрузился в древность нашего рода и вычитал там то, что едва хранилось в памяти наших предков. Он вывел из мрака забвения готских королей, восстановив в полном блеске славу рода Амалов, ясно показав, что мы составляем 17-е поколение королевской династии. Первоначальную готскую историю он связал с римской, соединив как бы в один роскошный венок то, что было разбросано по широкому полю книг. Подумайте, сколько любви показал он и к вам, похвалив нас. Он разъяснил, что вы находитесь под властью народа, который искони отличался чудною славой».

Несмотря на старания Иорнанда и Кассиодора, древняя история готов остается весьма темна. Правда, отдаленнейшие страны испытали несчастья от их набегов, самый Рим не раз находился в крайней опасности, например в 251 г., когда в войне с готами пал император Деций, но напрасны усилия доказать, что в этих смелых набегах и войнах с империей готы действовали по определенному плану как организованный народ-войско, а не как дружинники и пираты. С 238 г. римляне начали откупаться от них деньгами, но и это не помогало, т. к. на место ушедшей дружины являлась новая и требовала подачки.

Важнейшим моментом в отношениях между готами и римлянами было, без сомнения, завоевание Крымского полуострова остготами около половины III в. Сделавшись владельцами этой прекрасной страны, готы воспользовались местными условиями и утвердили свою власть на море. Прибрежное крымское население, приученное к мореплаванию, служило гребцами и проводниками и вело готов за добычей. Тогда самые укрепленные места, как нынешняя Пицунда и Трапезунт, не были свободны от страха готского нашествия. С моря угрожали пираты-остготы, с суши – дружины вестготов, которые переправлялись через Дунай, делали опустошения на Балканском полуострове, доходя до Босфора. На рыбачьих лодках переправлялись они из Европы в Азию и с богатой добычей возвращались снова за Дунай. Император Клавдий в 269 г. нанес им поражение при Ниссе, причем он доносил, что

врагов было до 300 000. Но в 274 г. император Аврелиан принужден был уступить готам Дакию для поселения.

Древнейшие германские литературные памятники – готского происхождения; так, перевод Библии на немецкий язык сделан готом Ульфилою в первой половине IV в. Христианство прежде всего распространилось среди крымских готов, первые об этом известия относятся к 258 г. На первом Вселенском соборе в 325 г. присутствовал готский епископ Феофил. Из писем И. Златоуста (206 и 209) известно, что он посвятил для готов епископа Унилу.

Роковым событием в истории готов было то, что они сделались ревностными последователями арианства. По вопросу об обстоятельствах распространения у готов арианского учения существуют разноречивые мнения. Следует думать, что в III в. христианство проникло лишь к крымским готам, а что в IV в. арианство распространил среди вестготов епископ их Ульфила [8]. Он родился около 311 г., воспитание получил при дворе римского императора, куда попал в качестве заложника. В 340 г. посвящен Евсеем в епископы и отправлен миссионером к вестготам, обитавшим в Дакии и смежной с ней части Мизии. Он действовал между готами до 381 или 388 г. Как сказано выше, ему принадлежит перевод Библии на немецкий язык.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.